

СУННАТУЛА
АНАРБАЕВ

КРАСНОЕ ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМ. ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ—1974

Уз 2
А 64

7-3-3-93
А-М-352-06-74 61-74

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1974

ПОВЕСТЬ

КРАСНОЕ ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

Глава I

Хайрибиби уже который раз тревожно выглядывала за калитку, но узкая тропинка через тутовую рощу пуста, — нет старика... не случилась ли, не доведи, господи, беда...

— Что с ним? — проворчала Хайрибиби, подбрасывая хворост в потухший очаг. — Раньше, едва сядет солнце, со всеми вместе отправлялся домой. А теперь и по ночам где-то пропадает. Свободу почуял!

Не успела старушка хорошенько излить душу, как за воротами послышалось привычное, с хрипотцой, покашливание мужа. Старика Тулягана не проведешь, он сразу, как взглянул на жену, понял, что в их семье произошло что-то важное...

— Ну-у! — спросил старик, для пущей строгости заложив руки за спину.

— А что это у вас торчит под халатом? — не зная, с чего начать, вопросом на вопрос ответила Хайрибиби.

Со старика мигом слетела напускная спесь. Он достал из-под халата обыкновенные садовые ножницы и, вертя их перед лицом жены, сказал просто:

— Ничего особенного — ножницы...

— Ах, вот вы где пропадаете день-деньской!

— А что в этом дурного?! Не в чайхане же сижу, как другие пенсионеры, а работаю, копаюсь в саду, поняла — в саду!

— Пропади он пропадом, этот ваш сад! — проворчала жена и стала помогать старику раздеваться. И, когда он разделся, она долго вытряхивала сор из его одежды, все думая, с чего начать разговор, но старик Туляган еще раз нетерпеливо сказал:

— Ну, рассказывай, рассказывай...

Хайрибиби вздохнула и сказала еле слышно:

— Телеграмма пришла... от дочки...

У старика дрогнули губы, он стоял и, чуть нахмурился, смотрел на жену, ожидая дальнейших вестей. И жена добавила все так же осторожно:

— Она, оказывается, собирает большое пиршество...

— Какое такое пиршество?

— Ну что вы на меня напали?— боясь, как бы старик не вышел из себя, набросилась на него старуха.— Ну, пиршество... в честь того... она ведь скоро ученой будет, понимаете... Прибежала дочь Саидасрара, радостная, телеграмма, говорит, пришла на имя директора совхоза...

— Это почему еще? Адрес родного дома забыла?

— Боже, что у вас за характер?! Она и директора пригласила, понимаете, какая честь для нас!

Старик в сердцах махнул рукой, как бы говоря, что не нужна ему теперь ни честь, ни слава, и стал молча стягивать с ног сапоги. Хотела старушка попросить у него суюнчи¹, но, глядя на хмурого старика, раздумала. Только проворчала, когда Туляган встал и направился к арыку:

— И как я столько лет терплю этого человека?!

Слова ее дошли до слуха старика, но он промолчал, занятый другими мыслями. Подойдя к арыку, он сел на корточки и прошептал, глядя на мутноватую воду:

— Сначала осрамила на весь свет, а теперь приглашает на пиршество. Нет, нет, этим старого Тулягана не возьмешь...

Вот уже десять лет как семья в ссоре с дочерью, живущей в Ташкенте. Хайрибиби еще время от времени навещает ее, но старик Туляган проклял навек. О, как он рассвирепел, этот старик Туляган, когда услышал о поступке дочери! Хотел тут же лететь в город и растерзать родную, единокровную дочь и того, кто сбил ее с пути послушания и благочестия!

Неделю-другую ходил как в воду опущенный, избегал людей, боясь показаться им на глаза. От нестерпимой душевной боли лежал плашмя на сырой земле и рвал на себе бороду. Но правильно говорят, голова человека тверже камня, ко всему привыкает. Вот и старик

¹ Суюнчи — подарок за добрую весть.

Туляган постепенно успокоился... А теперь... снова расте-
ребили старую рану.

— Туляганбай! Вы дома?— слышалось тем време-
нем с улицы, и к голосу соседа Саидасрара присоединил-
ся зов Хайрибиби:

— Где же вы там пропали?

Старик очнулся, отогнал от себя мрачные мысли и
стал мыть руки в арыке. А когда совсем успокоился, мед-
ленно направился к дому, наблюдая, как его старуха
заговорщицки шепчется с Саидасраром.

Сосед в своем всегдашнем черном халате и кирзовых
сапогах, приложив руку к туговатому уху, напряженно
слушал Хайрибиби. И, когда Туляган подошел к ним,
спросил удивленно:

— Вы что, еще не уехали в Ташкент?

«В заговор вступил с моей старухой»,— чуть усмех-
нувшись, подумал Туляган, но промолчал.

Саидасрар продолжал говорить быстро, боясь, как бы
старик не прервал его:

— Я всегда говорил: ваша дочь самая способная в
кишлаке... Эх, как жаль, что я занят, не то бы с удоволь-
ствием стал вашим попутчиком!— Говорил он так громко,
что старик Туляган испугался, как бы их разговор не
услышали другие соседи, поэтому поспешил прервать
Саидасрара, сказав:

— Вот мать поедет... А у меня дела. В саду... Да и
виноградники еще не вскрыты...

— Нет, так не годится.— Сосед взял его под руку
и отвел в сторону.— Ехать должны вы! Пусть ваша дочь
плохая, но вы-то должны быть мудрым... А в саду пока
поработают ваши ученики. Пора уже доверять им —
ведь они ваша смена... Особенно Шадман. У парня зо-
лотые руки...

— Да, верно,— не дала старику рта раскрыть его
старуха.— Пусть аллах рассудит, куда же я поеду? Ко-
рова недавно отелилась, а теленок совсем еще слабень-
кий...

Не успела Хайрибиби умолкнуть, как сразу же заго-
ворил опять Саидасрар:

— Постыдились бы!— сказал он Тулягану резко.—
Ваш зять — большой человек, ученый, говорят, его вся
страна знает. И не только наша страна, но и...— Он стал
медленно перечислять те страны, которые знал:— Афга-

нистан, Африка, Болгария.—На этом познания его закончились...

Хайрибиби, стоя за спиной мужа, все это время делала соседу одобрителные знаки, как бы говоря: «Какой вы молодец, умный человек».

— Я уже все ваши вещи уложила,— сообщила вдруг она.

— Если вы теперь, на старости лет, не помиритесь сс своей дочерью и ее мужем, знайте, аллах не позаботится о вас на том свете,— сказал Саидасрар и попал, видно, в самое уязвимое место старика.

Туляган опустил глаза, вздохнул, а Саидасрар, довольный, направился к выходу.

— Мой зять проводит вас к поезду...

После его ухода старик Туляган сел на айване, чтобы обдумать, как ему быть дальше: действительно, Саидасрар прав, если другие сделали зло, тебе не обязательно отвечать тем же, ты должен быть выше, мудрее.

Мысли его на мгновение прервала жена:

— Разливать маставу?

Не отвечая, старик продолжал размышлять: «Если не наказывать зло, оно может окрепнуть... Но действительно ли Чулпанай сотворила зло? Может быть, я чего-то не понимаю в этом мире? Люди меняются, у молодежи другие взгляды на семью... Нет, надо поехать и во всем самому разобраться...»

— Ну что вы за человек?— услышал он снова голос жены.—То целыми днями молчите, хмурый, то часами безудержно говорите, хоть убегай на край кишлака от вашей болтовни.

Она разлила маставу, заправила кислым молоком и неожиданно заплакала — нервы не выдержали...

— Хорошая она или плохая, но ваша дочь. Не с улицы же я ее привела,— причитала она и била кулаком о дастархан.

Старик молчал; ему жаль было свою старуху, но он не знал, как ее успокоить. Так ничего и не придумав, он потянулся за сапогами.

Хайрибиби сразу поняла, обрадовалась.

— Наденьте лучше хромовые,— засуетилась она.

— И эти хороши.

— Тогда чистую рубашку...

— Не нужно. Не в мою честь это пиршество.

Хайрибиби засеменила в комнату и вышла оттуда, неся костюм, который позвякивал от орденов и медалей.

— Но ваш орденосный костюм вы непременно должны надеть...

— А это еще зачем? Перед кем хвастать?

— Как это перед кем? Там соберутся ученые люди, все с наградами, вот и вы в грязь не ударите лицом!

Старик постоял, подумал, но упрямство взяло верх, и он потянул руку за старым халатом на вешалке.

— Нет!—Хайрибиби вырвала из его рук халат.—Не пущу я вас в таком виде! Лягу у порога и не пущу!

Когда старик, наконец, смутился и надел новый халат, у ворот послышался шум машины.

— Пусть вам будет счастье в жизни!— поблагодарила Хайрибиби приехавших и понесла мешок старика к машине.

Старик остановил жену, взял у нее мешок и, недовольный, еще раз сделал замечание:

— Все добро запихала в мешок, ну и хозяйка!

— Не с пустыми же руками вам ехать к своим детям!

Вошел Саидасрар и помог Тулягану положить мешок в багажник.

Старик засмутился, увидев, что другие соседи вышли провожать его, и быстро сел в машину. Соседи, наклонившись к старику, просили передать привет Чулпанай и ее мужу, а также давали различные советы на дорогу: где и как положить мешок в вагоне, чтобы его не стащили, что делать, если старик, не дай бог, отстанет на остановке от поезда...

Старик молча выслушал всех, кивнул, и машина медленно повезла его по проселочной дороге мимо древних чинар, на которые Туляган смотрел с грустью, как бы прощаясь навсегда.

Когда машина скрылась из вида, Хайрибиби устало опустилась на порог дома, прошептала:

— Неужто уехал? Не верится...

Сказала она это с радостью, но как только зашла в дом, сразу затосковала. Тишина, все пусто, нет ее старика, никто не ворчит, не хмурится... Хайрибиби смахнула слезу, пошла и села на айван, там, где только что сидел ее старик.

— Такой уж прав дан богом, ничего не поделаешь.—
прошептала она.—Но и Чулпанай во многом не права.
Совсем согнула старика, негодница...

Как бы в унисон ее мыслям, жалобно замычал теле-
нок, затем, покачиваясь на слабых ногах, пришел к ста-
рушке и стал ласкаться, тереться мордой о ее ла-
донь.

«Столько дел,— заволновалась Хайрибиби,— и коро-
ва осталась на привязи у канавы, и дастархан не уб-
ран — прыгают уже на нем, поклевывая крошки, во-
робьи, и немытая посуда на кухне...»

...Когда со всеми делами было покончено, Хайрибиби
снова села на айване, думая о том, что надо непременно
начать шить атласное платье для молодой агрономши,
но в это время кто-то окликнул ее:

— Чевар-ая!¹

Хайрибиби от неожиданности вздрогнула, подумала,
уж не старик ли ее вернулся с полпути, снова рассер-
дившись на дочь, и, когда вышла за ворота, увидела
машину, но без мужа.

— Хвала аллаху,— промолвила она, отдышавшись,
а шофер, сидящий в кабине, как бы угадывая ее мысли,
сказал в ответ:

— Туляган-ата уже, должно быть, за Учкурганом...
Он просил передать, что в кладовке есть новая веревка
для коровы. Сказал, что та, которая у коровы на шее,
сильно истрепалась, того и гляди может оборваться...

— Ой, да что вы!

— Сказал, что, если оборвется, корова объестся в
клеверном поле...

— Спасибо, миленький, смену я веревку, пусть не
волнуется...

— И еще Туляган-ата просил передать, чтобы вы на
ночь запирали ворота на засов... Если вам страшно, я
могу послать жену...

— Нет, нет, не утащит же меня волк,— ответила ста-
рушка и, когда машина уехала, все еще стояла и дума-
ла о старике, думала, какой он все-таки трогательный и
смешной в своей заботливости, даже в дороге не мог ус-
покоиться...

¹ Чевар-ая — тетушка-швея.

На робкий стук старика из калитки вышел мужчина в темно-коричневой пижаме. Туляган, не снимая мешка со спины, внимательно разглядывал незнакомца в очках с тонкой оправой — неужели это тот, о котором с таким восторгом говорила его старуха: «Зять наш в меру упитан, приятен внешностью, а из курчавой головы не выпал еще ни один волос».

— Мулла,— не сказал, а выдохнул от волнения старик Туляган,— здесь ли дом Султана Алиева? Ну, этого самого... известного...

Человек в пижаме улыбнулся в ответ, но старика это почему-то озадачило: «Что я сказал смешного? Не поймешь этих горожан!»

Старик уже хотел поворачивать обратно, думая, что ошибся дверью, но хозяин дома предупредительно взял его под локоть.

— Вы... к Чулпанай?

— Да, я ее отец,— нахмурясь, проговорил Туляган.

Зять заволновался, и от волнения смотрел не на гостя, а во двор, словно хотел звать кого-то на помощь.

— Заходите же, милости прошу... Наконец-то!— скороговоркой отвечал Султан Алиев и, наконец, догадался снять с плеча старика тяжелый мешок.

Затем Алиев распростер руки, чтобы обнять Тулягана, но старик, растерянный, остановился: ведь это тот самый человек, который в течение десяти лет причинял ему страдания. И как это можно сразу лезть к нему в объятия?

Старик сделал вид, что не заметил намерения зятя, только увидел его тонкие пальцы и подумал: «Такие руки ни для чего не годятся, кроме как для письма».

Чуть замешкавшись у входа, они зашли во двор, и старик сразу увидел под навесом белую «Волгу». Поймав его взгляд, зять сказал:

— Зря вы не дали телеграмму. Я бы вас встретил на машине.

«Если бы я сам не захотел, ты бы меня и арканом сюда не заташил,—подумал старик.— Да другого выхода у меня не было».

— А Чулпанай спит и ничего не знает,— заулыбался Алиев.— Как она обрадуется!

Алиев деликатно обошел тестя и заторопился к большому дому, видневшемуся сквозь огромное ветвистое ореховое дерево. Увидев эту старую орешину, Туляган обрадовался, как родному существу, потому что поездка по тесным городским улочкам изрядно утомила его — одни только камни, бетон и глина...

Старик поднялся на террасу и без приглашения сел за большой стол, но не успел он еще раз полюбоваться орешинной, как кто-то нежно обнял его за плечи и прошептал:

— Папа, папочка...

По утомленному телу старика пробежала дрожь, и он почувствовал, как к его горлу подступают слезы от радости, обиды, волнения, от дум и бессонных ночей...

Вот она, его родное дитя, его Чулпанай. Помнит он ее загорелой и стройной, бегавшей босиком с подругами к речке. А теперь у нее белое лицо горожанки, от нее идет благоухание дорогих духов, и вся она шелестит своим платьем из японского шелка...

— Прошу, пожалуйста, к столу, — сказал кто-то.

Старик вздрогнул оттого, что прервали его радостное волнение, нежно отстранил от себя дочь, выпрямился. Это был голос зятя, человека, который отнял у него Чулпанай... Он уже сидел в другом конце стола, в сером элегантном костюме. Желая сделать старику приятно, он вдруг назвал Тулягана «папой», и слово это, произнесенное устами Алиева, прозвучало странно и неуместно.

— Угощайтесь, папа...

Стол уже был накрыт разными угощениями в дорогой посуде, были тут и гостинцы, привезенные стариком из кишлака, — сливочное масло, сбитое Хайрибиби, орехи и сахаристый урюк, а также в отдельном блюде сузьма.

Глядя на все это, Чулпанай визжала от восторга, как дитя, которое соскучилось по материнской стряпне.

— Султан Алиевич, вы ведь тоже очень любите домашнее сливочное масло, — сказала она мужу.

— Да, дорогая, очень. Особенно такое... — Алиев с досадой щелкнул пальцами, не находя нужного слова.

— А как сузьма? — Чулпанай взяла один шарик и положила в рот, пососала и, не дожидаясь ответа мужа, продолжала: — В детстве я так любила сузьму, прямо

обожала! Поиду бывало за травой для коровы и украдкой от всех заворачиваю сузьму в пояс.—Чулпанай как-то неестественно засмеялась, и от смеха ее старик Тулягану стало вдруг не по себе: вспомнил он, как они с матерью бранили бывало ее за частый беспричинный смех.

И Алиев, переглянувшись со стариком, поставил пиалу, как бы спрашивая жену: «Что случилось?»

Продолжая хохотать, она жестами дала мужу понять, чтоб он вытер щеку. Алиев, увидев на платке следы губной помады, смутился.

Старый Туляган, насупившись, смотрел в пиалу, не смея поднять глаза, делая вид, что ничего не замечает.

Алиев сказал, что вынужден оставить их и идти в институт.

— Но ведь вы обещали сегодняшней день посвятить мне,— схватила его за руку Чулпанай и сделала обиженное лицо.

— Дорогая, у меня срочное дело в лаборатории. Всего на час...

— Знаю я вас, в лаборатории вы все и всех забываете...

— Нет, о вас я, дорогая, нигде не забываю,— промолвил Алиев.

— Тогда едем вместе.

— Вам будет скучно.

— Я найду себе дело. Разущу академика. А если он не прочел еще мою диссертацию, попрошу вас вместо него написать отзыв...

— Ну как это можно?..

— Ничего, все так делают. Академики обычно занятые люди.

Чулпанай наклонила голову мужа и что-то прошептала ему на ухо. И по шелесту ее халата и шарканью тапочек старик понял, что дочь направилась в комнату.

Когда Туляган поднял голову, Алиева тоже не было за столом. Вздохнув, старик прочел благодарственную молитву, затем встал и спустился вниз.

Через открытые ворота было видно, как на улице возится возле своей машины Алиев.

«Сам водит,— подумал старик и забеспокоился,— а глаза не подведут его?»

Нет, старик мог думать об Алиеве, своем зяте, все, что угодно, только не то, что он окажется пожилым человеком. А когда Чулпанай, его дочь, резвится, кокетничает, разница в их возрасте особенно заметна.

Спустя некоторое время вышла и Чулпанай, совсем преобразившаяся. Тогда, за столом, показалась она ему полнее и ниже ростом. Сейчас же она была в костюме салатного цвета, в белых перчатках и с какой-то невысшимой прической...

«Куколкой разодел ее муж»,—отметил про себя Туляган и глубоко вздохнул, сожалея о том, что Алиев так балует Чулпанай. «Ладно, пусть бог поможет им прожить до старости лет вместе»,—пожелал старик.

Выйдя за ворота к машине, Чулпанай крикнула отцу:

— Не скучайте, папа. Идите в дом и поспите, а мы скоро вернемся. Заодно приведем дровосека, чтобы срубить вот эту орешину...

Старик оглянулся на дерево и не успел еще спросить, зачем собрались они рубить орешину, как ворота закрылись и машина отъехала.

Оставшись один, старик Туляган обошел орешину со всех сторон, привычным взглядом определяя ее возраст, затем прислонился к стволу и затосковал.

— Грех все это,—прошептал он,—нельзя губить такое старое, столетнее дерево. Все старое должно умереть своей естественной смертью. Впрочем, и все молодое тоже... Нельзя насиловать природу, грех...

Как бы соглашаясь с ним, старая орешина зашумела, занграла ветками и, когда ветер полетел дальше над крышами, тяжело вздохнула.

И снова кругом воцарилась тишина, изредка прерываемая криками молочницы.

Желая осмотреть дом, старик осторожно переступил порог открытой двери и остановился в растерянности. Туляган совсем не думал, что встретит в доме пожилую женщину в фартуке, вытирающую пыль с огромных, в человеческий рост, часов.

Женщина сказала очень длинную фразу и все время показывала на его грязные сапоги, но из всей ее речи Туляган понял только одно, приятное для слуха слово «дед».

За то время, пока она говорила, старик успел по-

любоваться часами, один маятник которых был размером с его ладонь.

— Извините меня, деревенщину,— промолвил смущенно Туляган и, приложив обе руки к груди, поклонился женщине.— Здравствуйте...

Женщина, видно, тоже его не поняла, промолчала и только улыбкой высказала свое доброе расположение к гостю.

Не успел старик сделать пару шагов в прихожей, как вдруг заметил мучительно знакомое лицо: из большого трюмо на него смотрел худощавый старик с коротко стриженной бородкой и усами, с двумя глубокими морщинами на лбу, спускающимися над грустными глазами.

Туляган машинально, от растерянности, снял с головы тубетейку, и двойник проделал то же самое.

Старик смущенно закашлял и зашагал дальше к голубой двери. Возле самой двери он остановился, не решаясь войти в комнату, и только услышав ласковое: «Проходите, дед, пожалуйста»,— переступил порог.

От обилия ковров различных цветов и размеров у старика зарябило в глазах и, переводя взгляд на дорогую фарфоровую и хрустальную посуду, старик подумал с неприязнью: «Как в большом московском магазине».

Почувствовав, что задыхается, он повернулся, чтобы выйти из гостиной, но тут снова столкнулся с женщиной в фартуке. Желая сделать доброе, она стала жестами объяснять старику, что, мол, если он не возражает, она постелит ему, пусть гость отдохнет с дороги.

— Нет, нет,— замотал головой Туляган, вытирая пот с лица, и быстро вышел обратно в прихожую.

Здесь он заметил еще две другие двери и с любопытством заглянул в одну из них, видимо, спальню дочери.

— Устроилась не хуже жены эмира,— пробормотал он, глядя на дорогую обстановку, на шелк и сюзане.

— Старый гарнитур был еще красивее,— словами и жестами стала объяснять идущая следом женщина.— Из красной березы, так и сверкал весь. Из моды вышел — так дочь ваша сказала. А этот куплен совсем недавно, специально для банкета, чтобы гости позавидовали...

— Ага, выходит, не для жилья, а для выставки,— усмехнулся Туляган и, хмурый, вышел на айван.

От волнения он бросил под язык щепотку наса и в сердцах передразнил свою старуху: «Ой, как повезло нашей дочке, богаче ее нет во всем Ташкенте!»

— Бедная женщина, наверное, ей и суток мало, чтобы вытереть со всего этого барахла пыль,— проворчал старик и выплюнул нас.

Взгляд старика снова упал на орешину, на единственно родное существо, с которым он как бы делился своими сомнениями. Он взял коврик и, постелив под деревом, лег.

«Может, она и правильно сделала, что вышла замуж без нашего согласия,— подумал Туляган.— Я бы все равно был против. Он ведь разведенный, да и вдвое старше... А может, он неплохой человек? Ведь сделал же он все, чтобы Чулпанай окончила учебу и стала ученой...»

...Проснулся старик от какого-то шороха и увидел возле себя Чулпанай. Он сел, продолжая тереть сонные глаза, и только теперь заметил, что дочь его снова нарядилась в платье из какого-то необычного материала, сияющего всеми цветами радуги,— видно, пришла Чулпанай снова похвастать своим туалетом.

«Прямо наказание какое-то!»— сморщился старик.

— Эту ткань привез Султан Алиевич из Египта.— Чулпанай повернулась на каблучках, демонстрируя свое одеяние.— Нравится, папа? В этом платье я буду защищать диссертацию...

— Красивое,— еле выдавил из себя старик.

— Покажите папе и другие свои наряды,— услышал Туляган голос зятя, но не понял, сказал это Алиев в шутку или всерьез. Он стоял, прислонившись к двери, любовался своей женой и сам будто стал на двадцать лет моложе.

«Опыт и мудрость соединил он с молодостью. Бедняга, наверное, старается всюю, чтобы угнаться за энергией жены»,— пожалел зятя Туляган.

А Чулпанай тем временем вышла из комнаты в другом платье, более дорогом и нарядном, чем первое, и опять закружилась перед отцом, чтобы ошеломить его.

— Ну как, идет?

— Носи на здоровье... Только зачем оно такое короткое?

— Теперь мода, папа...

— Понятно,— промолвил старик, не желая вступать с дочерью в спор, хотя многое уже накопилось у него на душе, что требовало ответа.

Еще утром, проезжая по городу, старик заметил, что мужчины любят больше закрываться, а женщины — больше обнажаться. Вот и дочь его, оказывается... Но стоит ли сейчас возражать, ведь прошло десять лет с тех пор, как они расстались, появилась между ними за это время некая отчужденность.

— Папа...— вывел старика из раздумий голос дочери. Слово это, произнесенное на милом сердцу намаганском диалекте, как в детстве, приятно взволновало Тулягана.

— Да, доченька...

— Вы не обидетесь: у меня к вам просьба. Хоть вы и устали с дороги, но я так соскучилась по вашему плову, красному, как в чайхане. Как вспомню, слюнки текут...

— Не знаю, как получится. Я ведь уже давно...— пробормотал Туляган, вставая. И вспомнил те далекие годы, когда Чулпанай сама помогала ему, разводила огонь в очаге, собирала хворост...

— Султан Алневич любит возиться по хозяйству. Он вам поможет,— сказала Чулпанай.

Старик Туляган бросил взгляд на зятя, стоявшего у двери в той же позе, и подумал: «Никак не пойму, что он за человек, да и его, наверное, мучает моя молчаливость».

Старик вслед за зятем пошел на кухню, где уже все было приготовлено для плова. Засучив рукава, он принялся резать мясо и сало, а когда дело дошло до моркови, старость дала о себе знать: нож то и дело выскальзывал из руки.

Алнев сам взялся резать морковь, и делал он это с большим умением, за что старик и похвалил его:

— Вы искусный повар, домла...

— Я часто бываю в экспедициях, вот и научился,— ответил зять, не отрывая глаз от доски с морковью.

— Как вы сказали?— не расслышал старик из-за стука ножа.

— Слышали поговорку: «Сироте не на кого надеяться»?— продолжал Алнев, не отрываясь от работы.—

Так вот я и говорю: много разъезжал по степям и горам...

— А чего искали?— осторожно поинтересовался старик.

— Лекарственные травы...

— Ах, вон оно что!— с интересом глянул на зятя Туляган и подумал: «Работа этого человека, оказывается, связана с природой...»

Затем они перешли в летнюю кухню, где Алиев развел огонь под котлом, а старик Туляган, заткнув полы халата за кушак, взялся за дело.

Когда плов был готов, Чулпанай вышла к ним с большим блюдом риштанских мастеров, а потом все, в том числе и женщина-работница, уселись на айване.

— Если что не так, прошу претензии предъявлять нам двоим,— сказал Алиев, видимо, волнуясь не меньше Тулягана.

Но женщины, едва попробовав плов, стали его расхваливать. Потом Чулпанай вдруг перестала есть и, не сказав ни слова, встала и вышла из-за стола. Алиев тоже оставил ложку, насторожился, и старику показалось, что плов им пришелся не по вкусу.

Дело же было в другом. Женщина-работница кивнула в сторону ворот и показала Тулягану на молоденького парня, как две капли воды похожего на Алиева.

«Сын»,—мелькнула догадка у старика, наблюдавшего за парнем, который робко шел к айвану.

На террасе парень виновато остановился, опустив голову, и старый Туляган заметил, как он бледен и худ.

— Что же ты? Поздоровайся с дедушкой,— тихо, укоряя, сказал ему Алиев.

Парень легким поклоном приветствовал дедушку и снял берет, обнажив свою чисто выбритую голову.

«Уж не призван ли он в армию?»— подумал Туляган, вставая и пожимая руку неродного внука. И увидел старик, как мелькнула затаенная горечь в грустных глазах, как дрогнули губы...

Несмотря на все уговоры и просьбы, парень так и не дотронулся до еды, сидел отчужденный и подавленный.

Вскоре догадка старика подтвердилась: парень действительно уезжал завтра на военную службу и пришел попрощаться с отцом.

Алиев тихо, словно стесняясь чего-то, расспрашивает сына, все ли он приготовил к отъезду, а парень, не поднимая головы, отвечал односложно «да» или «нет».

Понял Туляган, что встреча эта не принесла радости ни отцу, ни сыну и была скорее похожа на пытку.

«Пытка эта будет продолжаться долго, возможно, всю жизнь. И любовь, которая была когда-то между отцом и сыном, может перейти во вражду»,— подумал старик.

Старому Тулягану стало не по себе от этой мысли. Помолчав еще немного, парень встал, и Алиев стал шарить в карманах, видимо, ища деньги.

«Разве можно разбитое сердце утешить деньгами»,— подумал Туляган, но все же, как и зять, полез за деньгами в кошелек. «Отец может обидеться»,— вовремя спохватился старик.

— Встретимся завтра в военкомате,—сказал Алиев сыну. А Туляган, хотя и понял, что неродной внук невзлюбил его с первого взгляда, тоже вышел к воротам провожать его.

— Доброго тебе здоровья,—ласково пожелал он парню и долго потом смотрел ему вслед с чувством вины и жалости.

«Для него ты отец мачехи, которая отняла у мальчика отца»,—с горечью подумал о самом себе старик Туляган.

Глава III

Утром, во время завтрака, раздалось два коротких звонка, и Алиев тут же вскочил со своего места.

— Активист махалли,—усмехнулся он и стал спускаться в подвал.

Во двор вошли долговязый парень с подобострастной улыбкой и с ним угрюмый, среднего возраста человек с красным носом пропойцы.

— Янга¹,—обратился долговязый к Чулпанай,—вот привел к вам дровосека, но он заломил дикую цену...

¹ Янга — вежливая форма обращения к жене старшего по возрасту.

— Это неважно, лишь бы успеть к сроку. До банкета осталось три дня. Успеете?— обратилась Чулпанай к дровосеку.

Дровосек окинул взглядом орешину, что-то подсчитал, бормоча.

— Успею. Леса приходилось на Севере выкорчевывать. Я привычный.

— На Севере?— спросил Алиев, выходя из подвала и неся пилу и два топора.— Понятно...

— Что творится?!— развел руками долговязый.— Три дня подряд ходил на базар — перевелись дровосеки... И вот, наконец, Махмуд-Палван согласился...

— Я мастер на все руки,— подтвердил угрюмый Махмуд-Палван.

«В насмешку, что ли, прозвали такого хилого Палваном»,— с неприязнью подумал старик, наблюдавший за всем происходящим с айвана.

— Что ж, начнем,— сказал дровосек, осмотрев пилу.

— Пойдите, пойдите,— вскочил со своего места и заволновался старик Туляган,— к чему такая спешка?

Все удивленно посмотрели на старика. А Чулпанай сказала:

— Не пойму вас, отец... Ведь три дня осталось...

Туляган закашлял, как бы собираясь с духом, и произнес тихо:

— Но ведь такое дерево... плодоносит... жалко, доченька.

— Оно уже давно не плодоносит. Посмотрите, верхние ветки все высохли... Придут гости после защиты, куда я их всех рассажу? Начинайте!— приказала Чулпанай дровосеку.

— А вы? Как же вы? Ведь ваша работа связана с природой,— с горечью сказал Туляган, обращаясь к зятю.

— Да, но поймите, отец...— виновато проговорил Алиев: чувствовалось, что и ему жалко старой орешины, но раз сказала Чулпанай — ее слово в доме закон.

— Ладно, делайте что хотите!— рассердился Туляган, махнул рукой и пошел опять на айван.

В первую минуту было у него желание бросить все и уехать обратно в кишлак, но потом он подумал, что это будет похоже на мальчишество.

После его сердитых слов во дворе воцарилась ти-

нутное молчание, но потом Махмуд-Палван грубо прервал тишину, сказав:

— Ну, что решили, хозяйюшка?

— Будем пилить, — засуетилась Чулпанай, — конечно же, будем пилить. Правда, домулла?

Алиев согласно кивнул и, опустив голову, прошел мимо Тулягана в комнату.

Дровосек потер руки, затем взял топор и в сердцах ударил по стволу орешины — тут же с дерева испуганно выпорхнул скворец, видимо, облюбовавший себе место для гнезда.

Удар топора болью отдался в сердце Тулягана, он даже невольно застонал. Чулпанай поднялась к нему, чтобы как-то утешить отца.

— Стоит ли переживать из-за старой орешины, папа? Зато во дворе у нас будет очень просторно. Я столько лет ждала этого банкета, ведь вы не хотите, чтобы о вашей дочери сложилось у людей плохое мнение?

— Ладно, извини меня, старого дурака, — пробормотал Туляган, — больше не буду вмешиваться в ваши дела. Вы люди умные, ученые, лучше меня знаете, как надо жить...

— Вот и хорошо! — Чулпанай для примирения поцеловала отца в щеку и побежала в дом переодеваться, бросив на пути долговязому: — Кабилджан, я надеюсь на вас...

— Все будет в порядке, янга, не волнуйтесь!

Пока Чулпанай и Алиев готовились к уходу, Кабилджан и Махмуд-Палван спорили о том, кому лезть на дерево и срубать ветви. У дровосека при этом все время подергивалось плечо, и, глядя на них, старик Туляган подумал с насмешкой о долговязом и его помощнике: «Нашел себе человека под стать, видно, такой же мошенник...»

Старый Туляган от волнения стал прохаживаться по айвану, и уже не слышал он, о чем они там говорили, и как Кабилджану удалось уговорить Махмуда-Палвана, чтобы тот лез на дерево.

Несмотря на свой нервный тик, Махмуд-Палван лез на орешину с ловкостью кошки, но чем выше карабкался, тем испуганнее смотрел вниз.

Вскоре хозяева дома уехали, и старику Тулягану ничего не оставалось делать, как спуститься к дровосекам.

— Что, отец, скучно в городе?— усмехнулся Кабилджан.

Старик ничего не ответил. Он поднял голову и увидел, как ловко устроился наверху Махмуд-Палван. Но работает он почему-то не торопясь, видно, действительно хочет растянуть на три дня работу, которую можно выполнить за несколько часов.

К ногам старика упала сверху толстая ветка, только что срубленная Махмудом-Палваном. Туляган поднял ее и увидел, как варварски он ее срубил, не одним ударом, а так, будто душу вытягивал из дерева.

— Послушай, братец,— снова не выдержал старик,— кто же так рубит? Совесть у тебя есть?

В ту же минуту недалеко от Тулягана со звоном упал топор и послышался крик Махмуда-Палвана:

— Ах, совесть?! Тогда рубите сами!—И дровосек стал спускаться с орешины.— Я думал, вы порядочные люди,— ворчал он.— Ищите себе другого дурака!

Старик поморщился: в нос ему ударило водочным перегаром.

— Ты меня не пугай, братец!—ответил Туляган.— Сам срублю, я работы не боюсь!— Вынул из кошелька трешку и протянул Махмуду-Палвану.— На, иди и похмелись...

— Деревенщина!— Хлопнув дверью, Махмуд-Палван ушел.

Возмущенный Туляган хотел было выбежать за ворота, чтобы по достоинству ответить обидчику, но, подумав, что бог сам призовет к ответу нахала дровосека, молча вернулся к орешине.

— Ну и характер у вас!— с долей уважения сказал Кабилджан.— Люблю стариков, у которых кровь кипит... Но что мы теперь будем делать с орешинной, а?

Старик сел на срубленные ветки, вытер лицо и задумался.

— Что-нибудь придумаем,— пробормотал он.

«Черт бы тебя побрал, старый осел,— стал ругать себя Туляган,— сто раз тебе говорил: не вмешивайся в дела других, людям все равно не нужны твои советы, зато ты сам остаешься потом в дураках...»

— Вот янга возмутится,— услышал он голос Кабилджана,— характер у нее такой же, как у ее папашки...

«Ладно, придется на себя брать этот грех,— решил Туляган.— Хотя орешине, наверное, все равно, кто будет ее губить: я—старый садовод или этот пьяница—Махмуд-Палван. Нет, не все равно. У него душа черная, он только и знает, что губить природу. А я, я ведь сколько посадил... Бог простит меня, если я срублю одну орешину. А взамен я посажу еще десять»,— так успокаивал себя старый Туляган, затем встал и сбросил с себя халат.

Кабилджан невольно залюбовался его телосложением: несмотря на семидесятилетний возраст, у старика была крепкая загорелая грудь и спина.

— Да вы еще и не с таким деревом справитесь,— сказал Кабилджан и добавил:— А я в детстве упал вот с такой орешины и с тех пор боюсь лезть наверх.

Туляган промолчал и только хмуро посмотрел на парня.

«В молодости он, должно быть, был или азартным игроком, или головорезом»,— предположил Кабилджан и еще раз намкнул старiku:

— Я даже ветки шелковицы не обрезаю, такой я неумелый...

Кабилджан, которого все в насмешку называли «активистом махалли», действительно уже давно не срубал веток. Лет пять-шесть назад он приехал из кишлака в Ташкент, желая учиться, и вот с тех пор живет в этой махалле, не забывая тем не менее каждый год пытаться поступить в какой-нибудь вуз, неважно какой. И каждый год, бедняга, проваливается на экзаменах. Чтобы хоть как-то заработать себе на жизнь, он устроился истопником детского сада, но всегда, кроме основного дела, выполняет массу других, например, бывает зазывалой на свадьбах. Длинный, как карнай, он ходит по домам и кричит: «Пожалуйста на плов к такому-то, на свадьбу к такому-то...»

— А говор выдает в вас деревенского парня,— сказал старик Туляган, засовывая топор за пояс.

— Вы правы, отец!

— Тогда как же, неужели ваша матушка не вскармливала шелкопряд?

— Вскармливала, вскармливала...

— И вы ей не срезали с шелковицы листья для червей?—прищурился хитро Туляган.

— Листья другие собирали, я был занят учебой.

— Говорят: дай лентяю работу, и он начнет учить тебя уму-разуму,— пробормотал себе под нос Туляган и стал карабкаться на дерево.

Старик лез на орешину, а сам думал о зяте. Подумал, что тот, наверное, поехал в военкомат провожать сына. Там встретится он со своей бывшей женой, и встреча эта будет хуже пытки. А Чулпанай непременно будет ревновать, следить, что муж скажет ей, как посмотрит, как попрашивается с сыном.

Туляган удобно устроился на толстом суку и снова подумал о том, что вина за гибель старого дерева ему простится, если он все оставшиеся дни своей жизни будет сажать деревья, украшая землю и принося людям радость.

— О аллах! — прошептал он и сильным, умелым взмахом топора срубил сук. Сук затрещал, наклонился и полетел вниз к ногам Кабилджана.

— Есть! — закричал Кабилджан и стал топором подрезать ветки.

Работая, он вдруг вспомнил о свадьбе, которая готовится во вторник в доме уста Маннапа. Вчера торговец насом, прозванный «Пустельгой» из-за горбатого носа на маленьком лице, стал подтрунивать над уста Маннапом, говоря людям махалли: «Странный пошел нынче народ. Нарочно созывают свадьбу в рабочий день, чтобы поменьше гостей пришло». На что один из стариков ответил торговцу: «Тебе, братец, не только чашку плова, но и целого барана дай, все равно недовольным останешься, скажешь: «А почему барана дали без водка?»»

— Во вторник у уста Маннапа свадьба! — крикнул Кабилджан.— Надо успеть закончить с этим проклятым деревом в понедельник.

С орешины тем временем упало еще несколько толстых сучьев — старый Туляган работал ловко и увлеченно, не заметив, что стоит на гнилом сучке, который вдруг затрещал и наклонился, едва не ускользнув из-под старика.

Туляган задрожал от страха и долго еще потом не мог успокоиться — все сидел и сидел, обхватив руками ствол дерева.

— Еще мгновение, и настал бы твой смертный час, — сказал сам себе вслух Туляган.— Это потому, что дере-

во сопротивляется. Я бы тоже не терпел, бился бы из последних сил... Дерево что человек,— заключил старик.

Туляган посмотрел сверху во двор и вдруг различил среди вишневых деревьев маленькое ореховое деревце, и душа старика возрадовалась.

— Не горюй, дружище,— проговорил он, погладив ствол старой орешки,— вон смена тебе растет. Со временем и она начнет плодоносить, а потом бросит семена на влажную землю, а сама уйдет, как и ты. Так в природе, так и среди людей. Но посуди сама, разве мало на свете таких, кто прожил, как тень, и ушел из жизни, не оставив следа? Вот пусть они и сожалеют. А нам с тобой, старина, горевать нечего...

Несколько лет назад, работая в винограднике, заметил старик, что разговаривает сам с собой,— испугался, подумал: не сошел ли с ума? Затем это вошло в привычку. Такое у старика ремесло: всегда наедине с деревьями, в тишине. Деревья не имеют языка, они не зловредны, как некоторые люди, от них одна лишь радость и услада для души.

Бывает: старик поведаёт деревьям о своем горе — и вроде полегчает на душе, не то что с иным человеком — пройдет мимо — не заметит...

— А вот еще одна молодая орешка,— обрадовался Туляган, увидев в соседнем дворе деревце, только-только начинающее давать первые плоды.

Под орешкой, на супе, старик различил фигурку молодой женщины, с усердием стирающей белье.

«Неприлично заглядывать в лица чужим женам»,— решил Туляган и отвел взгляд, но жгучее любопытство заставило старика еще раз пристально посмотреть на женщину.

— Бог ты мой!— прошептал он и закрыл глаза, оградив себя от наваждения. Но тут же снова открыл их и сказал с грустью:

— Нет, у этой на левой... А у Халниси родимое пятно, кажется, было на правой щеке... Да, да, на правой...

Старик крепко сжал в руке топор, но работа теперь не спорилась, мешали мысли, роем кружившиеся в голове...

Какое совпадение! Ведь и мать Халниси он впервые увидел, сидя вот на таком же старом дереве.

Э-хе-хе! Сколько лет, сколько зим минуло! Был тогда

Туляган один на всем свете, а жил у добрых старцев — покровителей спрот в мечети близ квартала Исфары в Коканде.

С утра до позднего вечера Туляган убирал «божий дом», поливал двор, рубил дрова у попечителя мечети. А когда внезапно скончался суфий, призывающий прихожан к молитве, обязанности его также были возложены на Тулягана. Служил он ревностно, помогая соседям по махалле в тяжелые для них дни утраты...

... В тот день Туляган взобрался на иву, чтобы срезать ветки, которыми прикрывают гроб. И взгляд его случайно упал на соседний с мечетью двор.

Сквозь густые ветки урюка виднелся дом в конце двора, а к дому был пристроен высокий айван. Вот на этом айване он и увидел впервые ту, которая заставила встрепетать его невинное сердце. Человек набожный, Туляган резко отвернулся, ибо считалось великим грехом заглядываться на незнакомых женщин.

Туляган быстро спустился на землю, но уже не мог успокоиться, и перед его глазами все время вставал образ молодой женщины, которая, сидя на айване, вышивала тесьму для тюбетейки. Особенно запомнились Тулягану ее тонкие, красивые пальцы, с ловкостью подбирающие шелковые нити. Но почему у незнакомки такие грустные глаза и лицо, утратившее выражение мечтательности и беззаботности?

И впервые Туляган усомнился в щедрости бога, когда узнал, кому принадлежит эта женщина.

Хозяин дома из родовитых потомков бека, единственный в семье сын, названный Тургунбаем, что означает вечно живущий. Родители баловали его, потакали любой прихоти, а когда Тургунбай вырос и женился, он быстро промотал отцовское наследство и очутился на пороге нищеты.

Часто жители махалли вскакивают среди ночи от лихого крика — это Тургунбай возвращается с кутежа. Если ему посчастливится выиграть, он забирается на крышу и орет во всю глотку от радости, если же проигрывает — того хуже, срывает зло на ком попало, бьет жену, собаку — кто подвернется под руку. Тогда соседи не могут уснуть до самого утра.

Да, не все дела аллаха достойны восхищения! Почему он не спрашивает с жестоких тиранов и насильников,

с пьяниц и развратных игроков — ведь им нипочем человеческое достоинство. И все у них есть — и деньги, и красивые женщины, почет и слава. А вот таких смиренных правоверных, как Туляган, говорят, собака и на верблюде растерзает.

Стал подумывать Туляган, не уйти ли ему из мечети. Ведь работают же двое знакомых, таких, как и он, бедняков, на железной дороге. Да еще говорят, что в кишлаках счастье улыбается тем, кто не чурается работы.

Да, но как быть с имамом? Ведь он же дал ему кров, накормил, напоил. Мудрые люди говорят: тому дому, который приютил тебя хоть на один день, не грех потом поклоняться сорок дней из благодарности.

Не будет ли его побег выглядеть как черная неблагодарность имаму?

От тяжелых дум заснул Туляган лишь под утро и, если бы не старик-сосед, проспал бы он утреннюю молитву. Вскочив с постели, он наспех совершил омовение и поспешил затем в мечеть, где, взобравшись на башню, стал призывать верующих на молитву.

Видя, что Туляган рассеян, муфтий стал наставлять его, говоря: «Дно терпения из чистого золота, мулла Туляган».

«Помилуй, боже», — отвечал ему Туляган, терпел и, не давая дьяволу попутать себя, не пропускал ни одной из пяти молитв.

Дни проходили, как и прежде, в однообразной работе, но прихожане были им довольны, хвалили: «Туляганбай — человек расторопный». А он, босоногий, закатав штанину, носился с метлой по мечети.

В тот год по улице то и дело проходили колонны людей с красными знаменами. И когда Туляган засматривался на них, желая понять этих людей, имам кричал — Нечего рот разевать!

Туляган тут же запирает ворота мечети на цепочку и читал молитву.

Вот так, в труде, в заботах и молитвах, прошло лето и наступила осень. И надо же было случиться такому: неожиданно-негаданно его вдруг женили на той самой женщине, о которой он, боясь признаться даже самому себе, мечтал все эти долгие месяцы.

Оказывается, Тургунбай после очередной неудачной игры, вне себя от гнева, проклял свою жену и дал ей

трехкратный развод. После такого развода по шарнату восстановить брак снова можно было лишь в том случае, если жена выйдет замуж за другого и новый муж тоже объявит ей развод.

Когда Тургунбай опомнился и пожелал примириться со своей бывшей женой, имам напомнил ему об этом законе, и бедняге мужу ничего не оставалось, как согласиться на фиктивный брак жены с другим.

Имам решил, что Туляган как раз тот человек, который годится для такого брака, и вместе с двумя старцами повел его в соседний дом, где и было совершено бракосочетание с Латофат — так звали ту женщину. Двое суток, преодолевая страстное влечение к ней, Туляган молил бога, чтобы он дал сил остаться ему честным и непорочным.

Наконец Туляган вне себя от волнения решил сказать то, что давно переполняло его душу:

— Не бойтесь... я не причиню вам горя. Я впервые увидел вас, когда сидел на иве... И вот, слава богу, снова вижу...

Женщина эта, никогда ранее не слышавшая столь искренних слов, осмелилась открыть лицо и увидела перед собой парня с честным, застенчивым лицом.

— Садитесь, будем пить чай,— осмелела Латофат и, разламывая лепешку, все время мельком поглядывала на Тулягана. Тулягану же казалось, что она улыбается, потешаясь над его робостью и застенчивостью.

Но вскоре Латофат прониклась к нему таким доверием, что даже рассказала немножко о своем житье-бытье. Оказывается, была она единственной дочерью вдовы — владельницы этого дома. Десять лет назад пятнадцатилетнюю Латофат мать выдала замуж, проща ей безбедную жизнь с Тургунбаем. Но вскоре муж, которого Латофат приняла вначале за порядочного человека, промотал все свое состояние, в том числе и отцовский дом, где они жили.

Пришлось переехать к теще. Мать Латофат, чувствуя свою вину перед дочерью, вскоре скончалась от горя. Тургунбай же пустился в еще больший разгул, проводя целые дни в пьяном угаре в игорных домах.

Жену он называл не иначе как «безродное чучело» и всячески унижал ее и словами и побоями.

Рассказывая обо всем этом, бедняжка Латофат плакала, и Туляган понял, как переполнена ее душа горем и страданием.

Пролетели незаметно два дня. Туляган всячески утешал Латофат, говоря, что она, несомненно, достойна лучшей участи, и в свою очередь поделился с ней своей историей, которая была также не менее трагична.

... Вечером раздался во дворе голос имама:

— Мулла Туляган, выходите!

Туляган вздрогнул и побледнел, поняв, что голос этот прерывает два счастливых дня его жизни.

Латофат так же была бледна и напугана и всем своим видом вопрошала: «А я? Что будет со мной?»

За дверью послышалась брань Тургунбая: ясно было, что он пришел, чтобы прогнать Тулягана, как собаку.

А как же Латофат? Хотя Туляган и не дотронулся до нее, она все же его законная жена, и их союз скреплен при свидетелях. Нет, Туляган не имеет права снова отдавать ее под власть Тургунбая, этого насильника.

— Не оставляйте меня!— услышал он мольбу Латофат.

Медлить нельзя. Туляган посмотрел на дымоход и принял дерзкое решение.

— Бежим!— прошептал он, взяв Латофат за руку.

Он кое-как пролез через дымоход на крышу, снял с головы чалму, размотал и опустил конец в комнату. Помог вылезти и Латофат.

Со двора уже доносились крики и топот ног, но, к счастью, было очень пасмурно, так что никто не заметил их на крыше.

Беглецы прыгали с одной плоской крыши на другую, ползли и уходили все дальше и дальше, помогая друг другу.

А потом безлюдными переулками добежали до окраины города и очутились в степи.

Песчаные барханы и кустарники прикрывали беглецов, и так шли они, не видя ни дорог, ни тропинок.

Неожиданно, под самое утро, перед ними блеснула река, и беглецы, усталые, упали на берег. Жадно напившись, они поползли в густые туган — решили спрятаться, чтобы днем их не могли поймать.

В зарослях Латофат сняла паранджу, постелила на землю, и они сели, прижавшись друг к другу.

Латофат смотрела на своего спасителя с благодарностью, и душа Тулягана наполнилась радостью.

— Свобода,— шептали они счастливые.

Глава IV

— Э-эй, отец!

Старик Туляган в первую минуту не сообразил, кто и откуда его зовет. Голова его была полна воспоминаний, тягостных и радостных. И только когда старик посмотрел вниз, понял, что окликнул его помощник, Кабилджан.

— Идемте чай пить!

Старику не хотелось спускаться с дерева — здесь, в одиночестве, так хорошо было вспоминать далекие годы юности. Покачав головой, он нацелился на верхний сук и одним ударом срубил его.

— В самый раз рубить дерево, пока оно сочное,— пробормотал он и увидел, как срубленный им сук наклонился и полетел вниз, распластав ветки.

«Да, орешина — существо хрупкое, как ребенок», — еще раз отметил про себя Туляган.

Солнце стало пригревать затылок старика, и Туляган только сейчас заметил, как много он успел сделать — вся освещенная солнцем сторона дерева была сиротливо оголена.

Кабилджан уже давно ждал его под айваном у дастархана.

— Да, самое время передохнуть в тени,— сказал старик, вытирая пот с лица, и, кряхтя и покашливая, стал спускаться с орешины.

Быстренько поев, старик снова направился к орешине. Дерево его манило чем-то, может быть, тем, что с его вершины можно наблюдать за соседним двором, где женщина, похожая чем-то на Халнису, развешивала теперь белье.

— Да нет, она, должно быть, старше Халнисы года на два-три,— заключил старик.

Топор, глубоко врезавшийся в толстую ветвь, закрипел, когда Туляган вытаскивал его. Пора поточить лез-

вне. Старик, продолжая изредка поглядывать на женщину в красном, поточил топор, сделал лезвие острее ножа.

Почему-то старик вспомнил, что был у него некогда нож, ставший от частого натачивания тоненьким, как шило.

В тугаях, где он скрывался с Латофат от преследования, он пошел срезать палку, чтобы иметь под рукой хоть какое-то оружие.

Был Туляган сильным, и двумя ударами срубил он тогда толстый кизыльник. Красивая палка, густо красного цвета. Поставил он ее сушить до вечера на солнце, а сам лег, беззаботный, под джидой и стал любоваться своей женой.

Все в природе, казалось, радовалось их счастью — красные листья кустарников сыпались на тело Тулягана, а в воздухе плавали тонкие серебристые нити паутины, да и вода в Нарыне была тогда на редкость прозрачной.

Хочется обнять жену, приласкать, потрогать ее глаза и волосы, но Туляган все еще чего-то смущается и только смотрит на Латофат издали, а она сидит на берегу речки и, кажется, забыла о своем муже.

Но вот она обернулась, поискала глазами в зарослях и, увидев лежавшего Тулягана, тоже улыбнулась — значит, не забыла, думает о нем.

В таком томительном ожидании прошел день, но, к счастью, никто не заглянул в тугай. Только один раз где-то далеко заржала лошадь. Хотел бы Туляган жить вот так, под защитой природы со своей Латофат, ничего не делать и только любоваться ею, но надо уходить. Места эти, близкие от города, ненадежны, можно скрываться день-два, но в конце концов их найдут.

Да и голод уже дает знать о себе, тело слабеет — ведь со вчерашнего дня они крошки в рот не брали.

Едва стемнело, беглецы вышли из зарослей и пошли по тропинке, ведущей против течения реки.

Справа — темные заросли тополя скрывают их, а слева — рисовые поля, а за ними, на горизонте, кишлак манит своими огоньками.

У Латофат маленькие шажки, и Тулягану все время приходится останавливаться и подбадривать ее. Она уже совсем выбилась из сил, часто садится на пень или ка-

мень, и Туляган ждет терпеливо, хотя и знает, что промедление смерти подобно.

Мигают, манят огни кишлака, там есть пища и постель. Но кто знает, как их встретят недоверчивые люди, что сказать им? А если беглецов поджидает кто-нибудь из города, что тогда?

Они долго сидели в зарослях и смотрели на кишлак, но потом обошли его стороной.

Кругом так темно, хоть глаз выколи. Одни только звезды приветливо мерцают на небе. Вот Полярная звезда, а чуть пониже — незатейливый рисунок Большой Медведицы. Прорезав небосвод светлой полосой, далеко тянется надежда всех заблудившихся — Млечный Путь. И только луна, планета, к которой уносятся в мечтах все влюбленные, еще не взошла.

Так они шли, глядя на небо и забыв, что на земле их каждую минуту ждет опасность. И как бы в подтверждение этого вдруг хрипло залаяла собака.

Туляган вздрогнул и в ту же секунду почувствовал в своих объятиях перепуганную Латофат. Присев на корточки, они стали оглядываться и увидели холм со стожками вокруг.

Лай собаки, не прекращаясь, доносился со стороны холма.

«Там, должно быть, сторож у стогов риса», — подумал Туляган, и они осторожно, крадучись, стали обходить холм.

— Кто там? — раздался требовательный голос сзади.

Схватив Латофат за руку, Туляган побежал. Собака бросилась за ними со свирепым лаем, но сторож, видимо, поленился, не стал преследовать.

«С собакой я справлюсь, — мелькнуло у Тулягана. — Только бы люди оставили нас в покое...»

Скоро снова наступила тишина, молчали даже редкие заросли сизолистого тополя — туранги. Зато стало светло вокруг — луна поднялась над рекой, навевая тревогу.

Тулягану стало казаться, что из-за кустов и деревьев следят за беглецами тысячи глаз, злых и недоброжелательных, и что их вот-вот схватят...

Латофат, видно, была взволнована не меньше, вся пылала от жара.

Теперь опять на их пути стали встречаться усадьбы,

дачи с садами и опять надо было обходить их, чтобы не попасться на глаза хозяевам.

Латофат совсем обессилела, шла все время спотыкаясь, да и Тулягана покидали силы от голода. Возле одного из домов Туляган увидел корзину, и ему показалось, что она полна лепешек. Точно такие корзины, полные лепешек, носят на голове пекари в Коканде.

Они остановились и долго смотрели на усадьбу, но так и не решились подойти.

За маленьким ручьем, журчащим по каменистому дну, они увидели бахчу, освещенную желтым лунным светом. На убранной бахче одиноко чернел домик сторожа. Но не было слышно ни звука — хозяин, видно, давно покинул свое пристанище.

— Идемте в сторожку, там нас никто не увидит, — сказал он Латофат и, переходя ручей, поднял ее на руки.

Она крепко обняла его за шею, и Туляган забыл обо всем на свете — про голод и про опасности. Так бережно нес он ее, почувствовав прилив сил.

Добравшись до середины ручья, он остановился, чтобы взглянуть на Латофат. Глаза ее были полны нежности и благодарности, так не смотрела на Тулягана ни одна женщина на свете.

До самой сторожки он не хотел опускать ее на землю. И прежде чем войти туда, они постояли в некотором смущении, потому что это было первое жилище в их жизни, где они могли быть вместе.

На полу был постелен старый палас, а вокруг разбросано сено, в темном углу сложены какие-то вещи.

Туляган жестом поманил к себе Латофат, сел.

— Слава богу, — прошептала Латофат, тяжело вздохнув, и Туляган только теперь почувствовал, как сильно он устал, совсем из сил выбился.

Первые минуты беглецы сидели молча, не зная, что делать, и только смотрели через вход на луну. Но вот луна скрылась, и стало темно. Туляган снял насквозь промокшие сапоги и пополз к выходу, чтобы разложить там портянки. И отсюда увидел, что возле домика сторожа остались кое-где неубранные и уже перезревшие дыни.

Хорошенько закрыв вход кукурузными стеблями, Туляган ощупью нашел руки Латофат. Ему сразу передалось их тепло и нежность.

Их ничто больше не тревожило, только похрустывала сухая трава и где-то там, за сторожкой, тихо напевала колыбельную река.

Положив под головы паранджу и узелок Латофат и укрывшись его халатом, они, счастливые, уснули, обнявшись, не чувствуя больше осеннего холода.

Проснулся Туляган, когда сквозь кукурузные стебли едва просочился утренний свет. Латофат еще спала, положив голову на его руку, нежно посапывая, как ребенок.

Радость Тулягана вскоре сменилась тревогой: «А что если явится хозяин?»

Он не стал будить жену, только укрыл халатом ее плечи и, наклонившись, тихо поцеловал ее. Латофат пробормотала что-то во сне, но затем проснулась, напуганная чем-то. Спросонья она долго не понимала, где находится и кто рядом с ней. И как бы читая мысли мужа, встала и начала одевать платье, говоря с опаской:

— А вдруг кто-нибудь придет?

— Ничего, ничего не бойся,— пытался успокоить ее Туляган, хотя на душе у самого было скверно.

Туляган выглянул наружу и долго смотрел вокруг, но никого не заметил. В другой стороне, в стороне переправы, он отчетливо увидел ту самую усадьбу, которую обошли они стороной ночью.

Над усадьбой возвышался красавец-тополь, а чуть ближе раскинулось клеверное поле, где мирно паслась сизая ослица. Рядом с ней, радуясь жизни, прыгал, задрав хвост, черный осленок.

Больше ни одного живого существа, кругом тишь и благодать. От самой переправы до сторожки — морковные поля. Урожай еще не убран, и солнце блестит на листьях, покрытых инеем.

Туляган жестом дал понять, что опасаться нечего, и Латофат немного успокоилась. Разглядывая шалаш, Туляган увидел бязевый мешочек, повешенный на кол,— в нем, должно быть, сухие лепешки.

«Э, грех это, брать чужой хлеб»,— сказал ему внутренний голос, очень похожий на голос имама из той самой мечети, откуда он сбежал.

Руки его, протянутые к мешку, так и застыли в воздухе, и Туляган почувствовал, как затошнило его от го-

лода и как закружилась голова — ведь он уже двое суток не брал в рот хлеба.

«Терпи,— приказал он себе,— это чужой хлеб. Может прийти хозяин. А может, уже и пришел».

Туляган резко обернулся и бросился к выходу: над бахчой, тревожно каркая, летали вороны. Кто-то привязал сизую ослицу на краю поля, и осленок, прильнув к ней, жадно сосет вымя.

«Надо уходить»,— решил Туляган. Он быстро взял узелок и халат, схватил Латофат за руку, и они, покинув сторожку, бросились в спасительные туган. И тут же из-под ног с шумом выпорхнул фазан.

Напуганные столь неожиданным появлением птицы, они сели на поляне, поросшей пальчаткой. Осеннее солнце, стараясь из последних сил, нагревало поляну, и здесь было уютно. Только по-прежнему мучил голод, голова кружилась от малейшего движения.

Провожая унылым взглядом низко пролетающую ворону, Туляган подумал, что птица летит в поисках пищи.

Латофат совсем загрустила, сидела, разглядывая разноцветные камушки на дне реки. О чем она думала? Может, вспомнила о доме? И сожалеет о своем бегстве? Красивое, нежное лицо ее словно окаменело в эту минуту.

Тулягану стыдно смотреть ей в глаза, ведь это он довел ее до такого состояния, он морит ее голодом.

Не сказав ни слова, он пополз в ту сторону, куда только что полетела ворона. Бесшумно пробираясь сквозь ветвистые кустарники, вышел на край тугая. Посмотрел в сторону кишлака: ослица с осленком были уже возле переправы. Видно, почувствовав, что где-то рядом человек, ослица подняла голову, понюхала воздух и снова уткнулась в воду.

Вдали, возле стогов, появились волы. Медленно двигаясь по кругу, они толкли рис. Пронирливые вороны то садятся волам на спину, то опять взлетают, чтобы поклевать на бахче гнилые арбузы и дыни.

Кое-где Туляган приметил и большие арбузы, величиной с голову, и, согнувшись в три погибели, побежал на бахчу.

Вороны с карканьем разлетелись, и Туляган торопливо стал срывать и складывать в полу халата дыни. А вот и

довольно большой арбуз. Туляган схватил его и бросился обратно в тугай.

Латофат ждала его, с испугом озираясь вокруг.

— Как долго!— вырвался у нее возглас, полный тревоги.

Арбуз, который он нес, держа за стебель в зубах, упал и треснул. Он был сочный, совершенно красный, и бедняги от радости засмеялись, как дети.

Когда был съеден арбуз, настала очередь дыни, и Туляган, вынув нож, разрезал дыню на ломтики и поставил перед Латофат.

То ли это от голода им показалось, то ли дыни действительно были сладкие, но ели они с наслаждением. И Латофат, повеселев, снова нежно улыбалась мужу,— значит, ей хорошо, значит, она не сожалеет о своем поступке,— радовался, глядя на милое личико жены, Туляган.

Потом, моя руки речной водой, Латофат сказала:

— Снимите-ка ваш янтак...

В недоумении оглядев себя, Туляган заметил, что рукава и ворот янтака сильно загрязнились, заметил и засмутился — ведь раньше он все делал сам, украдкой в мечети стирал и чинил себе одежду.

— Ну, быстро,— поторапливала его Латофат,— дайте и ваш поясной платок. Я хочу, чтобы мой муж был всегда чистым и опрятным...

— Может, не надо? Я привык сам. Ты ведь ослабела...

Но Латофат не слушала его, приказала снять и чалму, загрязненную в саже дымохода.

Туляган любовался, глядя, как проворно стирает она белье в речке, стирает без мыла, камнем, покрытым медным купоросом, который она нашла на берегу реки.

Пока Латофат стирала, Туляган, накинув на плечи халат, прохаживался взад-вперед по тугаю. На душе было легко и хорошо, пришла та веселая беспечность, которая появляется от избытка счастья. Забыв обо всем на свете, он бросился в речку, хохотал и брызгал на Латофат воду.

Она визжала и убегала от него по берегу, он снова и снова догонял ее, и они баловались, как дети.

Нежные чувства к жене наполнили все его существо, и Туляган понес ее на руках в сторожку, где они обнялись и забылись в поцелуях.

— Слышите?— вдруг встрепелулась Латофат.

Туляган тоже услышал тревожный топот копыт. Потом шум воды и грохот камней — видно, кони переправлялись через поток.

— Боже! Что будет?— прижалась к нему бледная Латофат.

— Поздно уже бежать обратно в туган — будь что будет,— решил Туляган и вынул нож.

«Неужто Тургунбай?»— подумал Туляган и вспомнил про сторожа на хирмане. Это, видно, он навел преследователей на их след.

А лошади все приближались. Вот уже стало слышно, как хрумят они морковными листьями.

Латофат со стоном забила в темный угол.

«Буду драться до конца, умру, но не отдам Латофат»,— решил Туляган. И в эту минуту у самого входа остановилась и всхрапнула лошадь, а затем слетели курузные стебли, прикрывающие вход. Прижавшись к стене, Туляган поднял нож над головой, готовый первым нанести удар.

«Лишь бы Латофат не вскрикнула».

Чья-то тень легла на пол, затем раздался голос:

— Здесь пусто!

А потом посыпались на спины лошадей удары кнутов, и лошади поскакали к реке, увозя непрошенных гостей.

Туляган бросился к Латофат и нашел ее почти без чувств. Дрожащей рукой он гладил ее волосы, обнимал и шептал:

— Ушли...

Латофат наконец пришла в себя и открыла полные ужаса глаза.

А со стороны реки все еще доносились голоса, и Туляган с тревогой подумал: «Как бы не вернулись снова...»

Глава V

Старик очнулся от крика Кабилджана.

— Разве когда-нибудь переделаешь все дела на этом свете?— говорил ему Кабилджан, стоя внизу.— Кончайте работу!

Действительно пора, уже и солнце ушло за горизонт.

Недовольный своей работой, старик засунул топор за пояс и стал спускаться. Раньше, бывало, он за день успевал срезать всю верхушку дерева, а теперь... Да, старость, старость...

Услышав звуки музыки, старик остановился. Победно рокотал карнай, сурнай пел свою всегдашнюю заунывную песню. Среди этих звуков слышны были и веселые возгласы джигитов. Вдруг забили литавры, и, вторя им, восторженно закричали друзья жениха.

«Свадьба,— стало тепло на душе старика Тулягана.— Рождение новой семьи. Пусть доживут молодые до старости».

Да, легко стало нынче жениться, парни и девушки сами выбирают друг друга. А в прошлом разве могли сверстники Тулягана, такие же бедные парни, как он, мечтать о свидании с возлюбленной. Разве мало было и таких, кто до конца дней своих прожил бобылем, не зная, на какие деньги справлять свадьбу и какие отдать за калым.

Сам Туляган был женат дважды, но так и не суждено ему было устроить свадебное пиршество. И все свои надежды он связывал с Чулпанай, радовался, обдумывая будущую свадьбу. Работал он много и честно, и все заработанное думал потратить на дочь. Но не сбылись его мечты...

— Ну сколько же вас еще ждать, отец?!— потерял терпение Кабилджан, сидевший на айване.

Старик молча опустиллся рядом, и женщина-работница поставила перед ним тарелку с ужином.

— Свадьба в соседней махалле,— торопливо поедая мясо с лепешкой, пробормотал Кабилджан и, заметив, что старик все еще прислушивается к звукам сурнай, сказал:

— Может, повести вас туда, посмотрите ташкентскую свадьбу?

Старик отказался, и Кабилджан, быстро поев, ушел.

Было душно. Туляган, взяв чайник и пилалу, пошел к орешине, ворча по дороге:

— Даже весной не долетает ветер в эти городские дворы...

За чаепитием и застали старика дочь и зять, вернувшиеся мрачные и унылые. Особенно был подавлен чем-то Алиев и выглядел от этого старше своих лет.

«А может, он всегда был такой старый?» — с грустью подумал старик.

— Человек между двух огней, — пробормотал себе под нос Туляган. И почему-то сразу перед его глазами встал сын Алиева — тихий и страдающий парень.

«В чем виноват этот бедный мальчик? Разве должен он страдать из-за глупости взрослых, отца и матери?» Старик Туляган даже головой покачал — так его рассердили собственные мысли. Ему стало вдруг досадно, что он внял мольбам своей старухи и друга Сандасрара и приехал сюда.

— Жил я десять лет без них и еще бы прожил. — Старик вынул табакерку, бросил под язык нас, но тут же выплюнул, от злости почувствовав изжогу.

На террасе послышалось покашливание, и старик увидел в сумерках чей-то силуэт. Видно, человек этот стоит уже давно, прислонившись к столбу.

Старик узнал своего зятя, когда Алиев медленно направился к нему.

— Добрый вечер, отец! Вы что это уединились? Устали? — Алиев опустился рядом со стариком на старый коврик.

Тулягана почему-то опять задело то, что Алиев назвал его отцом. Отрасти зять бороду, он тоже был бы похож на старика — седых волос у него больше, чем черных.

Туляган небрежно протянул ему пиалу чая, как бы говоря: «На, выпей и оставь меня в покое». А может, Алиеву показалось? Может, просто старик устал и хочет уединиться?

Нет, еще в первый день, когда Алиев открыл калитку и увидел тестя, он почувствовал, что не понравился старику. Но как найти путь к сердцу этого упрямого человека? Такого же крепкого и молчаливого, как та орешина, к которой он сейчас прислонился.

А что, если завтра посадить его в машину и показать ему город? Купить ему и его старухе подарки? Такой план показался вначале Алиеву приемлемым. Но стоило ему опять взглянуть на сидящего неподвижно, словно идол, тестя, как Алиев снова растерялся.

«Нет, не задобряй его подарками, — подумал он. — Не женщина же он, чтобы радоваться тряпкам».

Жаль, конечно, что у тестя такое о нем предвзятое

мнение, но что делать?! Может, когда-нибудь он поймет, ведь старик — человек незлобный, мудрый...

— А что, дровосек тот ушел давно?— спросил Алиев, чтобы прервать неловкое молчание.

— Ушел,— уклончиво ответил старик и опустил глаза.

— Наверное, работал хорошо, раз на Севере леса валил...

— Очень хорошо,— промямлил Туляган и решил признаться — ведь как-никак зять — хозяин дома:— Прогнал я его,— сказал старик,— простите, что вмешался...

— Как прогнали?— не понял Алиев.

— Да так, взял и прогнал этого мошенника!

Алиев посмотрел на гневное лицо тестя и, живо представив всю эту картину, вдруг весело захохотал.

— И что, сами полезли на дерево?— продолжая смеяться, спросил Алиев.

— Сам... И этот, ваш активист махалли... вдвоем...

— Много успели,— сказал Алиев, глядя на орешину.

Старик не ответил и снова углубился в свои мысли. И Алиев опять растерялся, не зная, о чем с ним говорить.

«Как сложен человек,— задумался Алиев,— на вид он простой и бесхитростный. Вот уже более десяти лет мы — зять и тесть. Но все никак не можем узнать друг друга, встретились словно враги. И отгородились высокой стеной, назвав это чувством собственного достоинства. Само по себе это, безусловно, хорошее чувство, но как часто не хватает искренности между людьми... Вот и сейчас он сидит, насупившись, и бог знает что думает обо мне. Наверное, в его представлении я — злодей, укравший его единственную дочь. Но как убедить его, что это не так? Что сделать?»

— Скот отправляют на убой лишь после того, как он становится яловым,— пробормотал старик, видимо, разговаривая сам с собой.

— Что вы сказали?— не понял Алиев.

— Дерево сами посадили?— Туляган похлопал по стволу орешины.

Не уловив в словах тестя иронии, Алиев ответил протодушно:

— Где там! Сколько помню себя, всегда орешина стояла такой величественной. Бывало, еще мальчишкой

часто карабкался наверх.— Алиев посмотрел на оголенную верхушку, где еще недавно шумно покачивались на ветру ветки, и затосковал.

— Отец... нет, кажется, еще дедушка привез ее из Хумсана и посадил,— проговорил Алиев, и перед его глазами вдруг возникла картина из детства: целая орава чумазых, босоногих детей в лохмотьях гоняются друг за другом. Вот он сам, курчавый мальчишка, лезет на плечи к другу и тянется к плодам... И вот уже полная пазуха орехов, рубашка оттопыривается... Да, прекрасная пора детства.

Алиев улыбнулся своим воспоминаниям, но Туляган в темноте не заметил его улыбки, продолжая думать о своем: «Конечно, сам ведь не сажал, не гнул спину...»

Старик неожиданно вспомнил о совхозном саде, который растил, и беспокожно заерзал, когда подумал, что проволочное ограждение вокруг питомника местами сгнило и повисло — вот будет раздолье телятам и козам. Черный злой козел Джафара-заики прыгнет через ограду — пусть сразит его чума — и разорит весь питомник.

«В следующий раз непременно застрелю твоего козла,— мысленно угрожая Джафару-заике, подумал старик.— Ну что ты за хозяин, если на поводок для козы тебе денег жалко!?»

Правда, уезжая, старик крепко-накрепко приказал своему подручному Шадману не спускать глаз с питомника, но кто его знает, молодые люди часто бывают забывчивыми.

«Впрочем, я несправедлив к нему»,— возразил себе старик. Любит Шадман сад — это видно. Парень с утра до вечера возле деревьев, трудолюбив, закален в армии... Но почему он задумчив всегда? Другие парни увидят девушку за версту — рты разевают, а этот только вздыхает... Наверное, еще не нашел свою любовь...

Посадил бы старик и орешины в питомнике, но растут они хило, видно, климат здешних мест губителен для них, слишком жарко. Говорят: орешина приносит несчастье. Ничего подобного. Так говорят те, кто сам несчастен. Орешина — царь всех плодоносных деревьев, недаром ядро в его плодах похоже на мозг человека.

Бывая в горах, Туляган видел, что ближе к воде, у ручья, растут дикие яблони, груши, алыча, боярышник,

чуть ниже стелется ежевика, смородина, барбарис. А над всеми этими деревьями величественно раскинулась тысячелетняя орешина, поражая всех мудростью и спокойствием.

Ведь недаром и он, самый главный садовод, ну, этот самый старик с козлиной бородкой, Мичурин-бобо, называл орех хлебным деревом. Действительно, съешь четыре плода и будешь сыт целый день.

Хотел старый Туляган поделиться своими мыслями с зятем, человеком ученым, но потом махнул рукой: «Что толку от человека, погубившего такое дерево ради сомнительного удобства».

— Помню, как поймал он меня под этим деревом,— вдруг проговорил Алиев.— Взял за уши. Мы с мальчишками играли...

— Кто поймал, милиционер?— не понял и удивился старик Туляган.

— Да нет, дядя. Пойдешь, говорит, учиться в интернат, хватит лоботрясничать. Сейчас думаю: хорошо, что дядя был таким строгим. Я кричу, мать плачет, а он ни в какую: будешь учиться — и все. Отца у нас уже не было, и старшие братья решили овладеть профессией дедушки-жестянщика...

— А чем занимался ваш отец?

— Плотником был. Но упал с лесов и погиб, когда мне было семь месяцев.

Старик шепотом прочитал молитву за упокой и провел руками по лицу.

Алиев был рад, что тесть его, сидевший доселе угрюмый, как каменное изваяние, включился в беседу...

— Мать моя осталась с четырьмя малыми детьми, которые целыми днями требовали то еды, то питья.— Алиев медленно, как бы жалея свою покойную мать, покачал головой.— Благо, умела она искусно вышивать. Продавала тюбетейки, джияки и так кормила нас. Вот поэтому-то дядя и отдал меня в интернат, чтобы в семье на одного едока стало меньше.

Старик Туляган, как бы одобряя слова зятя, кивнул, проникаясь к нему сочувствием: оказывается, Алиев, как и он сам, много настрадался в детстве.

— В интернате нас, чумазных сирот, повели в баню и хорошенько выкупали, а потом одели во все новое, прямо с иголки. Всю жизнь пробегал я в дырявых кало-

шах, а тут тебе новые кожаные ботинки выдали — благодать! Мне даже не верилось, что вся эта одежда — моя. И в первую ночь я спрятал ботинки под подушку, боясь, чтобы их не отобрали назад.

Туляган понимающе улыбнулся словам зятя — ведь и у него были точно такие же повадки в детстве...

— Мать потом говорила, что мне улыбнулось счастье. Но, видно, улыбнулось оно слишком поздно.— Алиев посмотрел на тестя. Старик сидел, опустив голову, думая над сказанным и вспоминая одновременно и свое детство.

— Простите, я, видно, вам наскучил,— проговорил Алиев.— Давайте постелю вам...

— Нет, нет, рассказывайте, я слушаю...

— Так вот, я говорю, что если бы не настоящие дяди, я бы, возможно, никогда не выкарабкался из бедствия и не вышел бы в люди... Нельзя, конечно, сказать, что в интернате нам жилось вольготно. Только-только закончилась гражданская война, кругом голод и разруха. Повсюду рыскали банды басмачей. И часто нам бывало давали одну лишь болтушку или машевый суп без хлеба.

Слушая его, старик вдруг подумал с неприязнью:

«Ты, оказывается, знаешь, что такое сирота. Почему же тогда допустил, чтобы и сына твоего родного постигла та же печальная участь?» И Туляган еле сдержал себя, чтобы не высказать все это зятю без обиняков.

— После интерната — учеба в техникуме, потом в университете... Еще в техникуме благодаря стараниям своего учителя я стал увлекаться химией, и это стало потом целью всей моей жизни... Был мой учитель такой же молодой, как и я, худощавый, длинный, с чистыми, как небо, голубыми глазами... Все свободное время он проводил с нами, ночевал в общежитии и делился последним куском хлеба. Он мог без усталости рассказывать нам о химии и великих химиках...

При слове «химия» старик вспомнил, как опрыскивают виноградники и плодовые деревья химикатами против червей, тли и других врагов растений.

«Польза от химии, конечно, есть», — подумал Туляган, но как можно было восторгаться и любить такие вещи, как удобрения и химикаты, — этого он не мог понять.

Вот когда влюбляются в пышно цветущую айву, или, скажем, в гранаты, налитые красным, живительным со-

ком, или в луга на склонах гор, усыпанные тюльпанами,— это старик понимает, это присуще человеку с нежным и чистым, как у ребенка, сердцем...

— Слышал я, домулла, что в древности химики пытались получить золото из меди,— решил показать свою ученость Туляган.— А вы в молодости не увлекались этим?

— Нет,— засмеялся Алиев, хотя не понял: шутит ли тесть или говорит всерьез.— Может, вы слышали такое предание: один падишах, проживший долгий век, никак не желал расставаться с микром. И вот приказал он своим сыновьям найти такую траву, которая продлевает жизнь...

— Не помню, может, и слышал,— ответил старик Туляган и задумался.— Знаю другое: стоило пророку Аюбу, больному, умирающему, искупаться в роднике, как он нашел исцеление своим недугам. Родник этот и по сей день бьет в Бухаре и называется «Чашка Аюб».

— В любом народном предании есть большая доля правды... И уголь, и газ, и нефть, словом, все подземные богатства не вечны, они когда-нибудь иссякнут. И только растения вокруг нас будут жить, пока жив человек... Растения кормят нас, одевают, дарят здоровье... Под влиянием своего учителя химии еще в техникуме я понял, что природные вещества, соли и особенно растения скрывают в себе многое такое, что крайне необходимо для здоровья человека. И я поступил в университет, чтобы получить знания, которые помогли бы мне раскрыть тайны растений. Это моя цель в жизни, а без цели жизнь пуста и не имеет смысла, не так ли, отец?— Алиев умолк и ждал, что скажет тесть.

«В словах ученого человека скрывается истина,— рассуждал старик, слушая рассказ зятя.— Верно, цель должна быть у человека. А была ли такая же большая, захватывающая цель у меня?..»

До сих пор старик как-то не думал об этом. Возможно, и была цель, маленькая или большая, но была. Разве не спас он Латофат от лап этого тирана Тургунбая? Рискуя жизнью, он все же достиг своей цели.

Их скитанья закончились в доме добрых супругов Каратай-Палвана и Кумри-ая. Но не век им было злоупотреблять их великодушием, тогда решили они распрощаться со стариками и, чтобы устроить свою жизнь, пе-

реехать в совхоз. Работали они честно, часто их ставили в пример другим. И на фронте была у Тулягана единая и святая цель — вместе с народом победить врага... Но вот только, оказывается, несчастье подстерегало его, шло за ним по пятам — лишился он Латофат, и вся жизнь пошла вверх тормашками.

— Скажу вам прямо, — продолжал Алиев, — без добрых, хороших людей я бы ничего не достиг. Встретить их на своем пути — это тоже, оказывается, счастье.

— А как же! — прошептал старик задумчиво. — Поведешься с дурным человеком — наживешь беды, подойдешь близко к котлу — измажешься в саже.

— Один из таких добрых людей всегда предостерегал меня: «Эй, парень, не откладывай работу — снегом занесет», а другой мой учитель бывало объяснит химическую формулу, а потом, стуча мелом по доске, скажет: «Каждый час занятий приближает тебя к цели. Будешь медлить, лениться — цель потускнеет. Все надо делать в темпе!» И сам он был человек такой шустрый, энергичный, все время спешил, словно боялся, что одной человеческой жизни не хватит ему. Взволнованный и захватывающий его голос был слышен в самых отдаленных уголках факультета. Но был он вместе с тем и строг, и справедлив, и те студенты, которые не успевали подготовиться к занятиям, стремились убежать из аудитории через окно... Вот у каких учителей я занимался, отец. Наверное, поэтому и перенес все трудности и лишения... Вы помните тридцать третий год?

— Да разве его забудешь?! — проворчал старик, словно злясь на кого-то. И снова воспоминания: темная землянка и Латофат, разбудившая его: «Кто-то стонет за дверью, слышите?»

Туляган приподнялся — выла снежная буря...

— Да нет — вы слушайте, — прошептала Латофат с тревогой. Латофат прижалась к мужу, и сквозь гулкое биение ее сердца он услышал чей-то жалобный голос.

Быстро вскочив с постели, он бросился босиком, в одном нижнем белье, к двери, дернул задвижку и отпрянул в испуге назад — на порог землянки с грохотом упало ооченевшее, вспухшее от голода тело.

И вместе с этим телом через порог их дома переступило к ним горе...

— В том самом году я учился в Москве у крупного

химика-фармацевта в институте...— прервал воспоминания старика Алнев,— знаете, наверное, какая бывает осень в Москве?..

Старик Туляган ничего не ответил, только подумал: «Нет, я не знаю московской осени, зато я знаю, какая бывает осень и зима в Ленинграде, на своей шкуре испытал...» И вспомнилась ему Пулковская высота... извилистые окопы, а впереди развалины обсерватории, в которой в мирные дни изучали тайны небесных тел... И густой туман из тысяч холодных, как лед, иголок, и унылое ожидание...

— Одет я был так легко, что постоянно ходил мокрым от дождя, да и в желудке было пусто: хлеб выдавали по карточкам, четыреста граммов ржаного. Товарищ мой, Закирходжаев, не выдержал и уехал обратно в Ташкент. Я остался... Был это уже тридцать третий год...

У старика Тулягана сжалось от тоски сердце, когда он снова услышал: тридцать третий.

— Голод... Он сокрушал не только Москву, но и Поволжье, Казахские степи, Среднюю Азию — всю страну. Что мне было делать в Ташкенте, где так же трудно с питанием, как и в Москве? Да к тому же я дал слово своему домцулле — шефу не бросать учебу, что бы со мной ни случилось... Пошел я однажды вечером на товарную станцию, где лежали огромные завалы угля — заводы, фабрики, электростанции — вся Москва работала тогда на угле. Грузчиков, оказывается, не хватало, платили прилично, вот я и нанялся. Днем работаю в лаборатории, вечером бегу на угольный склад. Мучился, изнывал от работы — ведь я не был привычный к физическому труду, занимался больше писаниной и опытами, но терпел. Как бы не было тяжело, но со склада не уходил — немало я повидал в тот год полуживых, закочневших от голода людей, лежавших у железной дороги, на вокзалах...

Слышу как-то ночью, что кто-то стучится ко мне в дверь. Открыл... гляжу — тот самый мой сокурсник — дезертир Закирходжаев. В железнодорожной форме, важный такой. Оказывается, он устроился проводником на поезд Ташкент — Москва, дядя помог. «Поучусь, когда наступят лучшие времена. А сейчас надо думать о житейских проблемах», — сказал он. Пришел ко мне, ока-

зывается, Закирходжаев с предложением: в каждый свой заезд он будет привозить мне сушеный урюк, яблоки, орехи, а я должен спекулировать этим на московском базаре и делить с Закирходжаевым выручку.

«Посмотри, на кого ты похож?»— сказал он, как бы сочувствуя.

Да, вид у меня был в то время не совсем бодрый, да и одежда плачевная, в одной и той же я ходил и в институт и на склад разгружать уголь. Дурной соблазн стал шептать мне: «Согласись, и все дела твои поправятся, будешь сыт и обут». Но другой голос, голос совести, противился: неужто я должен воспользоваться народным бедствием и наживаться за счет таких же полуголодных, как и я? Разве этому учат меня мои учителя, люди честные и бескорыстные?

«Нет!»— сказал я Закирходжаеву и прогнал его. Пусть лучше я буду замерзать на тридцатиградусном московском морозе, с пустым желудком, зато совесть моя будет чиста.

Закирходжаев жив и по сей день. Химик из него так и не вышел, зато он выгодно торгует пловом, растолстел, обрюзг. Однажды он зашел ко мне: «Не мог равнодушно пройти мимо твоего дома, дружок». Я заварил чай, мы посидели и вспомнили студенческие годы.

— Напрасно ты бросил учебу,— сказал я.

Закирходжаев обиделся, оглядел мою комнату и сказал с иронией:

— В чем же ты превзошел меня, став ученым?

Действительно, комната моя в то время была почти пуста, никакой мебели.— Алиев хотел добавить: «Было это как раз в то время, когда я разошелся со своей первой женой»,— но вовремя сдержался и продолжал рассказ:

— Да, ты прав,— сказал я ему,— живу я скромно, хотя ни в чем особенно не нуждаюсь. Но главное не в этом. Я нужен людям и приношу им пользу своими знаниями. А какая польза от тебя, скажи?

Он пробормотал что-то себе под нос, продолжая иронически слушать меня.

— От тебя польза только твоему животу. Вон какой он у тебя, может вместить целого барана,— сказал я ему без обиняков, хотя такое неприлично было говорить гостю.

Обозлившись, Закирходжаев опрокинул пиалу на дастархан и ушел не попрощавшись.

Выходит, я напрасно ему сочувствовал. Сколько людей учили его в школе, и на рабфаке, и в университете, сколько потрачено на него драгоценного времени и средств, а он даже не раскаялся!

... Так прошел трудный тридцать третий год, когда я прогнал Закирходжаева, а через два года я уже возвращался в Ташкент, довольный проделанной работой: успел выделить несколько алкалоидов и привез с собой анализы их химического строения...

Хотя и не понял старик Туляган, о каких там алкалоидах ведет речь зять, но интуитивно догадался, что Алиев вернулся на родину не с пустыми руками, оправдал доверие учителей.

Туляган сидел задумчивый, опустив голову на грудь. История, рассказанная зятем, тронула его сердце и заставила как-то по-особому взглянуть на мужа дочери.

«Человек пострадавший, упорный и целеустремленный не может быть злодеем», — решил старик и сказал:

— Что ж, пора спать. — И в тот самый момент, когда он встал, соседний двор погрузился в мрак.

— Вот и соседи легли спать, — прошептал он, опять вспомнив женщину, которую видел сегодня с орешины...

Глава VI

Проснулся старик, застонав от дурных и странных сновидений. Сбросив с себя одеяло, он сел на кровать и долго не мог успокоиться — лихорадило.

Снилось ему, будто в нише мечети появилось неподвижное, окаменевшее лицо той самой соседки, которую он видел, сидя на орешине. Потом лицо стало другим, до боли знакомым. Да, это была она, его Латофат, любимая, которой Туляган лишился в тридцать третьем году. Потом еще чьи-то лица, какие-то странные предметы... И еще явилась ему в сон буланая лошадь — лежит, распластавшись, и хрипит, умирает от ножевых ран...

— Что бы все это значило? — тревожно прошептал старик. — Давно она мне не снилась...

А потом все утро — и когда старик вышел во двор, и когда провожал после завтрака зятя и дочь на работу,

все время он, не переставая, думал о женщине из соседнего двора.

Старику хотелось скорее подняться на дерево, и он уже поставил ногу на лестницу, но робкая мысль остановила его: «Постыдись, не пристало тебе, старику, заглядывать в чужие дворы, аллах разгневется...»

Так говорил он себе, не замечая, однако, что, охваченный душевным трепетом, уже лезет он на орешину и украдкой смотрит в соседний двор. Но двор пуст, только прыгают воробьи, роясь в сухих прошлогодних листьях.

— Нет,— сказал старик для собственного успокоения.— У Халниси родинка была, кажется, на правой щеке...

Угнетенный этими мыслями, Туляган не заметил, как вошел во двор Кабилджан.

— Эй, отец?! На кого это вы с раннего утра поглядываете?

Засмутившись, старик начал быстро спускаться, но Кабилджан не отставал:

— Старушка, что ли, какая-нибудь приснилась?

«Нахал»,— подумал Туляган и проворчал что-то в ответ. Снимая халат, сердито поглядывал на парня, но вид у того был самодовольный и ехидный.

— Понимаешь, молодуха с этого двора удивительно похожа на мою дочь, прямо как две капли воды,— неожиданно признался старик, видно, нуждаясь в собеседнике.

— Где уж там!— ухмыльнулся Кабилджан.— Чулпанай-янга и эта — как небо и земля, никакого сравнения!

— Да не о Чулпанай идет речь...

— А о ком же?

— Ты не знаешь. В тридцать третьем году...— стал было рассказывать Туляган, но тут же умолк — волнение не давало ему говорить. Старик взял пилу и кивнул помощнику, мол, начинаем, и пила, издавая странные звуки, врезалась в тело орешины.

Один надрез, второй, и посыпались опилки, но не желтоватые — с красным налетом, а странные — красные, цвета горячей крови и такие ароматные, что голова закружилась.

Такую красную орешину Туляган видел впервые, и его охватил трепет, чувство какой-то тайны, неподвластной его долгому опыту и мудрому уму.

«Как человек»,— подумал Туляган, вытирая испарину со лба. И хотя он уже много раз так думал о старой орешине, которую губил, это были просто сравнения. Теперь же, когда пила его добралась до самого ствола дерева, до его сердца, старик уже не мог отделаться от трепетного, почти мистического чувства, что имеет дело с существом, ему родственным, таким же старым и многопытным.

«На том свете мне в числе прочих грехов обязательно припомнят и это красное ореховое дерево»,— решил Туляган.

«Впрочем,— тут же успокоил он себя,— природа мудро совместила в одном человеке и добро, и зло. Для их вечной борьбы... Я всю жизнь изгонял из себя зло, и на весах Высшего Суда мое добро окажется тяжелее...»

Подумал так старик и продолжил работу. Еще вчера его руки, отвыкшие за эти два дня от труда, двигались неуверенно, а сегодня они вошли в привычный и уверенный ритм, доставляющий удовлетворение.

Пила двигалась взад и вперед, блестя на солнце всеми цветами радуги, и звуки ее подбадривали...

Туляган изредка бросал взгляд на Кабилджана, сравнивая его с бойцовым петухом — таким он был важным и надутым.

Точно такой же петух был у них в совхозе, и от него не было никому спокойной жизни. Но тут неожиданно перед глазами старика вместо совхозного петуха появилась морда буланой лошади, той самой, которую Туляган видел ночью во сне.

«Боже, что это за видение?— прошептал старик и тут вспомнил о буланой.— Да, да, это она!»

— Что вы сказали, отец?— откликнулся Кабилджан, но Туляган его уже не слышал.

... Воспоминания снова привели старика на тот самый остров, где они прятались от преследователей в сторожке, окруженной густым туманом.

В страхе дождались они с Латофат утра, и Туляган снова выглянул осторожно наружу, но весь остров был погружен в туман, только шептала река, перебирая камни.

Стали ждать, пока рассветется туман, а когда чуть посветлело, Туляган ушел с невестой в тугай.

Тут они и увидели эту буланую лошадь, вернее, первой заметила ее Латофат, вскрикнула и вцепилась Тулягану в руку. Туляган посмотрел туда, куда показывала ему перепуганная женщина, и увидел, как, страдая, лежит на берегу окровавленная лошадь.

Услышав шаги людей, лошадь попыталась поднять голову, но застонала, как человек, и кровь хлынула у нее из ран от напряжения.

Подойдя поближе, Туляган увидел, что раны эти нанесены ножом и что их несколько: на спине, животе и шее несчастного животного. Не зная, что и думать, Туляган и Латофат принялись проклинать неизвестного убийцу, затем Туляган побежал в сторожку, вспомнив, что видел там спички и войлок.

Однажды, когда Туляган, работая топором, поранил себе ногу, жена имама остановила кровотечение жженым войлоком. Но лошади это не помогло, кровь продолжала стекать на землю, и вода реки слизывала и уносила ее.

От досады Туляган разорвал подкладку халата и достал вату, но чей-то голос сзади остановил его:

— Ах, как нехорошо!— сказал старец в черном халате, выходя из-за куста джиды.

Увидев незнакомца, Туляган опешил, а Латофат быстро опустила чачван.

— Что вы с ней сделали?— строго продолжал старец, приближаясь.

— Боже сохрани! Это не мы,— прошептал Туляган и, забыв поприветствовать незнакомца, стал торопливо рассказывать о всадниках, которых видел здесь ночью.

Выслушав его, старец заключил:

— Должно быть, басмачи. Они здесь прячутся.— И показал на следы копыт на берегу.

Внимательно осмотрев лошадь и видя, как она мучается, старец потерял свой мудрый и степенный вид и сердито проговорил:

— Бешеные собаки. Они калечат и разрушают все, что увидят на своем пути... Медлить нельзя, надо скорее сообщить.

— Кому?— не понял Туляган.

— Хозяину. Наверное, они увели ее из конюшни совхоза...

— Где же этот совхоз?

— А вот там, в верхней части Янги-арыка,— показал старец куда-то за усадьбу.— Берите ослицу, молодой человек, и езжайте. Сделайте доброе дело.

Туляган посмотрел на Латофат, закутавшуюся в паранджу, как бы спрашивая: а как же она? Старец, поняв его, успокоил:

— А жена ваша пока вскипятит чай в шалаше.

Вот, оказывается, кем был этот старец — хозяином сторожки, где они провели ночь. Сейчас он просит об одолжении, и разве Туляган может ему отказать?

Туляган направился к бахче, отвязал сизую ослицу и пустился в путь, думая о том, что старец даже не поинтересовался, кто они такие.

Путь к холмику, куда он ехал, был, видимо, хорошо знаком ослице, топала она без всякого понукания, резво. Вскоре добрались они до Янги-арыка, у которого говорил старец, а отсюда с крутого берега видны были белые домики, утопающие в яблоневых садах,— совхоз...

... Когда Туляган вернулся на остров, ведя за собой людсй с повозкой, старец копал морковь, а Латофат помогала складывать ее в мешок.

Была с ними и старушка, которая между стеблями кукурузы собирала в подол фасоль. Недалеко, у шалаша, кипела вода в кумгане, и Туляган в предчувствии вкусного обеда рысцой подъехал к сторожке.

Люди, приехавшие вместе с Туляганом, сразу узнали буланую: лошадь действительно была совхозной. Грабители неожиданно напали на конюха, связали его и заткнули рот тибетейкой. А затем увели четырех лошадей, вместе с ними и вот эту буланую. Но с ней грабителям не повезло, несчастная оказалась пугливой и ни за что не хотела переходить реку. Тогда бандиты изрядно поиздевались над ней, нанося ножевые удары.

Приехавшим из совхоза ничего не оставалось делать, как прирезать буланую, потому что была она безнадежной. Внутренности — печенку и легкое — они отдали старушке, а тушу погрузили на арбу и уехали.

Латофат и старушка пошли к реке, чтобы очистить внутренности, а Туляган тем временем решил помочь старику выкапывать морковь.

— Шурпа была на редкость вкусной,— прошептал старик Туляган и, помаргивая от ослепительных бликов пилы, проглотил слюну.

Действительно, в котле было всего вдоволь — и тыква, и морковь, и фасоль, и ко всему этому печенка и легкие лошади — прямо эмирская еда!

После обеда женщины вместе со стариком стали перебирать морковь, а Туляган выкопал возле сторожки яму. А потом до самого вечера закапывал в яму морковь, а то, что осталось, уложили в мешок и погрузили на ослицу.

Старик, ни слова не говоря, погнал ослицу, но, дойдя до переправы, обернулся.

— Что же вы стоите, пошли, — пригласил он Тулягана, и старушка тоже поддержала мужа:

— Да, да, идемте. Ведь в сторожке уже холодно по ночам.

В первую минуту, когда старик уходил, Туляган растерялся, теперь молодым стало весело.

Слово за слово — разговорились, и Туляган узнал, что старика зовут Каратай-Палван. Живут они вдвоем со старушкой в собственном доме, недалеко от тугая, есть у них и скот, и сад с еще не убранными плодами.

Жена Каратай-Палвана — Кумри-ая хоть и была моложе мужа на лет десять, но выглядела такой же старой от забот по хозяйству. И вот в первые дни, когда Латофат стала помогать ей, старушка словно помолодела и готова была носить молодую женщину на руках — так она была признательна.

Каратай-Палван был полной противоположностью жене — всегда молчаливый, угрюмый, думает о чем-то важном, но не может ничего решить. Молится усердно, хотя и часто искажает смысл молитвы. Больше, чем положено, кланяется в сторону священной Мекки, затём, утомившись, часами сидит молчаливый на подстилке.

Туляган тоже сидит рядом и думает: «Что-то тяжелое гнетет душу Палвана-ата». Хоть и суров с виду Каратай-Палван, но человек великодушный, деликатный. Приняв к себе беглецов в дом, он ни разу не спросил: кто вы, не воры ли, почему прятались в тугаях?

Из благодарности Туляган старался вовсю: убирал хлев, резал кукурузные стебли, помогал Палвану-ата пилить гнилые ветви в саду — он никогда не забывал, что они с Латофат — лишние едоки у гостеприимных хозяев.

Как-то Туляган разговорился об этом с Кумри-ая, но она и слышать не хотела об их уходе: «Что вы, вы для

нас как родные дети! Смотрите, не говорите об этом Палвану-ята — он кровно обидится!»

Вскоре пришла зима с обильными снегами, и молодые решили пожить у стариков до весны. Однажды Туляган вышел за ворота и увидел на чистом снегу следы ворон и даже лисицы, но ни одного человеческого следа, идущего со стороны совхозного поселка к дому Каратай-Палвана.

Туляган задумался: с тех пор, как они поселились у стариков, никто из кишлака не приходит к ним. Что случилось? Несужто перессорились со всеми? И почему Каратай-Палван так озабочен чем-то? Что точит его душу?

Прошло, однако, немало времени, прежде чем Туляган понял причину столь странного поведения хозяина. Дело было весной, когда началась пахота. Туляган вместе с Каратай-Палваном, взяв кетмени, направились к острову. Земля на острове мягкая, сочная, пахать ее — все равно что резать ножом масло.

Поработали мужчины до полудня, а когда Каратай-Палван ушел к себе в усадьбу за обедом, откуда-то на острове появился всадник.

Не успел Туляган поприветствовать его, как всадник спросил строго:

— За сколько это вы нанялись к старику?

— Просто помогаю,— растерялся Туляган.

— А вы знаете, кому помогаете?— в голосе всадника прозвучала ирония.

Туляган не знал, что ответить. Просто помогает доброму человеку, который в трудную минуту приютил его.

— Знайте, ваш добрый человек — одиночник!— как бы стыдя Тулягана, покачал головой незнакомец, и добавил:— Если хотите честно работать, перебирайтесь к нам в совхоз. Будет польза и вам и людям.

Всадник как появился неожиданно, так же неожиданно повернул лошадь и ускакал, оставив Тулягана в недоумении.

Работа теперь не спорилась. Туляган сел на берегу реки и стал думать над тем, что сказал ему всадник. Понял Туляган, почему Каратай-Палван ходит такой угрюмый, словно в воду опущенный: с одной стороны, тяжело, что называют одиночником, вроде бы человек от времени отстал, с другой — жалко ему расставаться с зем-

лями этого крошечного островка, как-никак все же свое, собственное.

И еще Туляган подумал, что, должно быть, теперь старику не поздоровится, его могут обвинить в том, что он держит батрака. Как ни жаль Тулягану расставаться с добрыми стариками, которые стали им родней отца и матери, но надо уходить.

Когда Каратай-Палван вернулся, Туляган ничего не сказал ему, прождал еще два или три дня. К этому времени они успели вспахать островок и взрыхлили сад. Вечером, когда они сидели на айване за чаем, Туляган не выдержал и сказал:

— Спасибо вам, отец, за все. А теперь разрешите нам уйти, решили мы жить самостоятельно, чтобы не быть вам обузой.

Каратай-Палван сразу помрачнел и долго молчал, изредка вздыхая, потом чуть заметно кивнул, как бы одобряя слова Тулягана.

— Что ж,— глухо сказал он,— вольному воля... Но если вам будет трудно, знайте, двери нашего дома всегда открыты для вас...

На другое утро они попрощались с гостеприимными хозяевами и, получив их благословение, медленно побрели в сторону совхозного поселка.

Шли они и оглядывались, и Латофат плакала, видя две сиротливые фигурки у ворот.

— Может, вы останетесь, пока я устроюсь в совхозе? А найду жилье — сразу заберу вас,— сказал Туляган жене, но Латофат не согласилась.

— Буду вместе с вами делить все тяготы,— ответила она.

Придя в совхозный поселок, Туляган сразу же разыскал коменданта, с которым успел познакомиться еще тогда, когда прибежал сюда сообщить о раненой буланой лошади. Комендант приветливо встретил Тулягана и Латофат и, узнав об их желании работать в совхозе, посадил их в свою бричку и повез к директору и рекомендовал Тулягана как человека честного и добросовестного.

Директор, пожилой человек в красноармейской гимнастерке, рассказал Тулягану, что совхоз их еще молодой, что работа трудная, не для малодушных и лодырей, но пройдет несколько лет, хозяйство их крепко станет

на ноги, и тогда жизнь здесь будет зажиточной и процветающей.

Когда Туляган ответил, что ни он, ни его жена не боятся любой, даже самой трудной работы, директор вызвал бригадира Саидасрара, человека с пышной, как у цыгана, бородой, и приказал принять к себе супругов.

Саидасрар кивнул в ответ и повел новых рабочих по широкой дороге, обсаженной шелковицей и топодем. Он вел их к холмистой местности, где тянулись поля его бригады, озирался вокруг, а потом вдруг запел:

О милый соловей-соловушка,
Передай, прошу, моей возлюбленной,
Что гибну я среди гор и камней,
Много горя хлебнув, вай-вай!

Латофат слегка приоткрыла чачван и сделала жест, как бы спрашивая Тулягана: «Слышите?» Туляган в ответ закивал головой, улыбнулся, хотя слова песни были наполнены тоской, интонация же голоса бригадира и весь его озорной вид говорили о том, что он посмеивается над своим героем, бедным влюбленным.

Песня Саидасрара умолкла, как только они увидели трактор, пахавший по ту сторону арыка. Латофат, позабыв, что рядом чужой мужчина, от удивления раскрыла паранджу и во все глаза глядела на диковинную машину.

— Это трактор, — авторитетно пояснил жене Туляган, ранее уже выдавший эту машину на картинках.

— А по-нашему — утамач, что значит — огромная машина, — вмешался Саидасрар.

Они постояли и полюбовались ребяташками, которые, побросав скот, бежали, галдя, за трактором.

Дальше, у обочины дороги, им повстречалась группа женщин. Они возлились у квадратной неглубокой ямы. Увидя их, Саидасрар снова запел свой любовный куплет, пояснив на ходу Латофат:

— Стаканы мастерят...

— Эй, биргат-ака, — крикнула одна из работниц. — Разрешите мне сбежать домой, покормить ребенка...

— Сдай работу табельщику и иди! — разрешил Саидасрар и снова беспечно запел:

Говорят, брови твои черны, от индиго ли?
Говорят, галия твоя тонка, из волоска ли?

Работницы незлобиво посмеялись над песенкой сво-

его бригадира, затем снова проворно задвигались их руки. В бумажный стакан с землей они клали семя тонковолокнистого хлопка, а потом другие осторожно опускали стакан в яму — парник, где семена под застекленными рамами быстро дают всходы...

— Кенчаби¹,— обратился Саидасрар к Латофат,— с завтрашнего дня выходите к своим подругам делать стаканы.

Латофат кивнула, и они пошли дальше, пересекли железную дорогу и приблизились к адыру. Здесь также были устроены парники, а возле них землянки.

Остановившись у входа в одну из землянок, бригадир сказал:

— Милости прошу, заселяйте.— И показал на стог гузапан неподалеку:— А это вам для топки.

Больше Саидасрар ничего не сказал, только залихватски сдвинул тюбетейку набекрень и ушел, продолжая петь.

Супруги посмотрели ему вслед, затем засмеялись, переглянулись и вошли в свою хижину. У самого входа была топка, очень хитроумно построенная. Дымоход выходил наружу, а проходил через весь парник, и, когда разводили огонь в топке, горячий воздух не пропадал даром, а согревал семена в стаканах, сложенных в парниках.

В их новом жилище было уныло. И лишь одна вещь — сколоченная из досок кровать — могла им пригодиться. Ни посуды, ни кухонной утвари, ни ящика, куда бы они могли складывать свою ветхую одежду.

Тулягану стало немного не по себе. Он посмотрел на Латофат, которая озиралась в сырой полутемной землянке, и подумал, что она достойна лучшей жизни. Разве о таком жилье думал он, когда мечтал жениться, разве сюда мечтал привести свою возлюбленную?

Латофат, как бы угадывая его мрачные мысли, сказала просто:

— Давайте приберем, проветрим, и получится неплохое жилье...

— Да, да,— обрадовался Туляган,— лучше жить в тесноте, но не в обиде...

Чье-то хихиканье прервало воспоминания старика.

¹ *Кенчаби* — ласковое обращение к невестке.

Туляган поднял голову: а, это Кабилджан, кто же еще может так ехидно смеяться.

— Похоже, что вы не выспались, отец,—проговорил парень, бросая пилу.

Туляган с неприязнью посмотрел на напарника, но промолчал. Вынул пилу: срез уже глубоко зашел в ствол орешины, и дерево еле держалось, вот-вот повалится и, упаси бог, придавит их. Они начали толкать орешину. Дерево скрипело, но не сдавалось. Тогда Туляган послал Кабилджана в дом за веревкой и, когда тот вернулся, сделал петлю и ловко забросил ее на верхушку ствола. И когда мужчины снова поднатужились, орешина наклонилась и, обреченно вздохнув, легла на землю.

— Вот и все,—прошептал старик. Он сел и посмотрел туда, где еще недавно, раскинув свои ветки, стояло старое дерево. Небо над квадратом двора стало больше, но оно не радовало глаз: гонимые ветром, неслись обрывки туч, и сиротливо летела какая-то птица в поисках пристанища.

«Теперь этот дом мертв для птиц,—подумал Туляган,—а дом, где нет птиц и детей,—могила...»

Туляган снова взял пилу: теперь надо было разрезать мертвое дерево на пеньки.

Кабилджан что-то сказал Тулягану, назвав его «дедом», старик расслышал лишь это слово, и оно обозлило его. Туляган хотел было сказать парню что-то обидное, но промолчал, подумал только, что почему-то стал в эти дни очень раздражительным и злым, а это верный признак того, что его покидает мудрость.

— Зови меня как хочешь, но знай, что и ты будешь таким, как я, дай бог тебе дожить,—сказал Туляган миролюбиво.

Старика звали по-разному. И Туляганбаем, хотя он и не был никогда богат, звали мулла Туляган— а ведь он почти безграмотен. Когда он вернулся после войны в совхоз и ходил в шинели, его долгое время звали просто Туляган-Солдат, хотя таких, как он, приехавших с фронта, в совхозе было немало.

Мирные звуки пилы как бы убаюкали старика, и мысли его снова полетели к той самой землянке, в которую они пришли с Латофат.

Возле арыка Туляган нарвал немного полыни и сма-

стерил веник, и уже через полчаса землянка преобразилась — чистота и уют.

Туляган обнял свою жену, и она прошептала:

— С милым и землянка кажется дворцом, ведь правда?

На другой день, утром, возле их землянки закашлял Саидасрар, пришедший проведать новоселов.

— Ну, как вы тут устроились? О, полный порядок!— И, отмахиваясь от дыма, который всюду валил из трубы, похвалил:— Молодец, Туляганбай, дров не жалей. От них одна лишь польза и для вас и для хлопка в парниках.

А у самого из ветхого сапога выглядывали пальцы, небрежно обмотанные портянкой. Славный человек этот Саидасрар, он сразу понравился Тулягану, вид у него такой, будто трудности ему нипочем, сам веселый и энергичный, и другим передается его настроение.

Внимательно посмотрев их житье-бытье, Саидасрар пошел к выходу, сказав:

— Я скоро вернусь.

И действительно, скоро он вернулся, принес с собой в мешке хлеб, спички, чайник, пару пил — словом, самое необходимое. И молча положил все это на кровать.

Туляган не знал, как себя вести, внимание бригадира его и радовало и огорчало. Взял и убежал с женщиной, а в кармане ни ломаного гроша, даже хлеб приходится брать в долг.

Видя, что Саидасрар уходит, Туляган взял его за руку.

— Куда вы? Простите, как же теперь быть?

— О чем вы, друг мой?

— Да ведь у меня... у нас ни гроша...

Бригадир с укоризной посмотрел на Тулягана.

— Ах, вот вы о чем? Стоит ли печалиться из-за пустяков, рассчитаемся когда-нибудь...

Туляган вышел провожать его, и они, дружески разговаривая, дошли до самой железной дороги. Когда Туляган вернулся, то увидел знакомую низкую ослицу, а рядом с ней беспечного черного ослика. Он неловко остановился, не зная, что и думать, но, заметив хозяйна ослицы, старика Каратай-Палвана, так заволновался, что побежал к нему.

— Ассаям алейкум, ата!

Каратай-Палван, привязывающий ослицу, вздрогнул от неожиданности и встал.

— Ваалейкум.— Он протянул руки к Тулягану, и они обнялись как родные — сын и отец.

— Убежать-то вы убежали, но скрыться от стариков вам не удастся,— сказал Каратай-Палван.— С самого утра всех расспрашивал, наконец, нашел... Заскучали мы со старухой, в доме совсем опустело...

— Спасибо, что не забыли,— только и мог вымолвить Туляган, зная, что старик вполне искренен в своих добрых чувствах.

— Ну, ведите меня к себе, показывайте.— Каратай-Палван наклонился, чтобы поднять хурджун, но Туляган опередил его. Хурджун был набит до отказа.

— Ая ваша передала,— сказал старик,— все уши мне прожужжала: как там наши дети, не голодают ли...

Латофат вся просияла, когда увидела, какого гостя привел с собой Туляган, и засуетилась, не зная, как его принять.

— Как там ая, здорова ли? Пусть бог бережет вас, отец...

Видя, что хозяйка смущена и не знает, куда его посадить, Каратай-Палван вынул из хурджуна стеганое одеяло и постелил на кровать поверх старой кошмы.

А потом он стал доставать и остальное содержимое хурджуна — крупы и зерно в мешочках, фрукты, небольшой котел и разную деревянную кухонную утварь.

Латофат не знала, как выразить свою благодарность, и только приговаривала, плача:

— Какне вы добрые, славные...

А Туляган не выдержал и молча вышел из землянки, боясь, что его слезы могут смутить Каратай-Палвана.

«Как бы не было трудно, надо верить в людей,— говорил сам себе Туляган, стоя возле землянки.— Кто я для него — сирота, беглец, человек совершенно чужой, но, кроме добра, мы ничего от них не видели, Кумрия и Палван-ата роднее отца и матери...»

Мать он свою помнит смутно, один лишь запах ее груди и волос. Помнит, как шла она за водой в Айдинбулак и несла его на руках... Совсем молодой улетела ее душа к небесам, пусть принесет ей аллах покой в лучшем из миров... А отец... Отца лягнула бешеная ло-

шадь, и он погиб. И остался тогда Туляган один меж четырех стен, среди лохмотьев и бедности проклятой. И хоть бы один добрый человек нашелся, который бы приласкал его. Нет! Бродил он по дорогам и кишлакам, пока не попал в город...

Каратай-Палван не остался на ужин, торопился. Сел на ослицу и перед самым отъездом, как бы невзначай, сказал:

— Теперь мы тоже, как и вы, совхозные... Совесть не вынесла одиночества...

Хоть сказал это старик так, между прочим, но заметил Туляган радость в уголках его умных, усталых глаз.

«Слава богу,— подумал он про себя,— кончились для старика муки и терзания».

— Теперь я сторожу совхозную бахчу на острове,— пояснил Каратай-Палван.— Ждем вас в гости...

А вскоре пожаловала проверить житье-бытье молодых и Кумри-ая и снова, как заботливая мать, привезла с собой для их хозяйства разные нужные вещи.

Стыдно Тулягану и Латофат. Почти каждый вечер собираются они навестить стариков, но дела, дела. После напряженного рабочего дня — с раннего утра до позднего вечера Латофат в парнике, а Туляган в поле на пахоте — надо еще и ночью поддерживать тепло в топке, чтобы вызрели семена под застекленными рамами в земле.

Весна в этом году капризная, часто меняется погода, то все небо озарено солнцем, то неожиданно сверкнет молния, подует северный ветер и пойдет град.

Пришлось два раза пересаживать из парников саженцы на поля, потому что мороз и град сгубили молодые, еще неокрепшие ростки хлопчатника.

Наконец пришли теплые дни, все — и стар и млад — вышли на поля, и Латофат вся преобразилась, похорошела, словно после долгой тяжелой болезни.

Трудились они с Туляганом добросовестно, не жалея сил, и совхоз им хорошо платил; стали молодые обзаводиться имуществом. Да и клочок земли им выделили возле парников, чтобы могли они засеять его фасолью, кукурузой, дынями. Днем, до захода солнца, супруги в поле, а вечером копаются у себя в огороде. Все у них как будто хорошо, даже земляника кажется

уютной, да вот только одна беда — куры. Купили они как-то на базаре четырех кур и петуха, думали, забот особых нет, но куда там?! Куры просыпаются раньше хозяев — и в огород, бегают, роют, выдергивают посевы. Латофат прямо с кровати и за хворостинку:

— Ах, что б на вас чума налетела!

Веселая пора молодости! Поработают дружно всей бригадой на прополке или окучке хлопка, а потом всех Саидасрар ведет в землянку к Тулягану — шутки, смех!

Как-то Латофат сказала Саидасрару:

— Хотите, чтоб работа спорилась, поднимите нам настроение.

— Чем же, милая? — прищурился бригадир, чувствуя подвох.

— Прочтите нам «Зебахон».

Саидасрар стал отнекиваться, но молодежь настояла. Бригадир уселся поудобнее, положил перед собой тубетейку, перевернул ее вверх дном и начал рассказывать дастан.

Первые строчки он прочитал взволнованным, прерывистым голосом, смущаясь, но затем голос его стал спокойным, как у старого бахши.

— Вспахивая поле на паре волов, Язы вспомнил Зебу, и сердце его затрепетало от любовной тоски. И как только Паянбай отправился домой за хлебом и кислым молоком, Язы сломал омач и вытащил его ось. «Вол ваш сдуру понесся», — стал он оправдываться, и Паянбай поверил. «Вот, выпей кислое молоко и съешь хлеб, а потом сходи домой и принеси топорик, я почию омач», — сказал Паянбай. Но разве полезет хлеб в горло влюбленному?! Языджан только и ждал того часа, чтобы помчаться к юрте Зебахон. Остановившись недалеко, он запел:

Девушка хорошая, пойдем со мной к
Наполню я твой подол фиалками.
Сам я пахарь, работал в поле,
Но отец твой прислал меня за пилой.
И стал я жертвой твоего тонкого стана,
Выйди же, взгляни, прекрасны твои глаза, Айзеба!

И девушка вышла из юрты. Увидев Языджана, Зеба кокетливо заморгала ресницами и, прищурив глаза, стала упрекать его:

Пойдем вдвоем к реке, эй, ёр!
Наполни фиалками мой подол,
Не бережешь ты свою возлюбленную,
Оставил ее в горе и сомнениях.

Язы утешает девушку, хвалит ее красоту и ум и, покуривая ус, старается развеселить ее:

Как сладко говоришь ты «Язы» — быть мне твоей жертвой.
Я — жертва твоих кавушей, что на высоких каблуках.
Возле твоих дверей я хожу опьяненный
И соринкой пристаю к подолу твоему.
Быть мне каблуком твоих кавушей — я согласен!
Говорят, брови твои черные, от индиго ли?
Говорят, талия твоя тонкая, из волоска ли?
Знаю: в степи ты пила молоко сайгака, Зеба,
И не оттого ли ты бойка на язык?

Подзадорил Язы Зебахон. Стала она подтрунивать над Язы, надевшим на голову тубетейку из козlimой кожи, чтобы казаться плешивым, — на плешивого любовника, как известно, никто не обращает внимания. Зеба смеется над Язы, называя его Язы-плешивый. И все кокетничает, все пост:

Воробы, чирикая, садятся на макушку тополя,
Языджан просит шапку на плешивую голову!
Если не сумеет он выпросить у меня шапку,
Пусть напоит слезами своего коня!

Подзадоренный Зебахон, Языджан отвечает ей:

Воды Нарына — словно вино,
Тело девушки — словно огонь.
Только один поцелуй, о моя лунолика!
Обещаешь ты и сама же отказываешься от обещанного..

Тут Саидасрар сказал: «Аминь!» — и, неожиданно прервав рассказ, встал.

— Эй, продолжай, продолжай! — зашумели со всех сторон.

— Продолжение завтра. А сейчас все за работу! Не пристало мне, начальнику, развлекать вас всякими рассказами! — Саидасрар вышел.

Вот так, в труде, в заботах, за дружескими рассказами проходили прекрасные дни молодости. Тогда же с помощью Саидасрара Туляган обучился грамоте.

А Латофат, хотя и была уже беременна, тоже посещала ликбез.

Так ей хотелось чего-нибудь кисленького, бедняжке. Туляган тайком собирал для нее незрелые яблоки и всякую зелень, но ничему Латофат так не радовалась, как листьям барбариса из сада Каратай-Палвана.

— Если вы не нарвете мне этих листьев, ваш сын родится лопоухим,— шептала она, обнимая Тулягана.

Осенью Туляган уже не шел к островку, где жили старики, а бежал с замирающим сердцем. Латофат умоляла привести к ней Кумри-ая, только одной ей она могла доверить столь тревожное и прекрасное мгновение материнства.

До самого утра ходил потом Туляган вокруг землянки, прислушиваясь к звукам и шорохам и умоляя бога быть милосердным к его жене.

Навевая тревогу, одна за другой упали, прорезая небо, две звезды. Что они предвещали?

Только перед самым рассветом взошла луна, напоминая перевернутый лук, взошла, чтобы потом растаять в небе нового дня. Что принесет Тулягану этот день, счастье или муки?

Туляган с таким напряжением смотрел на звездную карту, ища в ней хоть какое-то предвестие, что ему стало казаться, будто Венера вдруг засияла необычно ярким огнем и что луна, как бы играя с ней, перевернулась.

— Боже!— прошептал Туляган в сильном волнении, и в ту же минуту услышал он голос Кумри-ая:

— Туляганбай, сынок,— суюнчи!

— Кто?— не сказал, а выдохнул Туляган.

— Дочь...

«Слава богу»,— подумал Туляган, хотя и он и Латофат ждали сына, и его охватила такая нежность к маленькому родному существу, такая необъяснимая боль, что он, схватив фонарь, побежал в землянку.

Латофат лежала умиротворенная, со спокойным и прекрасным лицом, и рядом с ней, завернутый в старенькое платье,— младенец...

Туляган стоял и смотрел на жену и дочь, чувствуя, как что-то большое и горячее наполняет его душу. Он прислушивался к себе и понимал, что рождается

заново и что второе его рождение — это рождение отца...

Кумри-ая, с нежной суетливостью разглядывавшая младенца, воскликнула:

— Смотрите-ка, на щеке родинка. Имя ее родилось вместе с ней — Халниса...

Глава VII

Сердце старика ныло от тоски и боли, а губы шептали: «Халниса! Халниса». Он выпустил пилу и поднял голову. Кабилджан пристально смотрел на напарника, стараясь понять, что с ним происходит. Старик помрачнел от его взгляда и смахнул слезу, скатившуюся со щеки на бороду.

— Что с вами, отец?— удивленно спросил Кабилджан.

— Дочь моя...— не сразу ответил Туляган, вытирая лицо поясным платком.

— А-а,— многозначительно проговорил парень, хотя ничего и не понял.

Над двором, в поисках своего гнезда, устало летали два голубя.

Туляган смотрел, как птицы, опустившись на землю, стали ворошить ветки, воркуя.

Жужжание пилы напугало голубей, и они вспорхнули снова к синеве и, сделав прощальный круг, улетели навсегда.

«Телеграфные столбы в сильные морозы гудят так же, как пила»,— почему-то подумал старик и отчетливо вспомнил громадное ледяное пространство. В странной позе, растопырив ноги, лежит на льду осел Тулягана.

Утром Туляган выехал на базар, но осел не выдержал и околел на дороге от голода. В ту зиму не было корма и погиб почти весь совхозный скот. Да что скот — людям нечего было есть, таскали жмых из амбара и грызли.

Как-то ночью Латофат разбудила его: «Человек стонет». Туляган прислушался: вроде кто-то скребет дверь. Туляган хотел встать, но Латофат, перепуганная, крепко схватила его за руку, не пускала.

За землянкой на адыре воеет буря, может, это все

тер толкает дверь, а может, голодный волк забрел в их жилище.

В землянке было холодно, и Туляган развел огонь в топке, продолжая прислушиваться к звукам за дверью. И вот теперь-то отчетливо различил среди воя ветра человеческий стон.

— Надо помочь, он совсем заоченеет,— шепнул Туляган и снял с двери задвижку.

Сразу же в землянку повалил снег, а затем, споткнувшись о порог, грохнулся на пол человек.

Латофат вскрикнула, да и Тулягану стало не по себе. Не зная, что делать, супруги стояли и смотрели на это странное привидение, на которое из распахнутой двери сыпал снег.

Туляган с трудом запер дверь и попросил жену, чтобы она помогла ему справиться с заоченевшим гостем. Но Латофат в страхе забилась в угол, прижав к груди Халнису. Пришлось Тулягану самому переносить незнакомца от порога на середину землянки, где висела лампа.

Туляган сел на корточки и стал рассматривать необычного гостя. Мужчина лежал неподвижно, и только по тому, как слабо поднималась и опускалась его грудь, Туляган понял, что он, слава богу, жив. Лицо его было худое, изможденное, обросшее давно нечесанной бородой.

Нет, человек этот незнаком Тулягану, он явно не житель их совхоза. Длинный полосатый халат из бекасама и особенно замшевые сапоги на высоких каблуках выдают в нем горожанина. Правда, сапоги довольно потрепанные, но когда Туляган жил в городе, он видел, что носят их одни лишь модники, люди состоятельные и беспечные.

«Бедняга,— пожалел его Туляган.— Разве может такая одежда защитить человека от трескучего мороза? Но кто он такой? Что заставило его бежать сюда из города?»

Туляган с трудом стянул с ног незнакомца сапоги и попросил жену приготовить чай.

Латофат не расслышала, лицо ее было тревожным, будто она предчувствовала что-то дурное.

— Что с вами?— не понял Туляган.— Я просил вскипятить для гостя чай.

— У меня такое ощущение, что вместе с этим человеком в дом к нам пришло несчастье,— пролепетала Латофат, наполняя кумган водой.

— Не бойтесь,— сказал Туляган, хотя тревога жены стала передаваться и ему.

— У нас нет заварки.

— Ничего. Бросьте в кипяток корочку черного хлеба.

Пока Латофат возилась с чаем, Туляган растирал гостю ноги, виски, стараясь привести его в чувство.

— Молодой еще, как бы не умер, бедняга,— посочувствовал ему Туляган.

Когда он стал разжимать ему окоченевшие пальцы, незнакомец пришел в себя и слабо застонал. От голоса его Латофат, стоявшая рядом, чуть не уронила пиалу.

Туляган стал хлопать путника по плечу, встряхивать его.

— Очнитесь же, выйдите горячего...

Гость попытался разомкнуть отяжелевшие веки, но не смог, и Тулягану пришлось поить его с ложки.

Гость поперхнулся, закашлял мучительно и, приоткрыв узкие глаза, посмотрел на Латофат. Та быстро закрыла лицо платком и отвернулась, пошла и села на кровать, снова прижав к груди малышку Халнису.

От горячего чая путник постепенно пришел в себя, но был еще до того слаб, что не мог привстать. Туляган молча протянул ему кусок хлеба, и гость стал жевать, глядя на потолок потухшими глазами.

Когда он поел, стал что-то бормотать, как умалишенный, протягивая к Тулягану дрожащие руки.

— Еще просит хлеба,— прошептала Латофат.— Объясните, что больше нет.

Не зная, чем его еще накормить, Туляган укрыл гостя одеялом, надеясь, что он уснет и успокоится. Но незнакомец все требовал хлеба, и с каждым разом голос его становился все отчаяннее.

— Мне страшно,— тихо сказала Латофат, прижимаясь к мужу.— Мне кажется, что я где-то уже слышала этот голос...

Туляган стал успокаивать жену, говоря, что ей просто кажется и что утром все станет ясно, но Латофат требовала:

— Пусть он уходит, умоляю вас...

Туляган начал объяснять жене, что это бесчеловечно — прогонять на мороз чуть живого человека, надо помогать людям, ведь помогли же им в трудную минуту Саидасрар, Каратай-Палван и другие незнакомые.

Супруги так и не уснули, и едва рассвело, Туляган оделся и побежал в магазин, чтобы занять очередь за хлебом.

Хлеб, который он получил на троих, уместился на ладони, и был он сырой, черный. Бережно завернув его в платок, Туляган пошел обратно мимо железнодорожной колени.

Латофат, нервничая, ждала его. Обычно к возвращению мужа из хлебной лавки жена заваривала чай, стелила дастархан, сегодня же она забыла об этих своих повседневных обязанностях. Была она, как и ночью, очень встревожена и сердилась на Тулягана за то, что он ведет себя очень беспечно.

Ночной гость еще спал, он забылся только к утру, и супруги молча позавтракали. Услышав потом возле землянки голоса женщин, собравшихся на работу, они вышли к ним и направились к полю.

Хлопчатник в этом году созрел поздно, и не успели его убрать, как поля засыпало снегом. Теперь приходится двоим, натянув длинный аркан, проходить через все поле, стряхивая с кустов снег, а затем уже по их следам идут остальные и срывают коробочки.

В полдень из столовой везут на арбе обед, и вся бригада собирается где-нибудь на хирмане вокруг дастархана. Суп хоть и постный, заправлен одной лишь свежлой или картошкой, но горячий.

Латофат и Туляган, бывало, едят, а сами думают о Халнисе, потом на донышке чашки несут и ей покушать, а сегодня надо еще и гостя покормить.

Быстренько съели вдвоем одну чашку супа, а вторую завернули в платок и понесли в землянку.

— Что бы мы ни делали для этого человека, все равно чувствую, что бог нас накажет,— глубоко вздохнула Латофат.

Туляган не понимает, о чем говорит жена. Что плохого в том, что они помогают человеку, попавшему в несчастье, ведь это богоугодное дело.

Правда, Туляган и сам, кажется, попал в несчастье, его уже давно знобит, бросает в жар. Что если он за-

болеет? Латофат одной будет очень трудно ухаживать за ним и за Халнисой.

Сегодня Тулягану особенно тяжело, все тело ломит, думал, поработает кетменем, согреется, но ледяной ветер поля пронизывает его тело насквозь.

— Вы готовы лезть из кожи вон, чтобы перед чужим показаться благородным,— упрекнула его Латофат.

Тулягана слова ее рассердили, но он промолчал, потому что кругом были люди. Он молча встал и направился к землянке, но никак не мог успокоиться, шел и переживал горький упрек Латофат.

Что ему было делать? Правда, времена очень трудные, приходится целый день работать из-за чашки супа и куска хлеба. Теперь надо кормить еще и чужого человека...

Грустные его размышления были прерваны криком Латофат:

— Подождите, послушайте...

Это был крик отчаяния, и Туляган вздрогнул и остановился, стал ждать бледную, напуганную Латофат.

— Что случилось?

Латофат не могла говорить, села на рельсы.

— Боже мой, кого вы приютили?— прошептала она.— Теперь я поняла... Это он, клянусь вам. Я вспомнила его голос...

По телу Тулягана пробежала дрожь, и он тоже опустился на рельсы.

— Тургунбай? Нет, этого не может быть...

— Это он! Он! Скорее... там Халниса!..

Ноги не слушали Тулягана — так он был взволнован, бежал и тянул за руку Латофат, и они много раз падали на снег.

Четыре года прошло, но как человек изменился! Неужели Тургунбай все это время искал их, чтобы отомстить? А Туляган, довольный своей жизнью, давно позабыл имя этого насильника. Но Латофат, видно, помнила и всегда чего-то боялась, ведь не зря говорят, что женщины острее мужчин чувствуют приближение беды.

Одного только не может понять Туляган: почему Тургунбай до сих пор никого не тронул? «Даже змея льстится на хорошее слово,— подумал Туляган.— Мо-

жет, видя, как мы ухаживаем за ним, Тургунбай решил простить все, может, у него зашевелилась совесть!»

Латофат бежала за Туляганом и все шептала: «Халниса! Моя Халниса!», и этот отчаянный материнский зов болью отдавался в сердце Тулягана.

И как они обрадовались, как были счастливы, когда вдруг между парниками мелькнула фигурка Халнисы. Девочка увидела родителей и побежала им навстречу, топая старыми материнскими калошами по снегу. Вот она потеряла одну калошу и упала, но не заплакала, и когда мать и отец подбежали к ней, Халниса бросилась в объятия к Тулягану.

— Почему ты вышла из дому, ведь холодно,— сказал Туляган.

— Я боюсь,— прошептала Халниса и вся задрожала.— Боюсь дядю...

— Вот видите, и ребенок чувствует...— сказала Латофат.

Когда они осторожно вошли в землянку, Тургунбай, лежавший на кровати, повернул к ним лицо, но смотрел не на Тулягана, а на узелок, который он принес.

«Нет,— успокоил себя Туляган,— такой человек, одинокий, голодный, не может причинить зла. По крайней мере сейчас, когда он еще не держится на ногах».

Но все равно, пока не поздно, надо откровенно поговорить с ним, спросить его, чего он хочет и почему преследует, спустя столько лет, их семью?

Туляган молча расстелил дастархан, вынул хлеб и разлил суп Халнисе и Тургунбаю.

— Ешь, доченька,— сказал он, видя, что Халниса испуганно озирается на Тургунбая.

Непрошенный гость, низко наклонившись над дастарханом, пил суп и медленно жевал хлеб. Потом он отодвинул от себя пустую чашку и, не говоря ни слова, снова лег. Даже не поблагодарил хозяев. И чтобы ничего не видеть и не слышать, укрыл голову халатом.

Это обозлило Тулягана, и он уже больше не мог сдерживать себя, крикнул:

— Гость! Эй, гость!

Тургунбай сбросил с головы халат и равнодушно уставился на Тулягана. Туляган взял себя в руки и как можно спокойнее сказал:

— Видит бог, вы уже поправились... Мы оба рабо-

таем, но нам нелегко живется... В совхозе и для вас найдется какая-нибудь работа...

Тургунбай выслушал слова хозяйина и, медленно поднявшись с кровати, стал натягивать сапоги. Туляган, конечно же, заметил, как блеснула злоба в его глазах, видно, он все эти дни глубоко затаил свои чувства и ждал момента.

«Какой я наивный и доверчивый,— подумал Туляган.— Этот человек хуже волка, не знает благодарности. А ведь мы спасли его от смерти...»

Затаил злобу из-за Латофат, но ведь она законная жена Тулягана, они любят друг друга. Зачем Тургунбаю разбивать их счастье?

Тургунбай молча вышел. Туляган проводил его, смотрел вслед и думал: «Куда же он пойдет в такой холод? Опять может замерзнуть, и кто ему поможет?»

Туляган уже поднял руку и хотел окликнуть Тургунбая, но, вспомнив бледное, перепуганное лицо Латофат, вернулся в землянку.

Латофат, оказывается, уже ушла в поле и, волнуясь, ждала там мужа.

— Ушел, это правда?— вырвался у нее вздох облегчения.

В ту ночь они, наконец, уснули спокойным сном, умиротворенные, но спокойствие это длилось недолго. Вскоре, когда Туляган отправился в усадьбу совхоза за керосином, он вдруг снова повстречался с Тургунбаем.

Рядом с конторой в тутовой роще был установлен бак, где кипятили воду для рабочих. На корточках, возле бака, сидел человек и бросал в топку гузапаю. Когда Туляган подошел поближе, то узнал в нем Тургунбая, еще более похудевшего и обнищавшего.

«Нашел работу— с голода не умрет»,— подумал Туляган и поздоровался.

Тургунбай зло посмотрел на него и даже не ответил на приветствие. И Туляган решил, что надо быть очень осторожным, месть в этом человеке горит, как огонь в топке.

Пока Туляган стоял в очереди за керосином, начало быстро темнеть, а когда он вышел из усадьбы совхоза и направился домой, он уже ничего не видел в двух шагах от себя.

Туляган шел и все думал о Тургунбае, и тревога

его все нарастала. Все-таки небезопасно жить вдали от людей, в землянке. Времена беспокойные, всякое может случиться. Строят им дом в колхозной усадьбе, но конца строительству еще не видно: то леса не хватает, то кирпича...

Со стороны адыра дул резкий, холодный ветер, такой пронзительный, что Туляган продрог до костей. Он пробовал хорошенько закутаться в халат, но ничего не помогало, мучал сильный грудной кашель.

В ту ночь, когда явился к ним в дом Тургунбай, Тулягана, видно, просквозило, и вот с тех пор ломит все тело и лихорадит. Туляган никак не решается отпроситься у бригадира и отлежаться дома — пора очень трудная, готовятся к пахоте.

Туляган шел, и ему казалось, что, скрываясь за темнеющими деревьями, за ним крадется Тургунбай.

Чтобы набраться смелости, Туляган стал разговаривать сам с собой.

— Вот пропотею хорошенько, и вся простуда пройдет,— сказал он и еще больше насторожился, потому что не узнал своего голоса, почудилось, что это сказал кто-то другой.

Туляган собрал последние силы и побежал. И бежал до самой железной дороги. Потом не выдержал напряжения и сел на рельсы. Опомнился и посмотрел на бидон с керосином. Не разлил, слава богу. Надо беречь керосин, землянка без огня — все равно что могила.

Латофат, наверное, уже беспокоится, ждет его. Вчера им выдали со склада немного свеклы, и Тулягана ждет горячий суп.

Вдруг рельсы, на которых он сидел, загудели. Вдали мелькнул огонек — видно, поезд. Но Туляган словно ошоченел, не может встать, а снег все падает и падает на него.

Тулягана охватил страх. А что если он не сможет подняться! Смерть! Нет, за себя он не боится. Что будет с Латофат и Халнисой — вот о них он и подумал сразу.

А поезд уже совсем близко, кажется, дышит ему в лицо паром. Туляган разжал пальцы, оставил бидон на насыпи, а сам покатился вниз. И лежал и смотрел, как мимо него мчатся вагоны, везя незнакомых людей с узлами и мешками. Пассажиров так много, что они да-

же стоят на ступеньках вагонов, есть и такие, кто едет на крыше, держась за коротенькие трубы.

Колеса вагонов мерно стучали по рельсам, и среди всего этого шума Туляган различил один отчетливый стук: «Хлеба, хлеба!»

Туляган машинально сунул руку за пазуху и успокоился, нащупав кожаный кошелек. Там хлеб, вернее, хлебные карточки, сейчас они дороже всего на свете, дороже золота.

Не ради ли этого хлеба множество людей в вагонах покинули свои родные края? И откуда они едут и куда?

Не зря говорят: ударишь быка по рогам — зазвенят копыта. Голод и засуха в западных районах страны погнала людей на восток.

Ослабевшей рукой Туляган постучал в дверь, и услышал радостный возглас Халнисы: «Папочка пришел!»

От голоса ее по телу Тулягана побежало тепло, и он почувствовал слабость. И если бы не Латофат, которая взяла у него из рук бидон с керосином, он бы наверняка упал.

Землянка тускло освещалась одним лишь пламенем топки. Туляган ощупью нашел кровать, сел и спросил:

— Керосин не пролился?

— Нет, сейчас зажгу лампу.— Голос Латофат пришел откуда-то издалека, хотя она стояла рядом, помогала ему снять сапоги.

У Тулягана, не переставая, кружилась голова, и его подташнивало. Он даже не почувствовал, как Латофат уложила его в постель и укрыла одеялом. Так лежал он в полубессознательном состоянии, смутно понимая, что тяжело заболел. Когда он открыл глаза, чтобы откликнуться на зов Латофат, все живое и неживое в землянке запрыгало, заходило ходуном.

А Латофат, наклонившись над ним, тревожно шептала:

— Боже, что с вами? Вот, поешьте суп...

Он хотел что-то ответить, но только глухо вскрикнул, когда ему показалось, что проваливается куда-то вместе с кроватью...

...Туляган открыл глаза и увидел, что рядом с ним сидит и гладит его руку Халниса. Волосы ее были растрепаны, а на лице следы слез.

У Тулягана тревожно защемило сердце, и он быстро спросил:

— А где мама?

— Мама ушла в столовую. За шавлей...

— В какую столовую? Ведь сейчас ночь.

— Нет, папа, уже день. И светит солнышко...

Как же так? Неужели он так долго спал? Да, да, ведь он заболел. Когда дышит — задыхается, в легких хрип, все тело ломит.

А Халниса вертится около его кровати, заглядывая отцу в лицо, и участливо спрашивает:

— Папа, у вас голова болит?

Глядя на нее, Туляган подумал, что она очень похожа на свою покойную бабушку, такие же большие и спокойные глаза, много в них искренности и тепла.

Туляган снова погрузился в дрему, он то терял сознание, то приходил в себя, и все в землянке по-прежнему дрожало перед его глазами.

Так продолжалось долго, много часов. Наконец в темноте он разглядел силуэт Латофат. Но вся она какая-то неземная, странная. Туляган следил за движением ее губ, но ничего не понимал, следил, как подносит она ко рту ложку. Горько стало Тулягану, неприятно, он чуть не вырвал. Потом вдруг погас свет вокруг, и все погрузилось во мглу.

...Когда Туляган пришел в себя, то увидел, что в топке уже горит огонь. Халниса в ватнике, грустная, смотрит, как дымится гузаяя. Не слышно ни шагов, ни голоса Латофат.

Халниса подбежала к отцу и сказала:

— Мама ушла за хлебом...

— Сейчас утро?

— Нет, вечер, папа... Мне страшно. Возьми меня к себе на кровать...

— Нет, доченька, я заболел...

Вдруг раздался сильный грохот, и в открытую дверь ворвался ветер. Халниса вскрикнула, заплакала и вцепилась Тулягану в руку.

Что случилось? Кто так напугал девочку?

До боли знакомое лицо наклонилось над Туляганом, дикое, страшное, обросшее волосами. А, это Тургунбай, тот самый...

Надо встать, во что бы то ни стало встать. Тургун-

бай замышляет зло! Туляган сделал движение, но все закружилось перед глазами, он только застонал от обиды, от боли, что не может защитить ни Халнису, ни себя.

Тургунбай прижал его к кровати и прошипел:

— Не шевелись! Задушил бы я тебя, как овцу, но ладно... Сам умрешь, падаль! Одна нога уже в могиле...

Еще какие-то угрозы слышал Туляган, но, задыхаясь и теряя сознание, понимал только отдельные слова:

— Это божья кара... за грех... возмездие...

Туляган хотел собрать последние остатки сил, чтобы ответить насильнику, но, услышав слова: «Так знай же, собака, ни тебе, ни мне...», задохнулся от страха.

Тургунбай ушел. Плача, Халниса закрыла за ним дверь, и Туляган подумал: «Как хорошо, что Латофат не было дома. Бог миловал...»

Но тут же его снова охватила тоска. А что, если он встретит Латофат по дороге домой, на пустыре?

«Что он сказал? Он сказал: «Ни тебе, ни мне»,— смутно припомнил Туляган, и ему вдруг стал ясен зловещий смысл этих слов.

— Э-эй, стой! Побойся бога!— застонал он и упал с кровати. Попытался встать, но не смог и только услышал, как закричала Халниса...

...Где-то вдалеке раздались голоса. Сквозь пелену тумана перед глазами Туляган различил фигуры Каратай-Палвана и Саидасрара.

Они сидели на кровати у его изголовья и что-то оживленно обсуждали. Но почему Каратай-Палван даже не разделся? Неужели в землянке так холодно?

Увидев, что Туляган очнулся и пытается встать, Саидасрар обнял его.

— Лежите, друг мой, не волнуйтесь.— И, почему-то печально вздохнув, отвел глаза и посмотрел на Халнису, которая, измученная, заснула возле топки.

Но почему гостям не расстелен дастархан? Где Латофат?

В голове Тулягана зашумело, когда он вспомнил лицо Тургунбая, его слова. Что это было: сон или бред?

— Латофат!— крикнул Туляган, весь помертвев от ужаса. Подождал, все еще надеясь, что услышит в ответ голос жены. Потом спросил у сидящих:

— Где Латофат?

Гости низко опустили головы, и Туляган снова закричал:

— Почему вы молчите?

От крика отца проснулась и заплакала Халниса, причитая:

— Мама? Где мамочка?

— Она скоро придет,— стал утешать ее Каратай-Палван, но голос его был какой-то странный, неестественный.

В это время открылась дверь — мелькнула надежда. Но вместо Латофат в землянку вошли какие-то люди — впереди человек высокого роста, с чемоданчиком в руке, русский, за ним милиционер, а позади белокурый парень, знакомый Тулягана.

Когда русский снял пальто, оставшись в белом халате, Туляган понял, что он доктор. Доктор после обычных приветствий стал деловито доставать из чемоданчика свои инструменты, а милиционер тем временем задал вопрос:

— Сколько дней тому назад она пропала?

Кто пропал? О чем он говорит? Туляган так разволновался, что хотел встать, но доктор, протягивая ему термометр, приказал лежать.

Милиционер повторил свой нелепый вопрос:

— Когда пропала ваша жена?

— Пропала? Да о чем вы говорите?!— застонал Туляган все еще не веря, что речь идет о Латофат.

«Нет, это какой-то бред, я болен, теряю рассудок»,— подумал он.

Сейчас откроется дверь и войдет Латофат, чуть усталая, но довольная, неся хлеб и суп из столовой. И скажет, как всегда: «Что, заждались свою маму?»

— Приехал я сюда вчера с арбой гузапан, вижу, девочка сидит возле землянки и плачет,— стал рассказывать Саидасрар, показывая на Халнису,— плачет, бедняжка, и зовет маму...

— Когда же она пропала?— прервал его милиционер.

— Кажется, позавчера,— оробев от тона милиционера, ответил Саидасрар и учтиво встал.

Но милиционер досадливо махнул рукой, как бы

говоря: можете сидеть, а сам устроился на ящике возле стены.

— Пошла она за хлебом и...— продолжил Саидасрар, но умолк, видя, что Халниса, внимательно рассматривавшая шапку милиционера со звездой, заплакала.

— Не вернулась,— вздохнул Саидасрар.— А друга своего Тулягана я нашел возле порога без сознания. Ну, я положил его на кровать и побежал к коменданту...

— Куда же она могла уйти?— спросил милиционер, морща лоб.

— Ясное дело, куда, товарищ начальник. Голод, уход за больным и всякие разные неурядицы — все это ей надоело. Махнула она рукой, села в поезд и уехала к родителям,— стал высказывать свое предположение Саидасрар.

Тулягана больно кольнули его слова. Но, может быть, Саидасрар говорит так, чтобы утешить друга?

— Нет, нет,— запротестовал Каратай-Палван.— Она жена преданная, они любили друг друга...

— Да у нее никого нет,— прошептал Туляган,— ни отца, ни матери.— И, чтобы не зарыдать, стал кусать кончик бороды.

Да, Каратай-Палван прав, они любят друг друга. Туляган ни разу, даже в трудные минуты, не повысил голоса, у них дочь, и они счастливы.

Нет, не могла она пойти с Тургунбаем, своим первым мужем, даже если он грозил ей смертью. Хоть жила она с ним в достатке, но была самой настоящей рабыней. И теперь, когда пришла новая жизнь, когда женщина равноправна, она не захочет снова лезть в ярмо.

А что если... Нет, нет, только не это! Туляган задрожал от страшной мысли и со стоном протянул руки в сторону милиционера, как бы моля его о помощи...

Глава VIII

Кабилджан поежился, заметив на себе пристальный взгляд старика. Подумал: «Не сошел ли старик с ума?» В глазах Тулягана невыразимая боль и тоска.

— Отец, эй, отец!— Кабилджан осторожно коснулся

его плеча. Туляган закрыл глаза, и две капли скупых старческих слез покатались на бороду.

— Вы устали, отец, отдохните,— сочувственно проговорил Кабилджан и, взяв топор, стал разбивать пеньки.

Старик встал и начал озираться вокруг, не зная, что делать. Затем принялся складывать разрубленные чурки возле забора.

Тем временем женщина-работница принесла и растелила дастархан, поохала, повздыхала, глядя на то место, где еще утром стояла орешина, затем ушла и вернулась, неся маставу в чашках.

— Дед,— сказала она,— прошу за стол...

— Что?— не понял Туляган, еще не сбросивший бремя воспоминаний.

— Маставу приготовила по вашему заказу. Не обесудьте, если что не так...

— Хорошая мастава,— похвалил старик,— чувствую по запаху.— И, пронаблюдав, как она тяжело поднимается на террасу, подумал: «Ну и толстуха! А в нарядах не отстает от своей хозяйки. Интересно, что она одевает, когда выходит на улицу, если даже дома носит атласное платье?»

Не понял наивный старик, что старая женщина надела свое самое лучшее платье, чтобы понравиться ему...

Старик вздохнул: так и не смог он купить для Латофат хан-атлас, затмила бы она своей красотой любую из жен бухарского эмира...

Туляган позвал Кабилджана, они молча стали есть маставу. Видно, старик проголодался, мастава оказалась очень вкусной.

«Латофат тоже готовила очень вкусно,— подумал старик.— Самый обыкновенный ее постный суп был вкуснее плова на свадьбе». И как только старик так подумал, воспоминания снова отгородили его от действительности. Туляган увидел себя стоящим в проходе темного вагона. Покачиваясь от усталости, он крепко прижимал к груди трехлетнюю Халнису. Прошло уже столько дней, но никто по-прежнему ничего не знает о Латофат. Ходил Туляган и к директору совхоза, и в сельсовет, везде сочувствовали, обещали помочь, а в милиции сказали: «Разыскиваем»:

Туляган взял дочь, сел в поезд и поехал в Коканд. В городе он зашел в мечеть, где некогда работал сторожем, и стал спрашивать про Тургунбая, но никто его давно уже не видел. Две ночи простоял он, спрятавшись, у его дома и все глядел через забор: вдруг появится насильник... Одна только сгорбленная старушка бродила по двору Тургунбая, видно, сторожила.

Туляган снова вернулся в совхоз с надеждой, что Латофат ждет его и Халнису в землянке, что ее исчезновение — это дурной сон, который вот-вот развеется.

Сошел он с поезда и, посадив Халнису на спину, поспешил к адыру, но еще издали увидел на двери замок и идти больше не мог — сел.

Что ему делать в темной и сырой землянке, только душу растревлять себе и ребенку. Халниса тоже приуныла, поняв, что мамы опять нет и не побегит она к ней издалека, чтобы обнять.

Халниса теперь уже не плачет, как раньше, и не зовет маму — видно, выплакала все слезы. Она как-то сразу повзрослела от горя, лицо ее всегда серьезное, глаза печальные.

Туляган посидел немного, обдумывая, как быть дальше, затем пошел вдоль дороги к усадьбе совхоза. Он шел и искал на насыпи следы Латофат, часто останавливался, озираясь вокруг.

Команданта он нашел в депо пожарной охраны, где тот разбирал дело о пожаре, случившемся на днях в бараке для одиночек.

Туляган долго простоял в коридоре и хотел было уже уходить, но неожиданно открылась дверь и вышел командант. Он сделал вид, что не заметил сразу Тулягана, ходил взад-вперед по коридору, курил и вздыхал, а потом как бы невзначай сказал:

— В Янгиарыке нашли труп женщины. Видел?

От неожиданности Туляган не сразу сообразил: какой труп? И зачем он должен смотреть на него?

— Где? — с трудом спросил Туляган.

— В Чека, кажется, — неопределенно ответил командант.

Туляган стоял, прислонившись к дверной раме, и шептал, как заклинание: «Нет, это не она, бог свидетель...»

— Папа, я хочу есть, — вывела его из оцепенения Халниса, сидевшая на руках у отца.

— Да, доченька, идем получим хлеб...

Туляган вышел из депо, ругая себя. Да, только он один виноват во всем, слег в постель, заболел, перестал заботиться о семье — и вот в результате такое несчастье!

Отшагав довольно большое расстояние по пустырю, он понял, что идет не в ту сторону, где находится хлебная лавка.

«Надо взять себя в руки. Так можно сойти с ума. Даже если я больше не увижу Латофат, у меня есть Халниса. И ради нее надо жить», — подумал Туляган.

Еще издали он увидел, что у хлебного ларька толпится народ и стоит неумолчный многоязыкий говор. Люди стоят тесно друг к другу, чтобы как-то согреться. Одна из женщин пронзительным голосом проклинает кого-то, другая стыдит ее.

Туляган встал в очередь, с надеждой поглядывая на людей — вдруг кто-нибудь скажет ему, что видел Латофат живой-невредимой.

Но в очереди говорили о чем угодно, но только не о ней, видно, люди старались не напоминать Тулягану о его горе.

Наконец Тулягану выдали хлеб, он отломил кусочек для Халнисы и бережно понес ее домой. Когда они добрались до землянки, Халниса уже спала.

Не было у Тулягана ни сил, ни желания кипятить чай. Темно, очаг давно остывший, в землянке холодно, как в могиле.

Туляган уложил Халнису на свою кровать, прижал ее к себе, чтобы согреть. Девочка спала тревожно, часто вскрикивала во сне, и Туляган все успокаивал ее.

К весне обещают закончить их дом в совхозной усадьбе, но что ему теперь там делать без Латофат?

Ночь была длинной и кошмарной, но, наконец, стало рассветать, Туляган быстро одел Халнису, снова посадил ее на спину и зашагал по уже не раз хоженному пути к железной дороге.

Он шел по шпалам и все думал и думал о словах коменданта. А Халниса молчала тоже, будто онемела от отчаяния, и Туляган вдруг понял всю глубину детского горя.

— Халниса! — окликнул он дочь. — Тебе не холодно?

— Нет, папа...

— А ноги не замерзли?

— Нет, папа...

Односложные ответы, как у взрослой, а ведь раньше тараторила, не переставая, радуясь жизни. Ну о чем бы с ней поговорить, чтобы развеселить хоть немного?

«И мужем я был плохим и отец никудышный»,— подумал про себя Туляган и снова позвал Халнису:

— Доченька, ты слышишь?

— Что, папа?

Туляган не знал, что говорить дальше. Халниса, видно, поняла его, вздохнула и, как бы жалея отца, положила голову ему на плечо.

— Ты видишь?— Туляган показал на детей, катающихся на льду канала.

— Вижу, папа...

Среди них были две девочки, одна такая, как Халниса, вторая чуть старше. Старшая изображала из себя лошадку, а младшая, уцепившись за подол ее халата, каталась на льду.

— Давай я тебя тоже покатаю! Давай!

— Не хочется...

Ничего ей теперь не мило. Понимает она, что папа очень, очень измучен, потому и не говорит, что устала, что замерзла.

Туляган стоял и тревожно смотрел на лед арыка: кое-где возле берега лед уже начал подтаивать. А ребята этим все нипочем, скользят по льду, прыгают, не думая об опасности.

Туляган с тревогой смотрел на них, а когда две девочки побежали к краю арыка, не выдержал и закричал: — Осторожно, куда ж вы?! Вот я сейчас возьму хворостинку...

Девочки засмеялись в ответ и снова запрыгали по льду, не обращая на Тулягана никакого внимания.

«Дети есть дети,— подумал Туляган.— Их счастье в том, что они непосредственны и не страшатся опасности».

И тут Туляган снова вспомнил о женщине, о которой рассказывал ему комендант. Наверное, так же была неосторожна, пошла к речке за водой и провалилась под лед... А может быть, кто-то толкнул ее сзади?

Туляган уже не помнит, как он добрался, наконец, до склада, где хранилась солома. Там ему и показали утопленницу.

Нет, это не Латофат! Совсем не похожа. Латофат была худенькой, а утопленница все такая толстая. Но, может быть, она распухла в воде? Нет, нет, Туляган и думать боится. Даже если ему начнут доказывать, что это Латофат, он все равно не поверит.

Потом приходили еще какие-то люди, но никто не мог опознать утопленницу, и ее похоронили на кладбище Ак-Тепе.

Когда все ушли, Туляган старательно прочитал над свежей могилой заупокойную и последним покинул кладбище.

Туляган уже давно не замечает, когда восходит солнце и когда оно заходит. Вот и сейчас, пока сидел в милиции, на улице стемнело.

Он вышел на безлюдную площадь и побрел было куда-то, но наткнулся на истощенную дворняжку со впалыми боками.

Туляган присел к собаке и заговорил с ней:

— Ну, куда же мы теперь пойдём?

Собака вроде поняла его растерянность и, опустив голову, побрела в сторону тополиной рощи.

Голодный пес, надеясь на подачку, привел человека к чайхане и, вздохнув, забрался под деревянную кровать.

В дальнем углу чайханы сидели два старика и о чем-то шептались, а недалеко от них полулежал на кровати чернобородый мужчина, похожий на цыгана. Из хурджуна за его спиной выглядывала лисья шапка.

«Должно быть, приезжий», — смекнул Туляган, разглядывая чернобородого.

Чайханщик, человек высокий, крепкого сложения, был занят мытьем посуды. Туляган поздоровался с ним и, робко пройдя в глубь чайханы, сел.

Чайханщик тут же принес ему чаю и сказал, погладив руку Халнисы:

— Бедняжка, она ведь совсем замерзла...

Халниса отдернула руку и испуганно посмотрела на чайханщика.

— Не бойся, доченька, дядя добрый, — сказал Туляган, но Халниса продолжала недоверчиво таращить глазенки.

Чтобы как-то расположить ее к себе, чайханщик протянул ей сушеный абрикос, сказал нежно:

— Я знаю, ты очень любишь абрикосы, ешь на здоровье...

— Бери же, бери,— подбадривал девочку Туляган.— И скажи дяде спасибо.— А сам подумал: «Наверное, у него много детей»,— и вспомнил почему-то о тех, которые катались на льду.

Вскоре старики тихо ушли, а чернобородый, подложив под голову хурджун и укрывшись чекменем, видимо, решил спать. Халниса уже давно спала, уткнувшись головкой в плечо отца, и Туляган, думая свои невеселые думы, время от времени гладил ее волосы.

Он и не заметил, как чайханщик сел рядом, принеся с собой другой чайник. И как только он налил в пиалу чай, Туляган услышал запах, по которому уже давно соскучился. Да, это был запах настоящего зеленого чая, а не яблочного отвара.

Туляган отпил глоток кок-чая, с благодарностью кивнул чайханщику, человеку, который все время оказывал ему знаки внимания.

Чайханщик молча и сочувственно посмотрел на Халнису, потом на Тулягана и сказал:

— Да, трудно, когда у ребенка нет матери... Очень трудно...

Туляган хотел было запротестовать, сказать: «Нет, уважаемый, вы ошиблись, у нее есть мать», но не успел. Чайханщик печально добавил:

— У меня тоже двое таких, мал мала... Родила нам последнюю, а сама ушла, бедняжка, в лучший из миров... Женился я потом, думал, будет матерью для детей, но...— Чайханщик не договорил и досадливо махнул рукой.— Пейте, пожалуйста, специально для вас заварил кок-чай, чтобы печаль вашу немного скрасить...

Разговорились. Слово за слово Туляган рассказал чайханщику свою историю. Выслушав, чайханщик сказал убежденно:

— Это дело рук Тургунбая, поверьте мне! Согрели вы на своей груди змею, а она свое жало вонзила в вас.— Чайханщик умолк, стараясь припомнить что-то, сидел долго, и Туляган с надеждой смотрел ему в лицо.

— Чайхана — все равно что караван-сарай. Каждый день столько посетителей. И всех трудно запомнить... Вы сказали, что прошло уже две недели?

— Да, дней двенадцать,— заволновался Туляган и для пущей убедительности стал считать на пальцах.— Да, да, двенадцать, аллах не даст соврать.

— А жена ваша, вы говорите, была в камзоле с отложным воротником из бекасама?

— Да, да, только сильно поношенный.

Чайханщик бросил взгляд в сторону, где лежал путник, укрывшись чекменем.

— Я, конечно, брат, не берусь утверждать, что это были они... Но примерно в те же самые дни тут сидели двое и пили чай. Но я не посмотрел на нее, посчитал неприличным... А вот мужчина, который был с ней...— Чайханщик не договорил, видимо, сильно сомневаясь, затем сказал:— Нет, я не берусь утверждать... Боюсь взять на душу грех.

— А вы видели, куда они пошли?— заторопился Туляган, будто его осенила догадка.

— Если это были они, то направились сразу в сторону города,— стал рассуждать чайханщик.— Отсюда в Акси и Джидакана им пути нет, там каждый человек на примете.— Поглаживая кончики усов, он продолжал:— Я думаю, через Караксан они вышли на Чартак и сели в поезд или пошли пешком через Унхаят, Машхад, а оттуда дорога ведет прямо в Наманган. Вы были когда-нибудь в Намангане? В этом большом городе слон может затеряться среди тысячной толпы, не то что двое беглецов...

Чайханщик говорил так убедительно, к тому же Тулягану очень хотелось в это верить, и он закричал:

— Да, да, аксакал, вы правы. Она жива. Она в Намангане. Больше они никуда не могли уйти!

Теперь Туляган готов был согласиться, что Латофат допустила малодушие: голод, трудности и уход за ним, больным мужем,— все это надоело ей, и она ушла с Тургунбаем... А как же дочь? Нет, она не могла добровольно бросить Халнису. Тургунбай увел ее насильно, в этом нет сомнения.

Туляган хотел сейчас же, несмотря на поздний час, ехать в Наманган, но чайханщик отговорил его. Всю ночь они провели за беседой, а едва забрезжил рассвет, Туляган посадил Халнису за спину и попрощался с гостеприимным чайханщиком.

В Намангане он первым делом пошел в милицию.

Там его обо всем расспросили, все записали и сказали: «Будем искать беглянку».

Туляган не мог сидеть сложа руки. Он ходил по кварталам, по чайханам, рассказывал, пытался объяснить. Познакомился он со многими, кто приехал из Казани, Самарканда, Коканда,— все ему сочувствовали, но никто не мог помочь.

Каждый день приходил он в милицию, дожидался своей очереди, чтобы в очередной раз выслушать обнадеживающие слова начальника. Да, надеждами можно жить, но долго ли?

Снова Тулягана стали посещать сомнения, а порой и отчаяние. Как быть дальше? В кармане уже ни гроша, деньги, которые он привез с собой из совхоза, давно кончились.

В чайхане, возле бани Хаджама, где он ночевал с Халнисой, чайханщик посоветовал ему работать грузчиком на базаре Чорсу. Халниса ни за что не хочет сидеть одна в чайхане, просится с папой на базар.

Если Туляган сидит без дела, Халниса рядом с ним, а когда его просят отнести кому-нибудь в дом связку дров, девочка остается или со старухой, торгующей джидой, или с погонщиком верблюдов.

Снег уже стал таять, по улочкам Намангана трудно ходить без деревянных кавушей — грязь по щиколотку. Отнесет Туляган дрова и бежит назад на базар, купив по дороге для Халнисы карамельку в цветной обертке.

Как-то в небазарный день, после пятницы, Туляган с утра бродил без дела, и не было никого, кто бы его нанял. Так ходил он в поисках работы от дровяного ряда к хлебному и обратно. И только к вечеру одна швея, торгующая тюбетейками, попросила Тулягана отнести к ней домой связку гузапаи.

Истощенный и обессиленный Туляган не смог поднять всю связку и решил разделить ее, чтобы унести за два раза. Попросив сторожа присмотреть за Халнисой, он взвалил на себя гузапаю и пошел за швеей к ее дому.

А когда вернулся на базар за второй связкой, начало темнеть. Туляган стал думать: не взять ли с собой дочь, но потом решил, что лучше ей остаться на базаре. Дорога, которая вела через Каменный мост вдоль речки

к дому швеи, была очень грязной, а у Халнисы на ногах обувь худая, дырявая, чего доброго простудится и сляжет.

— Ты посиди вот тут, на этом камне у входа, я скоро вернусь,— сказал он Халнисе.— Не бойся, дядя сторож будет за тобой присматривать.

Выйдя из ворот, Туляган оглянулся и посмотрел на дочь, которая печально глядела ему вслед. У Тулягана защемило сердце от дурного предчувствия, но он успокоил себя: чего же ей бояться, девочка ко всему привыкла...

Туляган так торопился, что не заметил, как очутился у дома швеи, и когда, зайдя во двор, сбросил с себя связку гузапан, почувствовал сильную усталость.

Из кухни доносился запах жареного лука, и Тулягана стошнило от голода. Он прошептал:

— Угостила бы, хозяйка, пиалой чая, вся усталость прошла бы.

— Войдите,— услышал он женский голос.

Швея вышла из кухни и пригласила его в дом. Была она теперь в цветастом шелковом платье и выглядела очень привлекательной, не такой усталой и измученной, как на базаре.

Туляган засмутился: неудобно любоваться чужой женой — и, стряхивая пыль с одежды, направился к дому. Все то время, пока он проходил длинный двор, швея, не отрывая глаз, смотрела на него, а у самого порога снова, но уже более мягким голосом, пригласила в дом.

Туляган помнил про Халнису, но из-за своей дурацкой робости не смог отказать женщине, да и запах плода, идущий с кухни, был одуряюще аппетитным.

— Только одну пиалу чая,— пробормотал Туляган и, войдя в комнату, остановился удивленный. Чего только не было на дастархане: и кунжутная халва, и миндаль, и разные варенья — сто одно яство, вкус многих из которых Туляган уже давно забыл.

Хозяйка вела себя очень просто и задушевно, как будто была давно знакома с Туляганом. Она протянула гостю пиалу душистого чая, предлагала ему халву, варенье. И Туляган, не зная, как вести себя с ней, о чем говорить, пил большими глотками, торопясь, не решаясь прикоснуться к сладостям.

«Как бы унести немного свежей лепешки Халнисе?» — подумал Туляган и уже решил встать.

— У вас чудесная дочка... А где ее мама? — осторожно спросила швея.

Туляган тяжело вздохнул и в двух словах рассказал швее о своих злоключениях.

— Если она жива, пусть бог пошлет ей долгую жизнь, а если мертва — вечную веру, — прочитала молитву сердобольная хозяйка. И слово за слово поведала о своей не менее трудной жизни. Овдовела она, оказывается, еще молодой. Муж, ювелир, умер от тифа.

— Вот и живу я с тех пор тем, что вышиваю тюбетейки. Иначе... — проговорила хозяйка, но заметив на лице Тулягана беспокойство, встала, чтобы принести плов.

Туляган положил в рот пригоршню плова и вспомнил о Латофат. В последний раз она готовила плов прошлым летом и вот с тех пор...

Туляган ужаснулся, взглянув в окно: уже совсем стемнело.

— Да, вижу, еда вам в горло не лезет, — заметила его тревогу швея. — Почему вы не привели с собой девочку?

Туляган не стал ничего ей объяснять, поблагодарил и заторопился к выходу. Хозяйка положила на лепешку немного плова для Халнисы и, проводив гостя к воротам, сказала:

— Если вам негде ночевать, приходите сюда с дочерью.

Туляган ничего не видел и не слышал. Одна только мысль гнала его: скорее, скорее к Халнисе. Но не успел он выйти из переулка, как увидел, что путь ему преградила арба, одно колесо которой увязло глубоко в грязи.

Туляган хотел было обойти арбу, но арбакеш бросился к нему за помощью:

— Умоляю вас, брат, помогите. Один совсем измучился.

Да, вид у арбакеша был действительно плачевный. Весь заляпанный грязью, он еле стоял на ногах от усталости. И кляча его, совсем чахлая, никак не может собраться с силами, чтобы вылезти из грязи.

Тулягану и арбакешу пришлось напрячь все силы, чтобы кое-как вывести арбу на дорогу. Арбакеш еще

долго кричал ему вслед слова благодарности, но Туляган ничего не слышал — он мчался на базар к Халнисе.

Как она там? Не испугалась ли чего-нибудь? Мысли Тулягана были в эту минуту мрачнее вот этой речки, мимо которой он бежал, ругая себя: жадность обуяла, не надо было задерживаться у швеи...

Лишь одна-единственная мысль, что несет он в узелке плов для Халнисы, утешала его. Она поест, его дочь, и успокоится, забудет все страхи и обиды.

Эх, если бы была рядом Латофат, разве скитались бы они вот так, отец и маленькое дитя?

«У женщины этой, оказывается, добрая душа... — подумал Туляган про швею. — Так же сочувствует чужому горю, как Латофат».

Туляган тревожно посмотрел на противоположный крутой берег реки с промоиной, образовавшейся от весеннего половодья. Сквозь ветки съезжившегося от холода дерева виднелось зарево угасающего заката.

Вроде кто-то плачет... Остановился, прислушался. Нет, показалось, просто вода журчит в речке.

Туляган побежал что есть силы и возле Каменного моста увидел людей, идущих с ношами.

— Базар только только закрывают, успею, — успокоил он себя.

Добравшись до Чорсу, он увидел детей на площади и поискал среди них взглядом Халнису. Дети разглядывали аиста, который, видимо, от старости не смог улететь и остался зимовать на минарете полуразрушенной медресе.

— У аиста этого только одна нога, — услышал он, как сказал кто-то из детей, а сам подумал: «Мне говорили, что сам шах Машраб учился в этой медресе».

По привычке остановился он, чтобы прочитать молитву в честь славного поэта, а потом пошел и подумал: «Да, кто только не жил в этом бренном мире». Но тут же забыл про медресе, потому что вспомнил, что завтра должен пойти опять в милицию. Если и на этот раз о Латофат не будет никаких известий, надо ехать обратно. Может, Латофат уже вернулась в совхоз и ждет их?

Не успел Туляган переступить через порог базара, как окликнул дочь, но ответа не услышал — тишина и полу-

мрак. Посмотрел по сторонам: не видно и сторожа, который обычно сидит в это время с колотушкой.

Может, уснула? Туляган обошел ларек возле дровяного базара. Вот здесь, под низкорослой шелковицей, и сидела Халниса. Да, да, именно на этом месте...

Он подбежал к шелковице и, не веря своим глазам, стал ошупывать ее ствол. Неподдалеку бегала целая свора собак, наверное, они и напугали Халнису. И она прячется...

Туляган стал кричать, звать дочь, сначала тихо, потом громче и громче. Он в отчаянии метался меж торговых рядов, заглядывая под лавки.

На крик появился сторож, спросил:

— Ты кто такой?

— Моя дочь... Вы ее не видели?

— У меня дел по горло, не могу я за всеми уследить. Что делать твоей дочери в такое время на базаре? — боясь приблизиться к Тулягану, спросил сторож.

Туляган, волнуясь, объяснил в двух словах. Сторож вышел из-за темного торгового ряда и, закутываясь в тулуп, посмотрел вокруг, потом сказал, поглаживая усы и бороду:

— Да, ты прав, наверное, испугалась собак и убежала.

Туляган выбежал на улицу, крикнул еще пару раз Халнису, но силы оставили его, и он чуть не упал. Еле-еле добрался он до чайханы в конце улицы, и какой-то парень, сидевший у окна, сказал:

— Кажется, я видел ее у ворот базара...

— В красном плюшевом пальто?

Парень кивнул.

— Роста вот такого? — показал Туляган.

— Да, — сказал парень. — Но больше я ничего не знаю.

— А куда она ушла, братишка? Будь добр, вспомни, умоляю.

— Больше я ничего не знаю, — повторил парень...

Туляган снова помчался к базару. Остановился, стал вспоминать те места, где они бывали с Халнисой. И решил, что она непременно ждет его в чайхане возле бани Хаджама, — там они ночевали.

Но — увы! — надежда Тулягана не оправдалась, на его вопрос чайханщик только недоуменно пожал плеча-

ми. Сам того не замечая, Туляган опять припелся на базар, и сторож, видя его горе, решил на сей раз успокоить Тулягана:

— Не переживайте, я думаю, что какой-нибудь добрый человек отвел вашу дочь к себе домой. Утром он обязательно приведет ее обратно.— Слова сторожа лишь на минуту успокоили Тулягана, затем он опять заволновался, да так сильно, что сторожу пришлось сказать:

— Прошу вас, переночуйте у меня на базаре. Утром мы вместе начнем поиски.

Но Туляган не мог больше оставаться здесь и на улице обратился к какому-то военному:

— Товарищ,— смешивая русские и узбекские слова, сказал Туляган,— вы не встречали.. вот такая маленькая.

Военный внимательно посмотрел на него, затем с сожалением покачал головой и посоветовал:

— Ступай в милицию.— И показал рукой куда-то.— Там помогут.

Туляган плохо разобрал его слова, ему показалось, что военный говорит, что Халниса сидит в милиции, а может быть, Тулягану так хотелось думать.

Словом, он помчался в милицию, в то самое заведение, где был уже неоднократно,— через темные торговые ряды базара, через темные переулки...

В милиции у телефонного аппарата на стене стоял дежурный, и Туляган, снова путая русские и узбекские слова, обратился к нему с длинным объяснением.

Милиционер внимательно выслушал его, но, видно, мало что понял и сказал на чистом узбекском языке:

— Успокойтесь, гражданин, и расскажите все по порядку.

— Простите, братец, я совсем с ума сошел, думал, что вы не узбек.— И стал снова рассказывать, делая большие паузы, потому что задыхался от волнения.

Дежурный все записал и пообещал:

— Пойщем, приложим все усилия.

— Да будет тебе счастье в жизни, братец...

Но Туляган не уходил — просто он не знал, что делать дальше. Тем временем послышался в коридоре топот ног, а потом в приемную вошла группа чумазных беспризорных детей в лохмотьях — сопровождали их два милиционера.

— Посмотрите,— обратился дежурный к Тулягану,— нет ли среди них?

Туляган жадно всматривался каждому ребенку в лицо, брал девочек за руку и подводил к окну, чтобы разглядеть хорошенько на свету.

— Нет,— печально заключил он,— все они самарские...

Дежурный устало улыбнулся:

— Да, есть среди них и самарские.

Пока они разговаривали, дети голодными глазами смотрели на узелок у него в руке, видно, интуитивно чувствуя, что там еда.

У Тулягана защемило сердце. Наверное, и у них есть родители? Наверное, и они разыскивают их? А Халниса... если она найдется — да поможет аллах! — то Туляган как-нибудь прокормит ее — мир не без добрых людей.

Туляган положил узелок на подоконник и развязал. Почувяв запах плова, дети, как галчата, окружили его и открыли рты. Туляган взял щепотку плова и положил девочке на язычок. Та пожевала-пожевала и прошептала: «Как вкусно!»

Туляган молча кормил детей, а дежурный, добро улыбаясь, наблюдал за ним, время от времени делая какие-то пометки в тетради.

Потом Туляган поделил всем поровну лепешку, а сам тихо вышел на улицу.

Он шел, спотыкаясь, по темной улице и все шептал имя Халнисы, как молитву, и за ночь обошел почти все кварталы города и еще два раза заходил узнавать в милицию. А рано утром был уже на базаре, где встал под той самой шелковицей. Много раз ему казалось, что он слышит топот ножек Халнисы, и вот-вот, еще одно мгновение — и она бросится к нему в объятия.

Но это проскрипела мимо арба, груженная доверху гузапаей, затем прошагали два верблюда, а за ними стали появляться и торговцы-галантерейщики, женщины-швеи...

Вот пришла и та швея, которая вчера угощала его пловом, и, узнав про горе Тулягана, не отходила от него ни на шаг, сочувствуя ему.

Вскоре весь базар уже знал о Халнисе, и люди обсуждали между собой, говоря:

— Наверное, ее увел какой-нибудь бездетный человек.

— Хорошо, если ее увела женщина. Умоет, бедняжку, причешет, накормит... Какой ей прок от этого одинокого отца? Потерял и жену и ребенка.

— За что же аллах покарал несчастного, за какие грехи? Вот так всегда: за одной бедой тянется другая...

Целый день Туляган слышал эти разговоры, предположения и домыслы, и на душе становилось все тяжелее.

Но вот базар снова опустел, и сторож, как обычно, принялся подметать хлебные ряды. Вот и собаки опять снуют взад-вперед, те, что напугали Халнису.

Туляган в сердцах крикнул на них, затем пошарил по земле, ища камень. Собаки не обратили внимания на одинокого человека, продолжали с рычанием бегать по базару.

«Теперь только один бог сможет помочь мне», — подумал Туляган и устремил взгляд в небо, ожидая чуда. Но нет, чудо не свершилось. Все вокруг: и деревья, и ворота немые и глухи.

На сей раз в милиции его встретил другой дежурный, знакомый, с которым он говорил еще о Латофат. Не успел Туляган и рта раскрыть, как дежурный сказал:

— Пока ничего не известно. — И рассказал, что девочку искали всюду: и в детских домах и на базарах...

И, видя, что Туляган молча уходит, дежурный еще раз решил обнадежить его, сказав:

— Найдется. Справляйтесь время от времени.

Туляган вышел в коридор, и тут у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он хотел прислониться к стене, не удержался и упал. Он ощутил щекой холодный пол, потом его тело словно омертвело, и наступила странная тишина.

...И вдруг померещилась Тулягану степь, без края и конца, иссохшая и потресканная, голая степь. Туляган лежит на холме, а внизу идет женщина с покрывалом на голове. Очень знакомая походка... Кто же это может быть?

Туляган бежит вниз, и ноги его едва касаются земли.

— Эй, эй, остановитесь! — кричит он, но женщина не слышит, идет. — Латофат!

Да, да. Это Латофат. Но почему она не останавливается? Неужели прокляла за то, что Туляган потерял Халнису?

— Вот благо, нашел вас,— шепчет Туляган,— даст бог, найдем и Халнису... Ну, остановитесь же. Это я — Туляган...

Но Латофат не оборачивается, и тогда Туляган, догнав ее, хватает за руку. И вдруг покрывало сползает к его ногам, и он видит, что внутри простыни пусто — женщины нет, улетучилась. Тулягана охватил ужас, и он закричал...

И тут кто-то, кажется, похлопал его по щеке и ушипнул за нос. Туляган открыл глаза — кругом темнота, и только сквозь щель в двери пробивается слабая полоска света.

Туляган понял, что лежит на полу. Попробовал было перевернуться, но не смог, тело не слушалось. И голова тяжелая, и в висках словно кто-то сверлит.

Сделал усилие и посмотрел направо: лежат, как и он, какие-то люди, или это не люди, не поймет, может, какие-то загадочные существа. Посмотрел налево: та же самая картина. Какое-то лохматое существо впилося в него глазами. Туляган тоже не сводит с него глаз. А губы тяжелые, соленые, попробовал было облизнуть их и почувствовал вкус крови.

Хотел кого-нибудь позвать, но не мог — так сильно ныло все тело и даже нос так болел, будто кто-то прижег его.

— Кровь,— прошептал он.

И тогда открылась дверь, и вошли двое, неся носилки. Лохматое существо, которое не сводило с него глаз, исчезло, и Туляган понял, что это было.

— Крыса,— сказал Туляган вошедшим.

Ему показалось, что вошедшие вскрикнули и уронили носилки. Глаза Тулягана закрылись сами, и ему почудилось, что нора в стене, куда шмыгнула крыса, выросла до размеров пещеры.

Но картина эта исчезла, когда возле Тулягана послышались голоса и какие-то люди стали переворачивать его то на бок, то на живот.

Вскоре Тулягана уложили на носилки и понесли. Яркий свет ударил в глаза с такой силой, что Туляган чуть не ослеп.

Потом он почувствовал прикосновение воды к телу и понял, что его стали купать.

И вот перед ним молодой человек в белом, взял Тулягана за руку и молчит. Что он хочет? Почему не отпускает руку?

Потолок, на который смотрел Туляган, был совершенно белый, такими же белыми были и стены, и еще Туляган увидел койки и людей, лежащих на них. Худые, истощенные люди.

«Куда же я попал? — все не понимал Туляган. — Если в ад, то зря меня пугали адом, здесь так чисто и тихо...» И снова потерял сознание...

Глава IX

— Все было как в дурном сне, — прошептал старик.

— Что? — Кабилджан, удивленный, опустил поднятый над головой топор.

— Да я говорю о болезни, — с неохотой проговорил Туляган, складывая дрова.

— Не понимаю, о какой болезни вы говорите, отец?

— Тиф... так, кажется, называется эта хворь.

— Помилуй боже! — Кабилджан с напускным сочувствием посмотрел на старика.

— Да, бог миловал. Вернулся, заглянув на тот свет.

— Ну, и как там?

— Оказывается, там уйма крыс...

— Выходит, что тот свет не отличается от нашего.

— Не валяйте дурака, молодой человек, — нахмурился старик.

— Да я же о крысах говорю, отец. Как будто вы не знаете, что на этом свете есть такие крысы, что им даже несгораемые шкафы нипочем. Прогрызут — раз плюнуть!

— Странные мысли у теперешней молодежи, — ворчал старик и отвернулся от собеседника. — Не поймешь, что у них длиннее: ум или язык? Такие замысловатые речи говорят, что не сразу разберешь.

— Не смущайтесь, отец, — услышался Тулягану вдруг голос Чулпанай. — Парень этот всегда говорит так замысловато.

Старик вздрогнул и оглянулся — во двор входили Чулпанай и Алиев.

— Хорманглар, не уставайте!

— Спасибо, спасибо...

Кабилджан тут же вскочил и подобострастно поклонился, прижав руку к груди.

— Не изнурили ли вы работой моего папу? — спросила Чулпанай, проходя мимо него.

— Да что вы! Ваш отец заменит пятерых таких, как я!

— Смотрите, еще сглазьте своими восторгами моего папу, тогда кто вам будет помогать? — шутливо ответила Чулпанай.

— У нас есть одно растение — исирык¹. Надо им сейчас весь дом обкурить против дурного глаза, — подержал шутку жены Алиев.

«Сегодня молодые, кажется, в хорошем настроении», — отметил про себя старик. Но увидев, как из дома вышла работница, неся дымящийся совок с тем самым растением, о котором только что говорил зять, растерялся, не зная, в шутку это или всерьез.

Чулпанай же, недолго думая, взяла у нее совок и, улыбаясь, подошла к отцу. И не успел старик ничего сказать, как дочь сняла с него тубетейку и помахала совком вокруг его головы. То же самое она проделала и с Алиевым и с Кабилджаном.

Действия дочери показались отцу странными и неуместными. Когда-то, очень давно, и Латофат окуривала землянку или дымила исирыком над изголовьем захворавшей Халниси. А эти? Они ведь оба ученые. Неужели тоже суеверные? Словом, не понял Туляган — в шутку это сделала Чулпанай или со смыслом?

Вскоре Чулпанай окликнула отца:

— Идемте, папа, кушать. — Была она уже на айване, возле дастархана.

Кабилджан, как услышал, сразу прекратил работу — проголодался, бедняга. А Туляган совсем не хотел есть, но отказываться неудобно, подумают — гость чем-то недоволен.

— Давайте, отец, давайте, не то манты остынут, — поторапливал его Кабилджан.

¹ *Исирык* — местная трава, применяемая в народной медицине.

В самом деле, на дастархан подали большое блюдо манты. И старик Туляган улыбнулся, увидев, с какой жадностью смотрит на них Кабилджан: «Я думал, у него только шея длинная. А оказывается, и нос чует за километр, пронюхал о манты».

Чулпанай поела лишь немного — боится поправиться, да и Алиев тоже не любитель долго сидеть за столом, вскоре встал и вытер руки.

— Оказывается, ученые люди едят самую малость,— сказал старик, обращаясь к Кабилджану. У того же и рот, и руки были заняты, так что вместо ответа он лишь кивнул головой. Но неожиданно Кабилджан перестал есть и на вопросительный взгляд старика ответил:

— Ждут меня друзья — активисты махалли. Совсем забыл...

— Значит, еще где-то намечается угощение?

— Да, небольшая пирушка перед свадьбой...— Вдруг Кабилджан наклонился к старику и прошептал ему на ухо: — Вся надежда на вас, отец...

Старик не понял, пожал плечами:

— Прошу вас, чуть понятнее...

— Одно ваше слово — и...— снова прошептал Кабилджан.

— Да что с вами? — проворчал старик сердясь.

— Прикажите ей как отец. Скажите: помогите этому бедному парню поступить в институт. Ну, прошу вас, отец, очень прошу.— Кабилджан схватил старика за руку, но, увидев Алиева, который вышел к ним с чайником, сразу прервал разговор. Встал и, кланяясь, попятился к выходу.— До свидания, отец. До свидания, Султан Алиевич... Спокойной ночи, отец,— еще раз многозначительно обратился Кабилджан к старику, как бы говоря ему: не забудьте о моей просьбе.

Туляган машинально пошел за ним к воротам, а когда Кабилджан ушел, остановился в задумчивости возле того места, где еще недавно возвышалась орешина. И тут до его слуха донесся веселый смех из соседнего двора, смех женский, а вслед за ним и мужской.

Смех этот был такой заразительный, что Туляган невольно заулыбался, думая: видно, дружно живет эта семья, где есть смех, там нет места печали.

— Прошу вас, отец, ко мне,— пригласил его Алиев.

Старик чуть поежился: никак не может привыкнуть,

что зять зовет его «отцом», а привыкнуть уже пора, пора...

Алиев сидел на пне, наливая в пиалу зеленый чай. Старик опустил рядом и заметил, с какой приветливостью и доброжелательностью смотрит на него зять.

— Спасибо вам за работу. Простите, что впрягли вас в это дело. Без вас мы бы совсем...

— Да не стоит об этом говорить. Мы ведь не чужие,— перебил его старик, потому что, увидев седину в волосах зятя, снова помрачнел. «Проклятый характер,— тут же отругал себя Туляган.— Человек ко мне с искренней душой, а я все сижу и подмечаю его недостатки. Как будто сам святой».

И тут, чтобы хоть как-то отогнать от себя злость, спросил Алиева:

— А эти, что за забором, муж и жена, тоже дружны?

Алиев сделал вид, будто не расслышал вопроса, спросил:

— Вы, наверное, подумали, что мы смеемся над вами, когда Чулпанай окуривала вас исирыком?

Вопрос был несколько неожиданным, и старик Туляган не знал, что ответить. Алиев, видя его смущение, решил больше не допытывать его этим вопросом, а сказал:

— Весной сорок третьего года, когда я вернулся еле живой, на костылях, мама покойница первое, что сделала,— зажгла исирык. Я, признаться, смеялся над ее предрассудками: кто меня сглазит — хромого, полуживого?

— Ранило вас на войне? — заинтересовался старик.

Алиев, как бы не желая вспоминать больше о том горьком времени, нехотя кивнул.

— Вы, наверное, подумали: ученые люди, а верят в злых духов и привидения? Нет, просто исирык очень полезное растение. И в старину об этом знали, а дом, где лежал больной, непременно окуривали этим растением. И знаете, помогало от многих хворей! Несколько лет назад я поручил одному из своих учеников исследовать химический состав исирыка. И теперь научно доказано, что те вещества, которые содержатся в этом растении, уничтожают микробы дизентерии, брюшного тифа и даже такой страшной болезни, как холера... Сей-

час в городе эпидемия гриппа, и многие предохраняют себя, окуривая исирыком. Чулпанай наша — самый крупный исирыковед в республике! — неожиданно перевел Алиев разговор в шутивную форму. — Вот увидите, когда она изучит вопрос, как выращивать исирык на промышленной основе, Чулпанай станет крупным ученым.

— Правда? — У старика приятно защемило сердце.

— Поклонение всему старому — это, конечно, невежество, но и полное отрицание старого опыта народа — это тоже своего рода невежество. Вы, конечно, слышали про Авиценну?

— Конечно, конечно, — не желая упасть лицом в грязь, сказал старик. — Это искусный врач, у Саидасра есть его книга. Я, правда, не читал, но...

— Вы правы, — Алиев одобрительно кивнул. — И вот этот великий исцелитель описал множество полезных для здоровья трав. Сам экспериментировал, у знатоков народной медицины учился, у простых стариков и старушек. Сейчас мы продолжаем дело Авиценны, но раскрываем тайны природы при помощи науки... Было время, когда мы высокомерно, пренебрежительно относились к народной медицине, говорили, что это шарлатанство чистой воды. И многое упустили. Те табибы, которые изучали вековой народный опыт, умерли, так и не сумев никому передать свое драгоценное наследство. И вот теперь нам, ученым, приходится многое делать заново, многое восстанавливать из потерянного... У одного племени Южной Америки существовала такая традиция: череп умершего погружали в отвар какой-то травы, и череп становился крошечным, удобным для хранения. Этой травой заинтересовались врачи в Соединенных Штатах Америки — они предположили, что раз растение способно уменьшать размеры черепа, значит, оно может уничтожать и раковые опухоли головы. Один из ученых врачей лет десять прожил среди этого племени, но так и не разгадал секрета. Никто не хотел посвящать его в тайну чудодейственного растения.

— Да неужели есть трава, которая может вылечить такую заразу, как рак? — засомневался Туляган.

— Нашли же когда-то хинное дерево, которое спасло миллионы людей от малярии. А анчар! Или наш го-

рицвет туркестанский. Ведь лечат же ими опасные болезни сердца и сосудов. Так почему же, спрашивается, нельзя найти такое растение, которое избавит человечество от рака? Природа разумна, на каждый свой яд она имеет противоядие. Я верю, что будет найдено природное средство от рака.

— А вы пробовали его искать? — осторожно полюбопытствовал старик.

Зять промолчал, не зная, что ответить, а Туляган смутился, подумав, что Алиев принял его вопрос как упрек.

Алиев же просто не знал, как пересказать старику все, что накипело на душе. Вот уже десять лет у него одна дорога — из дому на работу, с работы — домой. На работе всякие заседания, симпозиумы в Москве, в Ленинграде или где-нибудь еще за рубежом. Занят лишь тем, что готовит доклады, пишет документы, кого-то провожает, кого-то торжественно встречает, — где уж тут до настоящей творческой работы?! А дома и того не слаще, приходится выполнять любые прихоти молодой жены — театры, гости, банкеты. Сытая жизнь пошла, а от нее не только тело покрылось жиром, но и ум в длительной спячке...

Руки Алиева невольно потянулись к вискам, и, сжав их, он словно хотел разом избавиться от неприятных мыслей. Что же привело его к такой жизни? Слабоволие? Но ведь раньше, даже когда он был на костылях, он с мешком за спиной уходил в пустыню искать целебные травы. Еще война шла, людей было мало, и Алиев один работал и за химика, и за ботаника.

Алиев сидел грустный, вспоминая то далекое время, и перед его глазами вдруг раскинулось огромное пшеничное поле и шалаш, в котором, скрываясь от солнца, спали девушки.

— Пробовал искать, — наконец проговорил Алиев. — Слышал я от людей, что в горах есть трава, которая растет только ночью, а утром, едва на нее падает солнечный луч, — тут же увядает. Говорили, что она исцеляет от рака. Я долго искал эту траву, но вместо нее нашел более диковинную...

— Вы сказали: диковинную? — переспросил Туляган, исподлобья глядя на зятя.

— Верите ли вы, что нечистая сила напускает на че-

ловека падучую болезнь? — вопросом на вопрос ответил Алиев.

— Как знать...

— Я вот тоже не верил. Но когда однажды своими глазами видел, как девушки спали трое суток беспробудным сном и ничто не могло привести их в чувство, я заколебался. Был я как-то в окрестностях Келеса и увидел там шалаш жнецов. Солнце в зените, пить хочется. Знал я, что жнецы хранят воду в больших глиняных кувшинах, в которых вода даже в дикую жару всегда ледяная... Заглянул я в шалаш и вижу: восемь или десять девушек лежат, вытянувшись, и спят. Мне это показалось несколько странным, потому что позы у них были какие-то неестественные. Но особенно удивил меня старец, который сидел в шалаше на корточках с закрытыми глазами и громко причитал. То, что говорил старец, не было похоже на слова молитвы. Я слушал и ничего не понимал, а потом увидел, как старец взял плеть и стал хлестать спавшую рядом девушку. Я стоял пораженный, не понимая, что творится, а девушка никак не реагировала на его удары. Но тут в шалаш вошел человек и, еле слышно ответив на мое приветствие, поманил меня из шалаша. Я пошел за ним к стогу пшеницы, где отдыхали старухи и старики, и сел рядом со жнецами. А когда я выпил пиалу чая, человек, который привел меня сюда — звали его Магруф, он руководил жатвой, — пояснил то, что было для меня непонятно в шалаше... В войну, как вы знаете, все полевые работы выполняли одни лишь женщины да старики, умеющие держать в руках серп. Во время жатвы, в полдень, одна из девушек вдруг стала беспричинно смеяться и в беспокорстве метаться взад-вперед. Магруф пытался понять причину ее столь странного поведения, но ничего вразумительного от нее не услышал и только заметил, как ненормально бегают ее глаза. Подумав, что она засолела, Магруф приказал уложить девушку в шалаше и никому к ней не прикасаться. А утром следующего дня столь необычное поведение он заметил еще у троих девушек. Их он тоже отправил в шалаш и увидел, что они, устав от хохота, уснули беспробудно и проспали весь день и всю ночь. Один пастух, узнав об этом, сказал, что в девушек вселился бес и что в их ауле есть человек, который изгоняет нечистую силу. Старец, хлест-

тавший девушек в шалаше, и оказался тем самым исцелителем.

Что мне оставалось делать? Если я скажу Магруфу, что все, что делает старец,— чепуха, он спросит, какой тогда выход укажу я, ученый человек?

Но вот из шалаша, обливаясь потом, вышел старец и сказал: «Земля эта проклята; тех, кто работает на ней, постигает несчастье, как этих девушек». Сказал это тоном, не терпящим возражения, и ушел.

Все, сидящие на стоге, приуныли, а несколько женщин заголосили от страха.

Работа уже, естественно, не спорилась, но к вечеру все облегченно вздохнули, когда увидели, что одна из девушек пришла в себя. Жнецы стали благословлять старца, приписывая это чудо его искусству исцеления, и стали ждать, что и другие девушки проснутся.

Но прошли ночь и день, а девушки не подавали признаков жизни, и тогда я посоветовал Магруфу незамедлительно отправить девушек в больницу. Я был уверен, что их сразила какая-то опасная болезнь, которую бессмысленно лечить заклинаниями старца и ударами его плетки.

Немедленно я выехал в Ташкент и добился приема у министра здравоохранения. Министр тут же созвал врачей и приказал принять срочные меры, дабы предотвратить распространение эпидемии.

Всех девушек, в том числе и ту, которая пришла в себя, поместили в столичную больницу на обследование.

Случай с девушками сильно взволновал меня, и на следующий день я снова пришел в больницу, где собрались авторитетнейшие врачи.

Были разные мнения. Одни считали, что девушек сразил солнечный удар, другие — болезнь, еще неизвестная науке.

Так ничего путного не добившись, я снова вернулся в Келес и увидел, что люди, охваченные паникой, прекратили жатву, боясь приблизиться к злополучному полю.

Бедный Магруф, сам достаточно перепуганный, все же уговаривал людей вернуться в поле, ибо не сегодня-завтра солнце могло окончательно выжечь посевы.

После его долгих уговоров жнецы снова принялись за косовицу, и я спросил Магруфа, были ли еще случаи

заболевания? Он вздохнул и сказал, что бог пока милывал.

Я тоже косил со всеми и обратил внимание вот на что: в поле работали лишь одни старушки и старики, и никто из них не заболел. В чем же дело? Почему именно молодые девушки заболели столь странной болезнью, а старых людей она щадит?

Я поделился своими мыслями с Магруфом, но он, бедвяга, почти ничего не соображал от испуга.

Тогда я решил хорошенько осмотреть поле — почва тут дернистая, давно не засеваемая и хорошо удобренная скотом. Пшеница уродилась на славу. Побродил я немного и чувствую, что голова кружится от аромата. Не пойму: запах красной розы или джиды... Нет, кажется, это аромат анаши.

Вскоре я увидел, что у меня под ногами стелется трава с мелкими листьями, вся в цвету. Вот, оказывается, откуда идет этот одурманивающий запах. Не эта ли трава опьянила девушек?

Нарвал я тогда в сумку этой травы, похожей на олеандр, заперся у себя в лаборатории и начал опыты. И оказалось, что трава эта содержит в себе вещество, сильно действующее на нервную систему.

Алиев сделал паузу, и старик Туляган, воспользовавшись ею, спросил:

— Так вы сказали, что трава отравляет только девушек?

Алиев усмехнулся про себя и подумал: «Похоже, что и старик суеверен, сомневается...»

— Девушкам-жницам было тогда лет по четырнадцать-пятнадцать, а это пора созревания, когда в организме происходят резкие изменения... И я понял, что ядовитый запах этой травы, безвредный для окрепшего организма взрослых, смог так губительно подействовать на нервную систему девушек... Еще до войны, когда я много путешествовал по горам и кишлакам, встретился мне один таиб, который любил повторять: «Есть травы — друзья, но есть и злейшие враги»,

Прав был таиб, трава эта оказалась врагом... Многие люди, отец, смотрят на травы как на нечто простое и бесхитростное, а они — детище природы, имеют свой язык и свои тайны. Многие поколения ломали и будут ломать головы, чтобы разгадать великую тайну природы. И вы,

отец, должны быть горды, Чулпанай разгадала тайну исирыка,— сказал Алиев и мельком взглянул в сторону дома, желая узнать, подслушивает ли их разговор жена.

Старик кашлянул в кулак, и неожиданно с языка его сорвался довольно нетактичный вопрос:

— А первая ваша жена, какие она тайны раскрыла?

Хотя вопрос этот и был в данном разговоре неуместным, он все же давно волновал Тулягана. С того дня, как он появился в доме дочери, он наблюдал за зятем, стараясь понять, почему он женился на его дочери. И не мог.

— Ну... мать парня... внука моего?— пробормотал старик, стараясь хоть как-то смягчить свой вопрос.

Для Алиева слова тестя не явились полной неожиданностью, он ждал, что рано или поздно состоится объяснение. И хотя зять был уже давно готов к этому не очень приятному разговору, он все равно смутился.

Алиев не знал, с чего начать. Ему хотелось просто сказать: «Да, я на двадцать лет старше вашей дочери, но, поверьте мне, я не ловелас, не соблазнитель!»— но посчитал, что такое объяснение будет не очень убедительным — старик слишком долго копил на него злость.

Алиев снял очки, как будто они мешали ему говорить, и тихо сказал:

— Она была не ботаником, а учительницей... Но работать с детьми ей так и не пришлось. Поженились мы, когда она окончила училище. Я приехал из Москвы в отпуск и увез ее с собой. Вскоре появился ребенок, и она погрязла в домашних делах... Как-то я поехал в командировку в Казахстан, и там меня застала весть о начале войны. Когда я добрался до Москвы, жены моей уже не было — эвакуировали в Ташкент. А на следующий день меня мобилизовали на фронт. С тех пор я потерял связь с семьей. И только в начале сорок третьего, когда я лежал в госпитале, пришло письмо от матери. Она много и подробно писала о своем нелегком житье-бытье, но ни слова о снохе и внуке. После этого письма я не находил себе места. Когда вернулся домой на костылях, встретила меня одна лишь мать. Еще в госпитале я подумал, что, наверное, свекровь и невестка не поладили между собой и просто переругались. Но нет, оказывается, уже больше года, как жена ушла из дома...— Алиев достал

сигарету и нервно закурил. Старик, как бы за компанию, тоже бросил под язык щепотку наса.

— Нет, я не хочу ее обвинять! Не по-мужски это — обвинять в чем-то женщину, которую когда-то любил. Я старался ее понять. Война... трудные годы. Грудной ребенок на руках и старая мать на попечении. И с работой, видимо, ничего не вышло. Вот и пришлось ей продавать всякое старье, а там, на толкучке, она и встретила своего будущего мужа... Когда я демобилизовался по ранению и вернулся в Ташкент, она ждала ребенка от своего нового мужа... Поверите ли, я очень жалел, что не был убит в бою. А в махалле, знаете, разные разговоры начались, и я не в силах был никого видеть и слышать. Стал проситься в командировки и неделями, месяцами пропадал в степях и горах. Решил всего себя отдать работе, чтобы не сойти с ума... И только Чулпанай смогла вернуть меня к нормальной жизни. И теперь я не сетую на свою судьбу, не имею права...

Алиев снова посмотрел на освещенное окно. Там, за занавеской, силуэт Чулпанай. Сейчас она поглощена работой — ведь через два дня защита диссертации.

«Непонятная она у меня», — с теплотой подумал о жене Алиев. Бывают дни, когда она — воплощение серьезности и трудолюбия, ничего не замечает, может работать сутками. А потом, смотришь, выйдет утром, и уже совсем другая, как будто заново родилась за ночь, — веселая, кокетливая и чуть по-женски капризная, требует, чтобы Алиев заботился о ней, как о ребенке. Бегает к портнихам и возвращается с нарядами один умопомрачительнее другого. И становится обаятельной, женственной. И Алиев тогда закрывает глаза на все ее недостатки, пусть Чулпанай живет, как ей хочется, лишь бы между ними всегда были любовь и согласие.

У Алиева приятно защемило сердце — он вдруг вспомнил тот день, когда в его мрачную, беспросветную жизнь вошла Чулпанай.

В тот год он преподавал на биофаке университета — обычные лекции, обычные, ничем не выдающиеся студенты. С нетерпением ждал лета, когда можно будет выехать с экспедицией для отбора алкалоидных растений.

И вот, наконец, кончились занятия, и желающих выехать с ним оказалось более чем достаточно. Алиев ото-

брал самых знающих, трудолюбивых студентов, и вскоре они уже были в горах...

Впрочем, дорога была очень утомительной, и Алиев вечером, не успев положить голову на подушку, крепко заснул. Разбудила его разбушевавшаяся гроза, он высунул голову из палатки и увидел, как русло Навашаха озарила молния. Потом сильный порыв ветра погнал свет молнии к одинокой осине на берегу речки, и дерево застонало.

Да и палатка хлопала брезентовыми боками — вот-вот сорвется. Ребята, спавшие в палатке, только что-то пробормотали во сне, перевернулись на другой бок и опять притихли. Их и артиллерия не разбудит, решил Алиев и подумал о девушках в соседней палатке.

И только он приблизился к ней, как из палатки раздался испуганный девичий голос, потом другой, третий. Их неумело укрепленную палатку ветер мог сорвать в любую минуту. И Алиев, не теряя времени, взял лопату и стал бросать вокруг палатки землю, чтобы укрепить ее.

Работалось адски трудно, не успевал он поднять лопату, как ветер хлестал ему в лицо песком. В палатке же, услышав, как возятся снаружи, зашептались, истом одно перепуганное девичье лицо выглянуло из палатки, а через минуту девушки бросились к Алиеву на помощь.

Едва они успели закончить работу, как вдруг ударил сильный ливень. И Алиев почувствовал, как кто-то взял его за руку и прошептал:

— Бежим!

Девушки гурьбой ринулись в палатку, и в полумраке Алиев услышал, как одна из девушек сказала:

— Если бы не вы, учитель, мы бы сейчас все промокли под ливнем.

Голос этот он узнал по наманганскому говору... Чулпанай...

Тогда она была рослой, полной девушкой, немножко простоватой, немножко наивной, словом, провинциалка в большом городе.

На следующий день засияло солнце, и все в природе блестело и радовалось. Речка Навашах, напоенная небесной влагой, лизала свои красноватые берега возле корней арчи. И как бы завидуя этим величественным деревьям, потянулась наверх и мальва, вся в белых цветах.

Быстро сложив палатки, двинулись дальше. Вперед всех идет наманганская девушка — Чулпанай, веселая, не знающая усталости, радующаяся каждому новому цветку, каждой травинке.

Алиеву почему-то нравилась эта его студентка, но чем, он не мог понять, пока не поехал с ней в экспедицию. И вот сегодня, когда он, озабоченный, разглядывал корень какой-то травы, из-за большого валуна неожиданно появилась перед ним Чулпанай с букетом цветов.

— Домла! Вот собрала... может, эти цветы вас чем-нибудь заинтересуют?..

Алиев растерялся и стоял, разглядывая цветы, не зная, как понять ее слова. А Чулпанай тем временем опять ушла вперед с подружками.

«Ну что тут дурного,— пытался он хоть как-то скрыть боление,— ведь я ее педагог. А педагогам принято дарить цветы».

Он смущенно посмотрел на ребят, стоявших рядом, и, пытаясь превратить все это в шутку, проговорил:

— Ох, и озорная эта наша Чулпанай — наманганская девушка.

Ребята переглянулись, понимающе улыбнулись друг другу и ушли за девушками.

Вот с этого момента Чулпанай уже не выходила из головы Алиева, он всюду искал ее глазами, прислушивался к ее голосу, ловил каждый ее жест, хотя и всячески сопротивлялся тому приятному чувству, которое охватило его. А чувство это, наоборот, с каждым днем все больше и больше волновало его, радуя и тревожа сердце.

«Нет, нет,— говорил он себе,— куда мне до нее? Я — человек, убеленный сединами, был женат, имею сына». И, как мальчишка, робел, когда замечал на себе взгляд Чулпанай.

Через десять дней они достигли живописного места у родника «Кукдекча», где и поставили палатки.

Недалеко от этого места была стоянка табунщиков, и вечером Алиев отправился знакомиться с соседями.

Пастухи, народ великодушный, гостеприимный, устроили для них в шалаше угощение. Не успели они как следует напиться кумыса — опять испортилась погода: неожиданно налетел сильный ветер, принеся с собой мрак и дождь.

Лошади сбились в кучу и тревожно заржали. Но потом, так же неожиданно, дождь прошел, и опять все вокруг озарилось последними лучами уходящего солнца.

Алиев, следя за игрой природы, думал о Чулпанай. Подумал, что его чувства, так же неожиданно вспыхнув, вскоре исчезнут, не оставив после себя никаких воспоминаний.

Чулпанай же, сидя неподалеку, с восхищением следила за жеребенком.

Жеребенок, существо трогательное и милое, обнюхивал девушку, ласкался и прыгал вокруг, как бы приглашая Чулпанай порезвиться с ним.

Дворняжка, лежавшая возле шалаша и ревниво следившая за жеребенком — видно, ей самой хотелось поразвлечься, — вдруг бросилась и залаяла, пытаясь укунить жеребенка за хвост.

— Ой! — вскрикнула Чулпанай и прижала жеребенка к груди под дружный хохот всех, кто сидел возле шалаша. И щеки ее запылали от смущения.

«Совсем еще ребенок. Милый ребенок», — подумал о ней Алиев и еще раз с горечью предположил, что ничего у нее быть не может, кроме мимолетного увлечения. А у Алиева? Сможет ли он побороть, заглушить свои чувства?

Те, кто был с ними, кажется, уже догадывались о том, что творилось в душе Алиева. Студенты вели себя очень деликатно, старались не мешать, когда Чулпанай и Алиев оказывались рядом.

Все выше и выше взбиралась экспедиция в горы, любуясь зелеными пастбищами внизу, арчовыми рощами и лентами речушек. Однажды Алиев сказал, глядя на студентов, которые немного отстали от него и Чулпанай:

— Вместе с молодежью я и сам, кажется, немного помолодел...

— Да вы моложе всех нас вместе взятых. Нынешняя молодежь никуда не годится, а вы войну прошли, закалились, — ответила Чулпанай.

— Не смейтесь над своим учителем. Запрещаю! — шутливо сказал Алиев, да так громко, чтобы слышали и остальные.

— Нет, я не шучу, домла! Посмотрите вот на этих, — указала она на двух парней, которые, обессиленные, лежали, так и не добравшись до вершины.

Алиев ничего не ответил, встал и долго бродил в волнении среди скал. Он понимал, что Чулпанай, видя его нерешительность, сама слово за слово признавалась в своих чувствах. А у Алиева в голове — хаос, сумятица. Надо взять себя в руки и спокойно все обдумать, разобраться в том, что творится в душе, отделив искренние чувства от ложных.

Алиев уселся на плоский камень, похожий на мельничный жернов. Мысли его неожиданно прервал пронзительный свист. Алиев вздрогнул и увидел сурка, который внимательно изучал его, выглянув из своей норки. Зверек как бы спрашивал человека: что, друг, решаешь мировые проблемы? А чего их решать, когда все так просто...

«Да, для тебя, может быть, все и просто, посвистывай себе, — вот и все твое занятие», — мысленно ответил ему Алиев и отвернулся от сурка.

Перед его глазами тянулась горная цепь, покрытая чистым, будто первозданным снегом. А вон вершина, прозванная пастухами Лысой горой — Абулкаш, а за ней другие вершины, как гигантские лестницы в небо.

Долго смотрел на горные красоты Алиев, и в душу его постепенно приходило умиротворение и предчувствие скорого счастья.

Над головой Алиева словно кто-то лампу повесил — так низко и ярко горела Венера. И еще огонек загорелся внизу — видно, развели очаг пастухи, а может, это просто свет в шатре. Свет, который манит усталого путника и отгоняет от людей хищников.

Вот так слились воедино свет неба и земли, и все это вместе с мыслями о Чулпанай было похоже на сказку...

— Чулпанай знала обо всем, — сказал Алиев тестю. — Зачем что-то скрывать? Знала, что я был женат, что у меня сын... Клянусь, я не собирался ее обманывать и сделать потом несчастной... Виноват в одном, признаю, не спросил вашего согласия. — Алиев на минуту умолк, потом пояснил: — Потому что очень боялся... а вдруг вы не согласитесь? И тогда моему счастью... Впрочем, я не собирался всю жизнь скрываться от вас — много раз собирался съездить к вам, но все не находил подходящего времени...

Старик Туляган бросил на зятя недружелюбный, укоряющий взгляд и проворчал:

— А каково нам было со старухой, об этом вы не ду-

мали? Опозорили на весь кишлак! Да, странно устроен мир — каждый думает только о своем благополучии.

Старик в сердцах выплюнул нас и встал, не желая больше говорить на эту тему — слишком разволновался.

И в эту ночь он решил спать на айване. Алнев его уговаривал, боялся, что старик простудится, но Туляган ответил, что даже в сорокаградусный мороз в блокадном Ленинграде он не простудился, а тут весна, благодать...

Да... Ленинград... Как только старик закрыл глаза, он почувствовал, будто лежит в узком, как могила, замерзшем окопе. Таких окопов было вырыто бесчисленное множество на пути лютого врага. Когда они вставали после нескольких часов, проведенных в окопе, обледенелые шинели на них ломались в местах сгиба.

Стараясь поскорее забыть картины войны, старик прошептал:

— Благо, и этот день прожит...— И закутался в одеяло.

Проснулся он от щебетанья скворца. И в день его приезда эта черная птичка с веером на хвосте, усевшись на макушку орешины, приветствовала гостя.

Потом, когда стали пилить красное ореховое дерево, скворец улетел куда-то, и старик подумал, что навсегда. Но нет, вот он опять щебечет, но на сей раз жалобно и сиротливо.

Старик Туляган приподнялся, чтобы поприветствовать старого знакомого — скворца, но не нашел его. Прислушался — оказывается, скворец поет в соседнем дворе, значит, перебрался на новое местожительство. И теперь будет доставлять радость соседям.

Старик сел на постель и сердито погладил густые брови, вспомнив слова своей старухи. Одно время Туляган завел у себя дома дюжину певчих птиц, но жену его они почему-то раздражали: «Будь они неладны! Ни днем ни ночью покоя! Хватит для меня вашего ворчания...»

Пришлось Тулягану перенести все клетки в сад, а дома оставить только одного старого перепела... Нет, Латофат не была такой беспокойной женщиной, пение птиц доставляло ей одно наслаждение.

Туляган грустно вздохнул и, накинув на плечи халат, встал. Женщина с соседнего двора, наверное, тоже про-

спулась от пения скворца... И Халниса... Может, готовит завтрак мужу и одевает детей в школу, а сама краешком уха слушает песню скворца...

Глава X

Вскоре пришел Кабилджан со своим обычным приветствием:

— Как спалось, отец? Не болит ли поясница? Руки, ноги?

После завтрака Алиев сел в машину и уехал, и, глядя ему вслед, старик подумал, что и в воскресенье не дадут человеку покоя. Сам он вместе с Кабилджаном снова принялся колоть пеньки. Потом к ним подошла Чулпанай с черной сумкой в руке, видно, тоже куда-то собиралась.

— Послезавтра, вот в это время, я уже буду защищать диссертацию,— торжественно, уверенная в успехе, заявила Чулпанай.

Уверенный тон ее передался отцу, и тот, с гордостью посмотрев на дочь, осторожно спросил:

— Хорошо, доченька. А что потом?

— Потом?— рассмеялась его наивному вопросу Чулпанай.— Пир будет, отец! Большой пир. Вот здесь, во дворе, на месте старой орешины.

— Да, да, понимаю... угощение... Очень хорошо. А после?

— После?— Дочь несколько замялась.— Прибавка к зарплате...

— А сколько вы будете получать?— полюбопытствовал Кабилджан.

— Ну... около трехсот в месяц.

— Ого! Куда же вы денете столько денег?

— Деньги никогда не мешают,— несколько развязным тоном ответила Чулпанай.

— Конечно, конечно!— Глаза Кабилджана жадно заблестели.— И Султан Алиевич, наверное, получает не меньше?

Чулпанай не ответила, только строго посмотрела на Кабилджана, как бы говоря: не следует тебе много знать.

Старик Туляган неприятно поражен: для него открылась еще одна, не самая лучшая черта характера дочери.

И вспомнив слова Алиева о цели жизни, подумал: «А какая у нее цель? Неужели наряды, богатство?»

Высоко подняв топор, он изо всех сил ударил по суковатому кругляку. Затем, словно стыдясь посмотреть в глаза дочери, проворчал себе под нос:

— Все брат, брат, а когда же отдавать?

— Вы что-то сказали, папа?

— Я говорю: дом твой, как богатый магазин, всего полно... Но долг платежом красен.

— Да, папа, мы помним, мы в долгу перед вами и мамой. Вот даст бог...

— Э-хе, доченька, не желудком я своим дорожу, а честью. Не нужно нам от вас ни копейки. Руки-ноги у нас целы — прокормимся. Я говорю о главном истце...

— Никому я ничего не должна, откуда вы взяли?

— Не должна? А вспомни-ка.— Старик иронически посмотрел на дочь.

А та в недоумении пожала плечами.

— Ну, скажите — кому? Не мучайте меня!

— Ах, не мучать! Скажи, за чей счет построена школа, где ты училась, а институт?— Старик Туляган, вытаскивая топор, нажал одной ногой на кругляк и сам ответил:— За счет народа... Вот кому ты теперь должна!

— Не думала, отец, что и вы будете заниматься нравоучением,— обиделась Чулпанай.

— Нравоучение это или нет — не знаю! Но та большая стипендия, которую ты получала, учась в аспирантуре, тоже народные деньги, простых тружеников — рабочих и дехкан. Запомни это!

Опершись на ручку топора, Кабилджан с интересом слушал их разговор, потом решил вмешаться и поддержать Чулпанай:

— А вы, оказывается, все законы знаете, отец!— бросил он язвительно.

Старик Туляган краем глаза посмотрел на Кабилджана, который заискивающе хихикал, подмигивая Чулпанай, и неожиданно спросил:

— У вас есть отец, молодой человек?

— Не-ет... Погиб на фронте. А что?

— Жаль. Если бы вернулся живым-невредным, тоже защищал бы наши законы.

— Это почему же?— Кабилджан, словно ища поддержки, посмотрел на Чулпанай.

— Вы все равно ничего не поймете, молодой человек,— спокойно и с достоинством ответил старик.— Кто всю жизнь был вместе с народом — и в трудностях, и в радости, тот не позволит нарушать народные законы.

Чулпанай решила не обострять отношения с отцом. Она стала горячо рассказывать, как нужны государству все ее научные исследования, как она не жалела и впредь не будет жалеть сил, чтобы принести максимальную пользу людям.

Но для старика теперь все ее оправдания казались неискренними.

«Вот оно, оказывается, как бывает»,— задумался Туляган. Сам он с женой всю жизнь довольствовался тем, что есть. Жили в чем-то лучше других, а чем-то, может, и хуже, но всегда честно, с чистой совестью. Корова с теленком на привязи, да овца с ягнёнком — вот и все их богатство. Зачем мечтать о большем, кому это нужно?

Когда первый раз он переступил порог дома дочери и увидел ковры и всякий хрусталь, старику стало не по себе.

Сам он до самых седин не выпускал из рук кетменя и пилы, а такого богатства не нажил. А дочь и зять? Откуда у них все это? Если уж родной отец засомневался, то что говорят, например, вот эти соседи за стеной? И вообще, вот он уже несколько дней здесь — и хоть один бы сосед переступил порог их дома! Никто, кроме этого хитроумного Кабилджана. Да и он приходит для своей же выгоды — в институт хочет пролезть.

— А с этой соседкой,— кивнул Туляган в сторону забора,— вы дружите?

— Нет, папа. Вы же видите, нет ни минуты свободного времени,— несколько презрительно ответила Чулпанай.

— Зря, доченька,— миролюбиво сказал старик.— Ближний сосед лучше дальней родни...

— Это не кишлак, отец. В городе свои законы, своя жизнь. Тут порой люди живут на одной лестничной клетке и месяцами не видят друг друга.

«Странно»,— призадумался Туляган; он впервые слышал, что только в кишлаке возможны добрососедство и взаимная выручка людей.

— Нет!— запротестовал он.— Не верю я, чтобы в городе человек не ценил ближнего. Правда, жизнь здес

сложнее. К каждому человеку, видно, надо найти особый подход... Вот, к примеру, ваша соседка,— снова повторил старик, но дочь не дала ему договорить:

— Спасибо, отец. Нашли вы мне равную. Каждый должен вращаться в своем кругу. Мы — научные работники...

— Ну так что же? У научных работников разве не должно быть доброты и участия? А соседка ваша, похоже, неплохой человек.

— Им все надо знать: как ты ходишь, что ешь, на что живешь — завидуют!

— Да, живете вы не хуже самого Худаярхана. Вот соседи и должны знать...

— Ничего они не должны знать! Пусть не вмешиваются! — резко сказала Чулпанай, давая понять, что разговор окончен.

Старик прикусил язык. Решил больше не говорить на такие темы — пусть живут, как хотят. Люди они ученые — разве станут слушать старика, простого садовода. Ладно, бог с ними...

— Завтра утром придет ресторан со своей посудой, столами и стульями,— заговорила Чулпанай о том, что ее больше всего сейчас волновало.— Гостям будет подаваться пять разных горячих блюд... Вы, папа, будете сидеть на самом почетном месте.

— А кто будет гостей обслуживать, разве не мы с отцом? — вмешался Кабилджан.

— Нет, обслуживающих будет предостаточно. Вы оба будете отдыхать. Папа рядом с академиками,— еще раз подчеркнула Чулпанай, но, видя, что отец по-прежнему хмур, взглянула на часы.— Ну, мне пора идти...

— Куда? — вырвалось у любопытного Кабилджана.

Чулпанай засмеялась, потом, чтобы показать отцу свою строгость, сделала Кабилджану выговор:

— Еще что вы хотели бы знать о моей жизни?

— Извините, извините,— засмутился Кабилджан, провожая виноватым взглядом Чулпанай до ворот, затем крикнул ей:

— В добрый час, янга!

А когда ворота закрылись, Кабилджан не выдержал и сообщил старику доверительно:

— В косметику пошла...

Старик Туляган пропустил его слова мимо ушей, расстроенный, он думал: «Не узнаю я Чулпанай, как будто ее переменили. Откуда у нее это высокомерие, эта надменность? Ведет себя так, как будто она из аристократического рода «хаджей». В кого она такая — ведь мы, ее родители, люди простые, труженики? И муж ее, как видно, человек не горделивый. Неужели ее испортило знание, ученость? Тогда почему же Мичурин-бобо был таким скромным, а наш Юлдаш-ата Ахунбабаев — душа человек?.. И ученый агроном совхоза Ахмад-ака, прежде чем самому сказать, как сеять, выслушает не только старика, но и ребенка...»

Когда Туляган привез из Намангана швею Хайри и поселился с ней в том самом новом доме, в котором так и не суждено было жить Латофат, он мечтал, что родится дочь, и будет она так же радовать их, как и пропавшая Халниса.

И бог услышал его мольбу. По случаю рождения Чулпанай он дал той всей округе — пусть люди знают и радуются вместе с ним.

Не могли они с женой налюбоваться, глядя, как Чулпанай делает первые, еще неуверенные шажки, и как она потом уже сама выходит к калитке встречать папу, идущего с работы. Бросается она навстречу отцу и шепчет, обнимая его крепкие ноги. Туляган, бывало, возьмет ее на руки, и вся усталость тут же проходит. И даже тогда, когда он сидел в окопах, а вокруг были мрак и смерть, — образ Чулпанай согревал сердце солдата.

В самые тяжелые и мрачные дни Туляган думал: «Что ж, если мне суждено умереть на поле боя за Родину, умру, не струсив. В память о героях народ будет петь песни, зато после меня, как память, останется Чулпанай».

Нет страшней кары на свете, как уйти, не оставив после себя живого следа. После Чулпанай у них родилось еще четверо детей, но ни один из них не остался в живых. И они с женой еще больше привязались к Чулпанай — единственной отраде души.

Росла Чулпанай девочкой с мягким, добрым сердцем и справедливой душой. Когда она заканчивала среднюю школу, Туляган купил дочери дорогой атлас на платье. Но Чулпанай ни за что не хотела носить это платье, что-

бы не выделяться перед подружкой, родители которой были не в состоянии сделать дочери такой же подарок. Восхищаясь благородством дочери, Туляган купил точно такой же отрез на платье и ее подружке. А теперь, когда прошло столько лет, Чулпанай не только не пишет своей подруге детства, но и не вспоминает о ней. Подруга Чулпанай честно трудится в совхозе, воспитывает восьмерых детей, прививая им любовь к земле отцов...

«Может, я сам чего-то недоглядел?— вздохнул Туляган.— Упустил и вовремя не раздавил ту червоточину, которая жила в ней?»

— Э-эй, отец!— прервал его грустные размышления Кабилджан.

Старик поднял голову: Кабилджан заискивающе смотрел на него.

— Просьбу мою передали?

Старик недоуменно пожал плечами: какая просьба? О чем?

— Да-а-а,— притворно, как бы жалея Тулягана, вздохнул Кабилджан,— состарились вы, отец. Помните, вчера вечером говорил я вам, а к утру уже забыли...

— Ну, напомните мне!

— Если вы мне можете, отец... то и я... не забуду вашу доброту. Скажите Чулпанай-янге, пусть поможет мне устроиться в институт.

— Ах, да, да. Вы меня просили... А что если я попрошу не ее, а Султана Алиевича?— иронически взглянул на собеседника Туляган.

— Нет, нет, боже упаси! Он же как помешанный. Знает только свою науку, и все.

— Да, сложно... А почему бы вам не поступить без посторонней помощи?

— Честно сказать: руки коротки...

— Не понимаю, при чем здесь длинные или короткие руки... По-моему, главное — знание, ум. Или я не прав?— спросил старик, хитро прищурившись.

Кабилджан, прекрасно понимая старика и его упорство, решил взять его жалостью.

— Понимаете, отец, я всю жизнь мечтал стать врачом... Полный радужных мыслей, я приехал сюда из кишлака. Но в институте мне указали на дверь, хотя я честно сдавал все экзамены... И теперь, видите, в кого я превратился? В прислугу... Но я все терплю ради своей

мечты. Умоляю вас, отец, помогите мне стать человеком!

— У каждого, оказывается, свое горе,— сочувственно сказал Туляган.— Из нашего кишлака тоже много ребят вернулось обратно. Не понимаю, почему двери института такие узкие, что через них не могут пройти все желающие...

— Это как лотерея, отец. Кому как повезет. У кого руки короткие, как у меня,— для тех двери закрыты.— Кабилджан вздохнул и стал рассказывать о своих дальнейших неудачах:— После того как мне не удалось поступить в медицинский, я подумал: а не стать ли мне учителем — это ведь тоже неплохо? И в следующем году подал заявление в педагогический...

— И что, опять руки коротки?

— Увы!

Старик Туляган поудобнее уселся на пень и сказал:

— Вот вы все говорите: руки короткие. А я вот смотрю, и руки и ноги у вас как будто в порядке.

Кабилджан подозрительно посмотрел на собеседника: он только сейчас понял, что старик издевается над ним.

— Да, руки-ноги, слава богу, в порядке... Вот тут у меня не в порядке,— хлопнул он себя по карману.

Туляган не сразу понял, вернее, не хотел верить тому, что услышал:

— Вы что имеете в виду, молодой человек? Не взятку ли?

— Вот именно!

— Неужели дают взятки? Не может этого быть?! Вы что-то не того...

— Хватит, не притворяйтесь наивным! Можно подумать, что вы только вчера родились на свет или свалились откуда-то с луны на эту грешную землю!

Старик Туляган призадумался: как бы ему поубедительнее ответить этому заносчивому парню? И невольно вспомнил тех, с кем его дочь кончала школу и кто поступил вместе с ней в институт. Вот только дочь Саидасрара вернулась обратно, провалилась на экзаменах. Училась она в школе неважно — ухаживала за больной матерью, и вообще все хозяйство было на ее плечах. Чулпанай же и еще двое соседских парней поступили сами,

без всяких взяток. Туляган сам целыми днями стоял за дверью, где сдавали экзамены, и волновался за дочь. И если бы ему встретился хоть один взяточник, ей-богу, старик поколотил бы его своей палкой!

Не для того Туляган проливал кровь на фронтах войны, чтобы плодами мирной, счастливой жизни пользовались всякие взяточники, бюрократы и чинуши!

— Слушайте, что я расскажу,— сел напротив старика на корточках Кабилджан.— И попробуйте возразить: не может быть... Нет, может! Так вот, приезжал недавно один мой дальний родственник сессию сдавать. Сам он старый механик, директор гаража, машину знает, как свои пять пальцев, и организатор хороший. Только вот в теории слабоват. И что же? Может, вы думаете, во время зимней сессии он стал лучше знать теорию? Нисколько! Приехал на своей «Волге», а карманы потуже набил деньгами. А уезжал — карманы пустые, зато в чемодане — диплом.— Кабилджан снова похлопал себя по карману.— Вот, отец! А вы: не может этого быть!

Едва Кабилджан хлопнул себя по карману, как раздался звон монет, и старик, прислушиваясь к их звону, иронически заметил:

— Э, карман-то полный. Зря жалуется, молодой человек... Грех!

— Нужны такие, которые бы хрустели, а не звенели,— зло ответил Кабилджан.— А кто мне их даст? Отчим, что ли? Он ничего мне не посылает, кроме горьких упреков. А я слушать не хочу его нравоучений, вот и не возвращаюсь потому в Джидакапа.

Услышав слово «Джидакапа», старик внимательно, как бы заново изучая собеседника, посмотрел на Кабилджана. А тот продолжал:

— Работай, говорит, если не способен учиться. Когда все станут учеными, кто скот пасти будет — вот его любимая поговорка... Темнота! Обидно, что и мать ему подкивает. Все укоряет меня родным отцом: «Твой отец вместе с другими лучшими трактористами в самом Кремле побывал на приеме, а ты? Кто из тебя получится?» Не хочу я, как отец, вечно ходить в мазуте. И даже если он побывал в Кремле, что из этого? Не стал же он после этого министром!

— А в армии вы служили?— неожиданно спросил старик.

— Нет. А зачем мне зря терять свои молодые годы? Не лучше ли в институт поступить...

Слова Кабилджана хоть и вывели старика из терпения, но он все же сумел и на этот раз сдержать себя, чтобы не наговорить все, что он думает об этом парне. Старик только осторожно спросил:

— Скажите, вы случайно не сын Аскарбая из Джидакапы?

— Кто это такой ваш Аскарбай?

— Ну... был такой человек... высокий, как и вы...

— Нет, знать не знаю таких!

Грубый ответ Кабилджана подействовал на старика, как пощечина.

— Простите,— проговорил он язвительно, еле сдерживая себя.— Извините, что сравнил вас с Аскарбаем!— И закричал:— Знайте же вы, молокосос, что Аскарбай — это один из столпов, на котором держится мир, куда вы карабкаетесь! А отец, если он и запачкался мазутом, то ради вас, неблагодарный! Чтобы вы росли человеком! Нет, вы и мизинца своего отца недостойны!

— Э-э, старик! Что с вами?

— Такие, как вы, способны только прислуживать другим! И учеба вам все равно не поможет!

Кабилджан побледнел и вскочил с места. Посмотрел по сторонам и, захлебываясь от злости, прохрипел:

— Ваше счастье, что вы старик. Не то бы я...

— Вон отсюда, интриган, подхалим!— указал ему на ворота старик.— И чтобы глаза мои тебя больше не видели!

Решительного жеста старика Кабилджан вдруг испугался и попятился к воротам, говоря:

— Ладно, хозяин, ладно... Уйду... Но перед дочерью и зятем сами ответите. Вы тут человек на два дня, а я им нужен до гроба!

Старик Туляган даже не расслышал его. Он ходил по двору и весь дрожал от возмущения.

— Старый дуралей,— ругал он себя.— Нашел, с кем сравнивать Аскарбая — с Кабиллом-блюдолизом. Перед тобой он и чашку оближет, а за глаза наговорит всяких глупостей...

Из-за ворот доносилась брань Кабилджана: «Себялюб», «Гадкий старикашка». Видимо, он специально кричал так громко, чтобы услышали соседи.

Старик хотел выбежать и гнать его до самого конца длинной улицы, но потом махнул рукой. Присел на шершавый кругляк, достал табакерку и бросил под язык нас. Закрыв глаза и прошептал: «Себялюб, говорит, паршивец... Да, может быть, у меня поганый характер, несговорчивый, резкий. Но я никогда, ни в молодости, ни теперь, ни перед кем не пресмыкаюсь, не раболепствую...»

Вот говорят: не промолчишь — не проживешь. Чепуха все это. Туляган всегда всем в лицо, даже высоким начальникам говорил правду, если видел обман. Говорил он правду на собраниях в совхозе и в кругу друзей, не боясь, что они обидятся и отвернутся. А когда началась война, он пошел воевать за большую правду... Правда, сколько бы ее не прятали, не скрывали, она все равно победит. Вот поэтому Туляган не молчит там, где нужно сказать правду. И ничего, живет намного лучше тех, у кого ковры и просторные дома, потому что совесть у Тулягана чиста и на этом и на том свете.

У Тулягана есть дом, семья, есть добрые друзья, в памяти у него множество счастливых дней, проведенных с Латофат, что еще человеку нужно? И есть у него дочь... Да, родное дитя — Халниса. Старик не потерял надежду, он верит, что Халниса жива и так же, как и он сам, честно зарабатывает свой хлеб насущный...

... Верно говорят: гора с горой не сходится, но человек с человеком... С тем самым чайханщиком, у которого Туляган ночевал не раз, когда искал в Намангане Латофат, встретился он снова несколько лет спустя в военкомате. Так сложилась судьба, что они потом вместе, бок о бок, воевали на фронте.

«Да, об этом человеке можно смело сказать, что он один из столпов, на которых держится мир», — подумал о своем фронтовом друге старик Туляган.

По счастливому совпадению, друга его так и звали — Аскар-устун¹. А прозвали его так после того, как он поспорил с друзьями и одним рывком вытащил столб, подпирающий айван чайханы, и снова поставил на место.

Был Аскар-устун парень-огонь, энергичный, смелый, не мог ни минуты сидеть без дела. И вот, когда они от-

¹ Устун — столб.

ступали к Ленинграду, этот самый огонь, который горел в его сердце, и показал свою силу!

Под бомбежкой погиб их конь, а в расчете осталось всего трое бойцов. И тогда Аскарбай надел на шею хомут и потащил орудие через бездорожье до самой Пулковской высоты, а Туляган и еще один боец помогли ему. Подняли оружие, установили и снова начали отстреливаться. А вскоре во фронтовой газете написали заметку об их расчете, и называлась она полушутливо: «Артиллерист Аскар — обладатель двух лошадиных сил».

Хоть держался Аскар-устун внешне молодцом, но знал Туляган, что страдает он, много думая о своих детях. Еще тогда, когда он был дома, молодая жена недолюбливала неродных детей, а когда муж ушел на фронт, и вовсе выгнала их: «Идите, живите с бабушкой!»

Был он до своей второй женитьбы уважаемым трактористом в кишлаке, но как только появилась в его доме молодая кокетка, сразу заявила: «Не хочу я стирать ваши засаленные штаны! Или бросайте трактор, или уходите от меня!»

Дурная жена как повилка. Повилка тоже присосется к полезным растениям и вытягивает из них живительные соки.

Только на войне, вдалеке от жены, Аскарбай понял, какую глупость сотворил. «Даст бог, вернусь живым-невредимым, снова сяду за трактор. Буду пахать землю, которую фашисты изгадили, чтобы следов их не осталось!»

Но только, видно, не судьба — не суждено было исполниться его мечте: погиб Аскар-устун летом сорок второго. Туляган долго не верил, уж очень Аскарбай не был похож на человека, которого поджидает смерть.

В тот печальный день Аскарбай вел наблюдение на огневой площадке, а остальные бойцы торопливо завтракали в землянке. Вдруг все перемешалось, как в аду. Землянка содрогнулась от ударов, и на солдат, не успевших выбежать наружу, рухнула земля, и все обожгло огнем.

... Очнулся Туляган от резкого запаха. Смотрит — лежит на койке в госпитале и его приводят в чувство нашатырным спиртом.

Туляган уже не помнит, сколько времени пролежал он в госпитале, помнит только, что была у него контузия.

— Ну, земляк, попробуй-ка походить,— сказал ему однажды главврач.

Звали врача Джамал... А вот отчества Туляган не помнит... Были у Джамала какие-то особые глаза, как бы видящие человека насквозь. Он мог безошибочно установить диагноз, и все, даже тяжелораненые, верили, что Джамал поставит их на ноги.

Туляган встал и сделал несколько неуверенных шагов. Доктор его похвалил, потом сел на край койки и сказал Тулягану печально:

— Вчера я прощался с одним нашим земляком.— И, помолчав, добавил уверенно:— А с вами мы обязательно еще встретимся дома... в Узбекистане.

Туляган не особенно понял, что имел в виду Джамал, когда говорил о земляке.

— И с ним, даст бог, встретитесь...

— Нет,— покачал головой доктор.— Мы его проводили на Серафимовское кладбище... Я не хотел вам говорить, но проболтался. Вы, наверное, его знали. Он был из вашей части...

Сердце Тулягана сжалось, и он невольно застонал от дурного предчувствия.

— Высокий такой, могучий парень... Имя его Аскар...

Туляган попытался сесть на койку, но не смог и, ослабев, чуть не потерял сознание.

Аскарбай-устун лежал с ним в одном госпитале, но в палате для тяжелораненых. Совсем рядом, через коридор. Как жаль, что Туляган не знал об этом! Впрочем, если бы он даже знал, что мог поделать?

Более подробно о том, как ранило Аскара, Туляган узнал уже после возвращения в часть. Оказывается, она и та же бомба засыпала землей землянку, где они завтракали, и Аскара, дежурившего возле орудия.

Аскар кое-как выкарабкался из-под земли и увидел, что из леса, прикрывая автоматчиков, идут вражеские танки. Солдат бросился к своему оружию, но оно лежало вверх колесами. Хотел звать товарищей, но решил, что они все погибли в землянке. Тогда он один взялся устанавливать орудие, семидесятишестимиллиметровую пушку.

Кое-как поставил пушку на колеса рядом с ящиком со снарядами. А тем временем немецкие танки подошли совсем близко, и любое промедление было смерти подобно...

Дал залп! Потом еще! Заменял целый расчет: сам таскал снаряды, сам открывал затвор, заряжал, наводил и открывал огонь...

— Я видел, как Аскар поджег два танка,— рассказал командир стрелковой роты, свидетель героического подвига артиллериста.

Своим мужеством Аскар-устун спас, оказывается, и эту роту от неминуемой гибели, потому что холм, где она закрепилась, был окружен фашистскими танками.

Командир роты видел, как ранило Аскара.

Едва Туляган вернулся с фронта, сразу стал искать мать и детей Аскара. Домик их стоял в узком переулке в Джидакапа, и на ветхих его воротах висел замок. Забор местами обвалился, и Туляган заглянул во двор, весь заросший бурьяном. И среди этой ядовитой травы, задыхаясь, тянулись к небу несколько деревьев айвы и вишен, оставшихся без присмотра.

— Ассалам алейкум!— прервал кто-то грустные размышления Тулягана.

Туляган быстро оглянулся и увидел, что сзади него стоит, опершись на посох, старик. Сквозь очки с треснутым стеклом он испытующе смотрел на Тулягана.

— Вы от Аскарбая?

Туляган, не зная, кто это, стоял в нерешительности. И старик все понял, прошептал старательно заупокойную молитву. Затем, прикоснувшись пальцами к редким бровям, сказал:

— Сынок, каждый из нас лишь гость в этом мире.— И удалился, сгорбившись, волоча за собой посох.

Туляган хотел было расспросить о семье Аскара, но не осмелился остановить его. Несмотря на сильную жару, он был одет в черный чапан, и Тулягану показалось почему-то, что старик спешит прямо на кладбище.

Пошел Туляган по домам махалли и узнал, что мать Аскара не вынесла смерти сына, слегла и больше не встала. А детей добрые люди устроили в интернат. О жене же говорили: «Не знаем, может, снова вышла замуж».

Туляган считал своим долгом узнать о судьбе детей товарища по оружию и поэтому сразу выехал в Наманган. Он хорошо знал, где расположен интернат: много раз бывал там, когда искал свою Халнису.

Воспитательница, несмотря на поздний час, дружелюбно встретила фронтовика и повела его в здание. Осмотрели сначала столовую, потом клуб и, наконец, отыскали детей Аскара. Сына Туляган узнал еще издали — очень был похож на отца. Подтянутый, опрятно одетый, он вместе с сестренкой сел напротив Тулягана.

Туляган в приливе добрых чувств поцеловал детей, затем сказал, что их отец завещал своим детям быть всегда честными, мужественными и трудолюбивыми. Потом, чтобы хоть как-то развеять мрачную обстановку, Туляган стал рассказывать, как Аскарбай, надев на шею хомут, тащил через бездорожье пушку. Сын, гордый за отца, улыбнулся сквозь слезы, а сестренка, еще не до конца понимавшая трагедию смерти, засмеялась вместе с остальными детьми.

Только одна девочка недоверчиво спросила: «Разве в одном человеке могут быть две лошадиные силы?», — на что мальчики ответили ей: «Раз один тащил оружие, которое под силу двум лошадям, значит, бывает!»

Дети долго не спали. Они еще и еще раз просили рассказать, как Аскарбай поджег два танка, восхищались, спорили...

Туляган же, сидя среди них, думал о Халнисе: «Наверное, живет так же, как и эти дети, в тепле и уютее...»

...Две горькие скупые слезинки скатились по губам к бороде, и Туляган, вытирая глаза, покачал головой.

— Какой это был славный парень, Аскарбай! — прошептал старик. — Когда наш командир рассказал о храбром джигите Данко, Аскар-устун закричал: «И у меня в сердце огонь горит!..» Да, теперь это сердце погасло...

Перед взором старика промелькнуло унылое Серафимовское кладбище. Возвращаясь после госпиталя в часть, Туляган решил побывать у могилы друга и сказать ему последнее «прости!». Молча бродил он по кладбищу, но так и не нашел его могилы. Каждый день сотни

воинов, оказывается, находили свое последнее пристанище на этом братском кладбище. И Туляган, сняв каску, почтил память всех своих братьев по оружию — этих самых отважных, самых мужественных, самых честных людей на свете.

Да, это и были те самые люди, которые стали столпами, чтобы держать мир! Аскар и те, кто покоился рядом с ним на Серафимовском кладбище Ленинграда, и все те, кто погребен в десятках других братских могил.

Разве не они были опорой мира в те грозные годы? Знает ли родная дочь Чулпанай, которая так презрительна к людям, и этот негодяй Кабил, искатель легкой жизни,—знают ли они, что миллионы пали для того, чтобы сделать их сегодняшней день светлым?

Старик весь дрожал от негодования, от душевной боли, он как бы мысленно спорил с противником.

Нет, не себя хочет он выставить напоказ, мол, смотри-те, какой я герой! Он не был таким мужественным, как Аскар, но честно и добросовестно делал свое дело на войне. Возил на повозке снаряды, управлял лошадей, а когда лошадь пала, вместе с другими тянул пушку дальше, все ближе и ближе к рубежу победы.

Вместе с другими попал в окружение, а потом с батареей, продолжая вести бой, вышел к своим. Потом снова госпиталь и снова фронт. На этот раз Центральный фронт, откуда со своим стрелковым полком, освобождая Польшу, дошел до Германии.

Госпитали в Польше и Познани, Мозовецке, в Лоботине под Харьковом, знакомые лица медсестер, врачей — все промелькнуло перед глазами старика Тулягана. А потом отчетливо увидел одинокую усадьбу на берегу реки Нарын...

... Осенью сорок пятого, после войны, когда вернулся домой, потянуло его к берегу Нарына. Ведь многие приятные минуты его жизни прошли в этой усадьбе у Нарына, у милых, гостеприимных Палвана-ата и Кумри-ая. Здесь они с Латофат нашли приют, здесь любили друг друга...

Со всевозрастающим волнением Туляган перешел мост через Анхор и взбежал на гряду гравия: далеко ушли уже убранные, чернеющие хлопковые поля. Не веря своим глазам, он всматривался в поредевший тугай,

думая, не заблудился ли? Нет, вон сзади кишлак, а впереди, по ту сторону канала, совхозные земли.

«Боже!» — прошептал Туляган, не видя нигде знакомой усадьбы Каратай-Палвана.

Еще в госпитале, лежа неподвижно на койке, он то и дело вспоминал милые сердцу дынное поле и сторожку на острове, где они скрывались с Латофат, усадьбу Каратай-Палвана и даже видел все это во сне.

Часто ему казалось, что старушка Кумри-ая в длинном синем платье вместе с задумчивой маленькой Халнисой стоят у калитки и ждут его возвращения с фронта. Хоть и прошло с того черного дня, когда он потерял дочь, много лет, в его воображении Халниса всегда такая, какой он видел ее в последний раз на базаре у шелковицы. Не может представить ее другой, повзрослевшей, воображение отказывается принимать ее новый облик...

Ступая из борозды в борозду, Туляган добрался к тому месту, где стояла усадьба. Постоял, с грустью расставаясь с надеждами и ожиданиями, потом медленно побрел прочь, ища хоть какие-нибудь следы дорогих сердцу людей.

Много раз он снова и снова видел их лица и прежде всего лицо Латофат, слышал ее голос и ощущал запах ее волос. И даже ему воочию померещилось, что где-то мелькнуло ее белое платье... Но — увы! — все это была лишь игра воображения.

Туляган знал, что Каратай-Палвана и Кумри-ая нет уже в живых. Случилось это в сорок третьем. Оба старика в один день тихо ушли на вечный покой. Умерли, как умирают люди, которые всю жизнь идут рука об руку...

Туляган попрощался с родными местами и поехал в Коканд. Потянуло туда, где особенно остры воспоминания о Латофат, Халнисе, молодости...

Когда он сидел в раздумье в чайхане, туда вошел нищий бродяга. Туляган сразу обратил внимание на его босые ноги и подумал: не отморожены ли они у него? Был он весь обросший волосами, в изодранном халате и брюках. Словом, имел такой жалкий вид, что любой подаст ему милостыню.

— Семь таньга или семь лепешек для святого Гав-

сул-Агзама,— подходил он к каждому с одной и той же просьбой.

Ведет он себя странно, этот бродяга. Время от времени начинает трястись, как в лихорадке, и тогда кричит:

— Странствуя, мы побывали в аду!— и поднимал то одну, то другую ногу, показывая обрубки.— Пальцы я оставил там в залог!

Сидящие в чайхане в ужасе содрогаются при виде его ног и судорожно роются в поисках монет.

Некоторые, искренне веря юродивому, просят:

— Святой отец, благословите меня молитвой...

Чувство жалости сменилось тревогой, когда бродяга стал приближаться с протянутой рукой к Тулягану. А едва они встретились взглядом, Туляган вскрикнул от изумления. Да, перед ним стоял Тургунбай, убийца Ла-тофат! В этом не было никакого сомнения...

Туляган весь напрягся и сжал кулаки, и от напряжения заныла еще не полностью зажившая рана. Задуть гада своими собственными руками!

Тургунбай, не замечая его состояния, подошел ближе и показал ногу:

— Вот, пришлось побывать в аду...— и умолк в страхе, увидев глаза Тулягана.

Туляган вскочил и, задыхаясь от ярости, закричал:

— В аду, говоришь, побывал? А за какие грехи — расскажи: пусть все знают!

Тургунбай, пролепетав что-то, попятился назад, и Туляган опустил в беспомощности руки. Перед ним стоял жалкий, наказанный богом попрошайка, которого грех ударить. Туляган зарыдал от досады, а когда пришел в себя, увидел, что Тургунбай тихо исчез, чтобы продолжать свою унижительную, проклятую людьми и богом жизнь. «Что же,— решил Туляган,— это большее для него наказание, чем сама смерть, природа справедлива...»

Подумав так, Туляган тоже тихо вышел из чайханы.

И никому никогда не рассказывал об этом случае, даже своей старухе. Бедная старуха... Пусть она простит своего ворчливого, дурного мужа, он ей многого не рассказывал. Зачем тревожить ее душу?

Вот говорят, что человеку даны два одинаковых глаза. Так-то оно так, но Туляган, где бы он не был на

этом свете, и в блокадном Ленинграде, и в белорусских лесах, и в Польше, и в Берлине,— всюду искал Халнису...

И еще говорят: без надежды живет один лишь шайтан. Вот и Туляган до сих пор не потерял надежды. Впадешь в отчаяние — ослабеет и нить жизни, а когда полностью потеряешь надежду, нить эта обрывается...

Удивительная она, эта жизнь! Надеешься, что завтрашний день будет лучше сегодняшнего, ждешь чего-то, кого-то. И так проходят месяцы, годы, вся жизнь, отпущенная человеку.

Вот, например, сейчас, ведь Туляган приехал сюда с надеждой помириться с дочерью и зятем. Десять лет он сдерживал себя — разве можно без боли сорвать с головы хоть один волосок? А Чулпанай — она ведь не волосок на голове, она сосудик в сердце, тот самый сосудик, который приносит в сердце тепло, жизнь...

«Боже праведный,— сказал себе старик.— Какие только мысли и сравнения не лезут в голову?!»

Старик немного успокоился и опять взял в руки топор. Метким ударом он расколол кругляк и снова почувствовал ароматный запах, тот неповторимый запах ореха, от которого кружится голова. Дерево уже успело наполнить свои поры живительной влагой земля. Весна, весна!

Ощущение весны взбодрило Тулягана, дыхание старика стало ровным, его лицо опять было спокойным, одухотворенным. Весна снова обновляет жизнь — значит, прочь все волнения, дурные мысли, злость...

Обычно, когда старик увлечен работой, он не замечает никого и ничего. Вот и сейчас он не видел, как с айвана, завидуя его энергии и трудолюбию, наблюдала за ним женщина-работница. В каждом ударе старика, неторопливом, расчетливом, она отмечала его многолетний опыт и силу.

Старик опустил топор, чтобы перевести дух, и стал рассматривать чурки и щепки, разбросанные вокруг. Ведь всего три дня назад вся эта мертвая груда была красным ореховым деревом, стоявшим посередине двора и, как человек, погруженным в свои думы.

Оба они: и ореховое дерево и Туляган — стары. Дерево лежит, расколотое на части, подобно тому, как Ту-

ляган раскладывал прожитое и пережитое на отдельные дни и годы. Каждый отрезок его жизни — как чурки ореха: одни — гладкие, другие — шероховатые, с сучками. Неспроста, видно, говорится: «Одна половина суток — светлая, другая — темная». Нет, старик не сетует на прожитую жизнь, прожил он неплохо, с пользой, со смыслом.

Видно, старика разморило солнце, стало клонить в сон. Прислушиваясь к воркованию голубя на заборе, он прикрыл глаза. Ветер принес теплый воздух с полей, вспаханных и ждущих обновления. Старик глубоко вдохнул этот воздух и открыл глаза. Открыл и обрадовался, потому что увидел маленький росток ореха. Росток с двумя листочками, омытыми дождем, покачивался на ветру, как бы желая сделать первые неуверенные шаги по двору.

Старик присел на корточки и приветствовал будущее деревце так же тепло и искренне, как приветствуют друга в чужом городе:

— Ассалям алейку-ум! Добро пожаловать... Молодец старик-орех, позаботился о потомстве... Я же мог и тебя погубить, дурная моя голова, завалил бы ветками твоего деда и все — взял грех на душу! Но, скажу тебе, братец, место у тебя нехорошее. Завтра здесь будет полным-полно людей, и как бы тебя не растоптала чья-нибудь пьяная нога...

Молодой орех в ответ только затрепетал на ветру, купаясь в лучах солнца.

Старик опытным взглядом осмотрел почву во дворе, затем бережно выкопал деревце и перенес ближе к забору, на самое солнечное место, и посадил там.

— Ну, а теперь продолжай жизнь своего деда, красного орехового дерева. Пусть твоя судьба будет счастливой... Живи на славу.

Теперь уже старик совсем успокоился: природа, решил он, сама позаботилась о своей непрерывной жизни. Туляган снова закрыл глаза, отдаваясь приятному чувству умиротворения.

Но тут он услышал, как кто-то подкрался к нему и осторожно прикоснулся к его бороде.

— Дедушка, можно, я расчесу вам бороду? — раздался детский голос.

Думая, что все это ему просто померещилось, старик не открывал глаз, боясь разочарований. Но тут кто-то коснулся его колен, и старик прошептал имя всевышнего, увидев незнакомую девочку лет трех, стоявшую возле него с большой расческой.

— Ты во сне явилась или наяву? — еще больше изумился старик, видя, что девочка точь-в-точь, как две капли воды, похожа на Халнису. Даже родинка на щеке и большие карие глаза...

Пока старик ее разглядывал, девочка, осмелев, стала расчесывать бороду Тулягана, трогательно и неумело, спрашивая поминутно:

— Дедушка, а вам не больно?

— Нет, доченька, нет, — шептал он, давая волю радостному и светлому чувству, которое нахлынуло на него.

— Не больно? Тогда почему вы плачете?

Старик улыбнулся и, смахивая слезы, пытался объяснить:

— Да нет, просто соринка попала в глаз...

Он нежно и бережно поднял девочку и посадил ее на колени, но потом вдруг очнулся, осознав, что эта девочка не может быть его Халнисой.

Пересилив душевную боль, он спросил:

— А где ты живешь, доченька?

Девочка показала рукой в сторону забора, и старик сразу подумал о женщине, которую видел в соседнем дворе.

— А где мама?

— На работе. А я хожу в садик, — затараторила девочка. — Я иду туда с мамой, а домой возвращаюсь с папой. Но сегодня я пришла сама... Обманула! Обманула! — вскочила и запрыгала вокруг старика девочка. — Я еще маленькая, видите? А улица большая. Меня привел Рустам-ака... Мама придет вот через столько, — показала девочка все свои пальцы, потом подумала и показала только мизинец. — Нет, через час...

Девочка продолжала еще что-то говорить, но старик не слушал, он поднял девочку на руки и прошептал в задумчивости:

— У Халнисы родинка, кажется, была на правой щеке... А может, на левой? — Он пытался вспомнить, но не мог, и, чтобы продлить радость, старик осторожно при-

жал девочку к груди. От девочки исходил точно такой запах солнца, трав и материнского молока, как когда-то от его Халниси...

— Боже мой! — только и мог прошептать старик Туляган, когда все его существо затрепетало от радости и горечи, от всего того, что наполняло его душу горячей надеждой...

РАССКАЗЫ

СОБЕСЕДНИКИ

КАК ХОДЖАМКУЛБИЙ НА СЫРДАРЬЮ БЕЖАЛ

Обычно Шер остается дома с дедушкой: отец и мать на работу уходят.

Шеру нравится выходить на большую улицу и разглядывать автомашины, снующие туда-сюда. Дедушка не спеша ведет его за руку, или, вернее, он ведет деда. Так вдвоем они и бредут. Дедушка-то хоть и большой, а совсем согнутый и ходит с трудом. Потом дедушка раздвигает складной стульчик, который носит под мышкой, прислоняет его к стене дома и садится. Маленького Шера он держит между коленами.

Шер в автомобилях разбирается прекрасно.

— Смотри, смотри, «Волга»! А вон «Москвич»! — то и дело вскрикивает он.

Но, конечно, дедушка не успевает руку поднять, ладонь козырьком к глазам приложить — машина уже промчалась.

Однажды не довелось им пойти гулять, — дедушка заболел. Теперь с кровати он не встает ни днем, ни ночью. Даже умывается в постели. Мама держит кувшин, поливает, а Шер стоит наготове с полотенцем.

— Спасибо, родимый! — благодарит дедушка, вытерев лицо и руки.

Дедушка плохо ест.

Иной раз Шер незаметно вытащит из касы мозговую косточку — и к деду. Но тот лишь головой покачает. Долго глядит на мальчика и шепчет:

— Ну, в точности я...

— Дедушка, ешь же! — спрашивает Шер. — А то так и будешь болеть... Я помню, ты мог две касы съесть.

— Я не Ходжамкулбий.

— А кто это?

— Человек. Только на верблюда похож.

— На верблюда?!

— Ну да. Я вот как ты был, жили мы в Ичкенте...

— Это чего — Ичкент?

— Ты разве не знаешь?

— Не-е...

— Тогда знай себе слушай. Ичкент — это Ичкент. Наш старый кишлак. Он был огражден со всех сторон высоким дувалом, а в дувале — ворота. Их на ночь изнутри бревнами подпирали. На крышах домов камни сложены: пусть, мол, только враги нападут, камнями забросаем!

— Дедушка, дедушка, эти камни Ходжамкулбий во врагов кидал?

— Ха-а, да ему брюхо от земли было не оторвать! — Дед на кого-то вроде рассердился. — Не-ет, Ходжамкулбий по ту сторону ворот полеживал себе на плоском камне, на кошме. Туда еду приносили ему, там и ел.

— По две касы сразу?

— Погоди, — дедушка тихонько положил руку Шеру на спину. — Я сам видел: двое слуг принесут ему огромную миску нарына. Густого, горячего, лапша белая, козина жирная мелко крошена... Принесут, встанут по обеим сторонам. И руками ему в рот суют... Сам видел.

— А если ему не помогать, сам есть не будет?

— У него, вишь ты, живот был большущий. Оттого он и не мог наклониться. Такой толстый живот, что свисал ниже колен.

— Ой-ей!..

— Верно говорю, сынок. Я вот с тебя тогда был, так мы, когда Ходжамкулбия кормили, собирались у дверей на площади... чтоб поглазеть.

— Дедушка, ты и мне покажи, ладно!

— Так ведь, сынок, Ходжамкулбий знаешь когда помер? Давно. Люди его тогда дубинами в Сырдарью загнали.

— За то, что ел много?

— Нет...

— А за что же?

— Э, милый мой, было за что... Как люди говорят: между сытым да голодным чего только не случается... Был я тогда ростом с тебя. Однажды собрались с дубинами ичкентцы да из окрестных кишлаков. Пришли, сгрудились у ворот, где Ходжамкулбий всегда лежал на кошме. Вдруг слышим, кричат: «Да он удрал!» После

я, когда подросток узнал, как дело было. Задумал Худаярхан свое войско принарядить и обложил народ налогом. Ходжамкулбий сейчас же распорядился: а ну, мол, живее подавай налог! Но тут вышла заминка: иной раздобудет вату да материал — сшить-скронтить не умеет, а другой бы сшил, да не из чего, и купить не под силу... Ходжамкулбий взбеленился — куда там! Один бедняк и скажи: откуда, мол, взять... Схватили его, на площади пинками избили до того, что умер, горемычный... Тогда-то переполнилась чаша терпения у народа, схватились за дубины. А Ходжамкулбию донесли соглядатаи, удрал ведь, окаянный! На Сырдарье в камышах схоронился...

Шер слушает дедушку внимательно. Перед глазами у него возникает Ходжамкулбий с шершавым, будто глиняная миска, лицом, с огромным ртом, куда отправляются целые касы нарына, и рыхлым животом, провисающим ниже колен...

Он долго стоит рядом с дедушкой, потом склоняет голову к нему на колени и спрашивает, уже сквозь дрему:

— А он все-таки по две чашки съедал, правда?

КАК ДЕДУШКА В ШКОЛУ ОПОЗДАЛ

Шер сквозь сон услышал: кто-то его окликнул по имени. Шер вскочил, босиком побежал в соседнюю комнату.

— Чего, дедушка?

— Не опоздай, внучек.— Старик приподнял голову над подушкой.— В школу не опоздай.

— Дедушка, ты забыл? Это братишка в школу ходит. Я ведь еще маленький.

— Маленький, говоришь? А я вот с тебя был, нет, чуть побольше... Так я уже ходил в школу-то.

И дедушка после этих слов положил голову на подушку, поглядел в потолок и тяжело вздохнул. Чего это он?! Шер не мог понять. Будто жалеет о чем... Все так же глядя в потолок, дед стал рассказывать, будто сам себе:

— И ведь как-то раз опоздал я в школу, да...

— Дедушка, ты всегда вставал так рано?

— А тогда, вот ведь беда, сон такой был крепкий, никак не проснуться... Мама моя...— голос деда задро-

жал и прервался. Шер глазам своим не верил — бабушка плачет!

— У тебя болит чего-нибудь? — Шеру стало жалко деда.

— Ага, верно, болит... — закивал головой дед и вытер глаза полотенцем. — Ну, мама, аллах ее прости, и подумала: пусть, мол, сын поспит еще чуточку... Пожалела меня да и не стала будить. Уж такая была мягкосердечная! Ну, проснулся я, глядь — солнце уже в окно смотрит. Как я теперь явлюсь к господину домулле? Опять будет орать что есть мочи: «Сгинь, окаянный! Чтоб я неумытой рожой твоей не видел!..» Заплакал я и — матери: «Что не разбудила?..» — У бабушки поползли кверху лохматые брови, а нос начал вздрагивать. — Разобиделся я на мать, да и побежал в школу не евши. А она схватила кукурузную лепешку и за мной следом... Так и проводила до самой калитки. Глупый я был — не обернулся, не взял ведь лепешку-то... До сих пор жалею, как вспомню... С тех пор она меня стала будить до рассвета: мол, не опоздать бы в школу сыночку моему...

— Я, бабушка, никогда в школу опаздывать не буду!

Дед положил костлявую руку ему на голову, зашептал одними губами:

— Право слово, такой же я тогда был, как ты сейчас.

КАК ПЕГУЮ КОРОВУ КУПИЛИ

Утром Шер гонял из угла в угол свою маленькую пожарную машину и гудел, подражая сиренам. Бабушка, лежавший, как обычно, в постели, попросил молока.

— Бабушка, молока нет, — ответил Шер.

Что нету молока, Шер знал очень хорошо. Встал он утром, видит: молочный кувшин перевернут вверх доньшком. Значит, пустой. Обычно перед уходом на работу мама кипятит молоко и ставит его в холодильник в этом кувшине.

— Была бы своя корова... — протяжно сказал бабушка.

Шер удивленно посмотрел на него.

Вообще бабушка иногда говорит странные вещи. Как-то пошли в баню. Бабушка приустал, остановился отдохнуть раз, другой, а потом вдруг проговорил огорченно:

— Ведь вот нету ишака, чтобы в баню съездить!.. Об этом случае Шер отцу рассказал, а тот посмеялся: — На ишаках ездят в кишлаке. В городе они ни к чему.

Должно быть, коровы тоже водятся только в кишлаке.

Пока Шер об этом раздумывал, дедушка расстегнул на себе воротник рубашки и принялся растирать грудь.

Шер сел к деду на кровать, ладонь приложил к его груди.

— Здесь болит?

Доктор, когда выслушивает, всегда задает такой вопрос.

— Здесь...— отвечает дедушка и морщится.— Сейчас бы выпить касу молока, полегчало бы сразу.

Шер завертелся на месте, поглядел туда-сюда... Эх, вот когда нужно молоко, а его и нет!

А дедушка уже рассказывал о том, как он корову пас. Глядя в потолок, невесело улыбался.

— Был я такой, как ты сейчас, и пристал, значит, к отцу: давай купим корову. А то как же — все мои сверстники каждый раз выходят по вечерам на самый конец улицы, когда стадо пригоняют, разбирают своих коров — и по дворам... Уж я им завидовал! Вот, думаю, обзаведемся мы коровой, и я так же выйду встречать стадо вместе со всеми, а потом погоню свою корову к себе домой...

Шер слушал дедушку, стараясь не пропустить ни слова.

— Как-то под вечер,— продолжал дедушка,— отец нагрузил зерном двух верблюдов и отправился в город, на базар. На другой день прихожу я из школы — отец уже вернулся. Оказывается, купил корову, ее уж и в стадо отогнали. Я от нетерпения прямо не знал куда деваться; не дожидаясь вечера, побежал на край кишлака — оттуда всегда стадо гнали.

Солнце закатилось. Гонят стадо. Все стали своих коров домой загонять. Я нацелился на одну корову — сытую, с выменем словно полная торба... Вот эта, думаю, моя.

А пастух своей палкой показал мне корову, идущую в самом конце стада, и сказал: «Вон она, твоя». Подбегаю ближе, смотрю: коровенка-то худушая, ребра все на-

ружу, сосчитать можно, да пегая вдобавок. Неужели, думаю, я такую корову просил? И заплакал от обиды. Ну, потом, чтобы мальчишки не засмеяли, взял и отогнал я эту корову в поле, да и просидел там, пока не стемнело. Мал еще был... Где было понять, что у отца денег не хватило, чтоб получше корову купить...

КАК ЗА ЧЕТЫРЕ МЕШКА ДЫНЬ ОДНУ ДЕНЕЖКУ ДАЛИ

Однажды Шер пришел в комнату деда с дыней «кокча» в руках. От скрипа двери дедушка проснулся и увидел Шера с дыней.

— Давай разрежу,— предложил мальчик.

— Ешь, ешь, сынок! Я, когда был с тебя, ого, сколько их поел — и «кокча» и «хандаляк»...

— Очень-очень много?

— Мно-о-го... У нас на бахче их лежало — будто камней в реке.

Дедушка приподнялся в постели, оперся на подушки и наклонился к Шеру:

— Бывало неохота идти в школу по улицам, пустишься бежать кружным путем — по тропке, через поле. А наша бахча как раз тут же, с краю. Ну, и навернешь бывало...— Дед прищурил глаза и скорчил озорную гримасу. Шер рассмеялся.

— А потом?

— Потом? Тут уж и давай прыгать с грядки на грядку, все стебли переберешь. Иной раз от росы штаны до самых колен намокнут.

Шер смотрит на свои штанишки. Они не достают до колен.

— Дедушка, а ты, значит, не носил таких штанов коротких?

— В то время, сынок, таких не носили... Мы ходили босиком, а штаны были длинные. Да-а... Промочил, значит, я однажды штаны, дрожу от холода. А дыни-то уже созрели, каждая будто кричит: съешь да съешь меня! Ну как тут пройти мимо? Присмотрел я одну — «шакарпалак», тонкая сеточка на кожуре... Дернул, оторвал от стебля, тут она как треснет — и разломилась!

— Сладкая была дыня?

— Ого, какая сладкая!

— Как сахар?

— Как сахар... Или нет — уж не помню. Слаще всех сластей.— Дедушка вздохнул. Он лежал на спине и говорил совсем тихо.— А еще бывало: сорву маленькие дыньки да в сумку с книжками. Так с ними и бегал.

В это время Шер разрезал дыню.

Отрезал ломоть и скорее в рот. До того увлекся — даже не заметил, как закапал себя соком.

— Ешь и ты! — сказал Шер и протянул деду кусок дыни, отрезанный криво, как попало.

— Да-а...— вздохнул дедушка.— Хороши дыни уродились в тот год!.. Поел я их до отвала. А ты ешь, ешь, сынок!

— Так много? — развел руки Шер.— Вот столько, да? Старик утвердительно кивнул головой.

— И утром и вечером ел?

Дед улыбнулся в бороду.

— А чего не могли съесть, продавали. Отец мой, царство ему небесное, помню, четыре мешка заполнил, на верблюда погрузил и говорит мне: «Вези к скупщику Эрмату, что у базарбаши служит. Пусть даст за них настоящую цену». Был у нас верблюд, голова в аршин, шея в три аршина. Такая была проворная животина! Если арык на пути — не вброд перейдет, непременно перепрыгнет. Вот на нем я и погнал к базарбаши. Эрмат-скупщик был кругленький человечек с белым лицом. Всегда сидел в своей лавочке...

Завидел он меня, кричит: «Привез?» Я обрадовался: «Привез,— говорю,— дяденька. А цену чтоб вы сами назначили...» Эрмат снял мешки с верблюда, высыпал дыни, оглядел. «Зеленые,— говорит,— все! Какая им цена?» Я так и обомлел... Как?! Любая дыня с лошадиную голову, сладкие до того, что язык проглотишь... Лучшие сорта: амири, шакарпалак, босвалды, кокча... А оя — зеленые! Я с тебя тогда был... Нет, побольше вроде... «Дяденька Эрмат,— кричу,— что вы говорите? Не зеленые вовсе...»—«Иди, иди!»— отвечает он мне, а сам рассердился.— Голова с кулак, а туда же...»

Дед тяжело вздохнул, помолчал немного.

— Потом достал что-то из кошелька, протягивает мне: «На, отвези отцу. Ладно уж, раз ты знакомого моего сын, так и быть, возьму твои дыни. А то бы не взял.

Куда они годятся? Побились в дороге, продавленных вон сколько... Двух дней не пройдет — протухнут, прогоркнут». Совсем я сконфузился: как же это, думаю, дыни-то в дороге побились у меня? — Дед сокрушенно покачал головой. И в глазах у него Шер увидел печальную улыбку.

— Дедушка, дедушка! — затормошил его Шер. — А что тебе дяденька скупщик дал? Скажи скорее! Кунжутной халвы комок, да?

— Он мне дал денежку одну... Таньга называется.

— А ее нельзя есть? — насупился мальчуган.

— Нет, нельзя, — дедушка погладил внука по головке. — Отец мой покойный положил эту денежку себе на ладонь, да так и застыл на месте. Денежка... за все дыни, что на верблюде едва свезли! За дыни, что мы растили месяцами, землю ковыряли, отдыха не знали!

— Дедушка, дедушка! — Шер от радости запрыгал, уронил на пол свое полотенце, которым руки вытирал. — А я видал верблюда! Большой-большой! Лапы толстые, будто свежие лепешки. Когда мы с отцом на базар ездили...

Дедушка вдруг схватился за грудь.

— Что, дедушка, опять больно, да? — Шер начал своей ручонкой растирать деду грудь. — Здесь давит? А здесь?

И дед послушно кивал головой. Да, мол, и здесь, и здесь тоже...

КАК ОДНАЖДЫ ДЕДУШКА ПРОУЧИЛ ЖАДНОГО ХОДЖУ...

— Шер! Эй, Шербек! — позвал дедушка, не вставая с кровати. — Где ты, детка?

— Здесь я, — отозвался Шер из соседней комнаты.

— Ты что там делаешь?

— Дело делаю!

— Какое дело?

— Дело как дело. — Шер вошел в комнату деда, держа в руке лист бумаги.

— Занимался, говоришь, делом. Ах ты мой молодец-удалец! — Дед, приподнявшись на кровати, погладил внука по голове.

— Вот, я рисовал. Смотри, это самолет, Летчик

сидит во-от в этой кабине. Р-р-р-реактивный! — Шер закружился, расставив руки в стороны.— Р-р-р!

— Постой-ка немножко. Найди мой посох.

— Вот он.— Шер подал деду трость, прислоненную к спинке кровати.

— Дай бог тебе счастья в жизни. Расти большой-пребольшой!

— Ладно. И ты, деда, тоже будь большим-пребольшим,— ответил Шер.

— Э-эх, если бы сейчас вдруг сбылись твои слова, и превратился бы я в сильного джигита...— вздохнул старик.

— А ты будешь таким.

— Да нет, был уже.

Дедушка накинул чапан из адраса и вышел с помощью Шера во двор. Солнце стояло еще высоко, хотя уже наступила осень. Веял теплый приятный ветерок, совсем как весной. Старик стал против солнца, закрыв глаза. Ветерок трепал его седую бороду, щекотал его голую грудь.

Через некоторое время он открыл глаза — в них были слезы.

— Дедушка, дедушка! — Шер испуганно задергал его за рукав.— Почему ты плачешь, из-за чего?

— Отчего же мне не плакать, посмотри вокруг.

Шер огляделся по сторонам: высоко над головой светятся под лучами солнца золотистые кисти винограда. Посреди двора яблоня, которая «наплодила себе на голову», как выражается мама: яблоч на ней тьма-тьмушная, кажется, ветви не выдержат тяжести и обломатся. У Шера слюнки потекли.

— Деда, сорвать тебе виноград?

— Спасибо, нет.

— Хочешь яблоко?

— Хе-е, светик, где у меня зубы для яблок? Скажи-ка, ты посадил эти деревья?

— Я же еще маленький.

— А-а, тогда твой отец посадил их?

— А я — саженцы!

— Да? Вот молодчина... Молодец!

— И еще — семячко лимона!

— Ведь и я вырастил в своем кишлаке сад. Косточки закапывал в землю, зеленые росточки выхаживал, те-

перь они большими деревьями стали. Попадется где хорошая урючина или яблоня, тут же срезаю черенок на прививку...

Тут Шер заметил, что дедушка, опершись на посох, чему-то тихо-тихо засмеялся: Шер, засуетившись, стал щупать голову — как бы вон те воробьи на ветке не сделали еще чего такого... Но нет, голова чистая, если не считать желтого листочка, запутавшегося в волосах.

Он затормошил деда:

— Ты почему смеялся, а?

— Где моя скамейка?

— Ну расскажи...

— У меня колени дрожат. Или ты думаешь, что у меня ноги такие же сильные, как у тебя? Нет у меня уже прежних сил.

— Ты расскажешь, если скамейку принесу?

— Принеси, я сяду, а потом...

Дедушка еще не договорил до конца, как Шер уже успел сбегать за скамейкой.

— Скажи, сынок, тебе никогда не приходилось воровать черенки? — спросил дед, усаживаясь.

Внук не понял вопроса, удивленно посмотрел на все еще улыбающегося старика. И что такое черенок? Его можно есть? И зачем надо воровать черенки?

— Пусть простит внучек, но я воровал.

Шер удивленно уставился на деда. Не может быть! Ведь разбойники выглядят совсем иначе. Он знает их по сказке «Али-баба и сорок разбойников»: огромные уши торчат в разные стороны, один глаз обычно скрыт под черной повязкой, другой зловеще светится, в руках — кривой кинжал. Еще приснится такой — сердце замирает от страха. И вдруг дедушка... Да он ни капельки не похож на них!

— Молод был я тогда, — покачивая головой, начал дедушка. — В те времена самый большой сад в кишлаке принадлежал Абдулазизу-ходже. Сейчас колхозу принадлежит, видел ты, наверное? Не видел? Ну, когда будешь в кишлаке, обязательно сходи. Удивительный это сад. И вот в том саду, в самом его центре, росли две черешни. Бай-бай-бай! Когда поспевала эта черешня, каждая ее ягода была величней с орех, а цвет-то, ой, какой был цвет — ярко-красный, как рубин! Ветви усыпаны, словно бусины нанизаны одна на другую!

— Деда, а, деда, а ты их ел?

— Да... Нет. Потом...

— А они сладкие?

— Ты выслушай меня сначала до конца. Да, в том нашем кишлаке много росло черешен, но такой я не видел нигде. Говорят, Абдулазиз-ходжа привез саженцы из каких-то далеких стран, когда ездил в Мекку паломничать. Где бы наши садоводы ни встретились ненароком, обязательно заходил разговор о черешне. Так и притягивала она взоры каждого прохожего, никто не мог пройти мимо нее спокойно. Слава о ней разнеслась далеко. Все мы пробовали просить черенки. Не давал никому, скупердый! «Ну, погоди»,— решил я про себя и спрятал в глубине души одну думку.

— Что ты спрятал, деда?

— Задумал проучить жадного ходжу.

— А я подумал, что ты нарвал черешни, в пояс спрятал.

— Хе-е, он таким, как мы, и косточки черешневой не давал.

Шер было опять открыл рот, но дед жестом остановил его:

— Не перебивай меня, детка, дай я дорасскажу. Абдулазиз-ходжа направился в мечеть на вечернюю молитву, да повернул назад с полпути. Ворота его дома были закрыты. Побоявшись лишний раз протирать дверной косяк, он стал звать домашних, не открывая двери.

— Что, отец? — спросила дочь, выглянув в щелку ворот.

— Лампа в гостиной не должна все время гореть, ты же знаешь, сколько стоит банка лампадного масла,— сказал ходжа своей дочери.

— Я ее потушила, отец. Стоило вам беспокоиться из-за этого, только зря стерли кожу на подошвах кавушей, когда шли обратно.

Отец ее, стоя на улице, отвечал на это:

— Не огорчайся, дочка, я подумал и об этом: снял кавуши и понес их под мышкой.

— И его никто не ругал за то, что он шел босиком по сырой земле? Ведь заболеть мог! — удивился Шер.

— Вот таким скупым человеком был этот Абдулазиз-ходжа. А ты еще думаешь, что я у него мог черешни набрать. Говорю же тебе, не то что черенок, пруди-

ка ее не разрешал брать, близко к дереву не подпускал. Потому-то я и решил наказать его.

Растаяли снега, на деревьях начали набухать почки. И вот однажды ночью я перелез через «крепость» в усадьбу Абдулазиза-ходжи. Темно было, но я все днем рассчитал. Пробрался к дереву, быстро нарезал целую охапку веток. «Это мечь за жадность»,— говорил я себе. Утром черенки раздал друзьям-приятелям — садоводам, сам привил к четырем вишням. У меня все черенки принялись, через несколько лет начали плодоносить, и у остальных тоже дали урожай. Ох и обозлился Абдулазиз-ходжа, поняв, в чем дело!

Так что уж прости деда, что в молодости такой грех взял на душу,— закончил, улыбаясь, старик свой рассказ.

Шер задумался. Разве грешно наказывать дурного человека, делая добро многим другим людям?!

КАК ВЫЛЕЧИЛИ У ЛАСТОЧКИ КРЫЛЬЯ

Шер вышел из дому. Только начал спускаться по лесенке, видит: чуть поодаль из арыка пьет воду, закидывая вверх головку, какая-то маленькая птичка. Пьет, ничего не замечает. А к ней тихонько крадется пестрая кошка. Уже всего шага три осталось...

Совсем растерялся Шер. Заспешил по лесенке, то и дело поглядывая то на птичку, то на кошку. Вот он уже внизу, бежит к арыку — но и кошка скользит по траве все быстрее и быстрее... Прыжок! Пестрое кошачье тело мелькнуло в воздухе... Птичка: «Чир-р-р!..» — и к Шеру, но не полетела, а как-то запрыгала по земле. А он тоже растерялся, закричал:

— Дедушка!..

Тотчас окно с треском распахнулось, и показалась дедушкина седая борода. Шер бегом к нему.

— Что такое?— встревоженно спросил дед.

— Вон, смотри!— Шер показал на кошку, потом огляделся: где же птичка? И совсем удивился: птичка у него на плече сидит! Сердечко у него так и забилося.

— Что ж ты, внучек, испугался?— спросил дедушка с укором. Но потом улыбнулся:— Не бойся, милый. Она тебе ничего плохого не сделает.

Шер застыдился — покраснел, насупился. Кошка между тем не отставала, прыгала у самых ног мальчика, хотела достать птичку лапой. А та сидела и почему-то не улетала прочь.

Шер поднялся на веранду, потом побежал в комнату.

— Смотри же, дедушка! — Птичка по-прежнему сидела смирно. Шер взял ее рукой, посадил себе на ладонь, внимательно оглядел со всех сторон. — Смотри, кошка чуть-чуть ее не съела...

Ему очень хотелось сказать деду: это я, мол, сам поймал птичку... Но он сдержался, вспомнил, как дедушка говаривал не раз: «Только нехорошие мальчики врут!» А он, Шер, разве нехороший мальчик?

И Шер рассказал деду все как было. Дедушка осторожно взял птичку обеими руками, оглядел крылышки, лапки.

— Ага, да ведь это ласточка... Бедненькая, — покачал он головой. — Так вот почему ты не улетела, от стаи своей отбилась... Крылышко тебе вывихнул какой-то бессердечный человек. Что же ты теперь делать-то будешь? Осень пришла, а тебе в теплые края не улететь...

А Шер принялся трясти деда за рукав:

— Дедушка-а!.. Дедушка же! Чего ты с ней разговариваешь? Она ведь не понимает! И языка у нее нет...

— Как же так не понимает, милый? Если доброе слово, кто хочешь поймет — хоть пташка, хоть букашка. Или вот ласточка... Ну как же, если б у нее языка не было, смогла бы она хитрую осу наказать? Помнишь, как дело-то было?

Шер задумался, стал вспоминать... Потом как вскочит, от радости в ладоши захопал:

— Ну да, помню! Это я знаю!.. Оса укусила человека и поняла, что мясо человека самое сладкое в мире, и полетела об этом сказать царю змей — илан-шаху. А ласточка ей наперерез.

— Ой, потише, внучек, я ведь не совсем еще глухой...

— А в это время ласточка выслушала осу: «Говоришь, мясо человека слаще всего в мире?» — «Да, — отвечает оса, — мясо человека». — «Ого, язык у тебя вкус различает. А ну-ка, покажи его!» Оса язык высунула, а ласточка — клювом. И осталась оса без языка.

Ничего сказать не может, только гуинг, гуинг, гуинг... Видишь, я знаю! Ты, дедушка, рассказывал...

— Верно. Молодец! Так что же, значит, ласточка — человеку друг?

— Ага. Друг.

— Вот умница, правильно! Не только ласточка — любая птичка друг человеку. Птицы очищают сады наши, огороды от разных вредных червячков и мошек. И ты хорошо сделал, что ласточку от кошки защитил.

Шеру очень нравилось, когда дедушка хвалил его.

Он сел у окна, стал поджидать, когда старший братишка возвратится из школы. Очень уж хотелось поскорее рассказать, что тут случилось. Пришел, наконец, братишка, и Шер все ему выложил и ласточку больную показал.

Брат же не стал медлить, взял ласточку и снес к доктору, который всяких животных лечит.

...Десяти дней не прошло — уже эта ласточка стала на своих крылышках легко вспархивать то на подоконник, то на кровать, то снова к Шеру на плечо. И до того весело щебетать начала! Шер и дедушка прямо не налюбуются, не наслушаются.

— Бай-бай-бай! — то и дело покачивал дед головой. — В прежние-то времена человек и тот помирал безропотно от болезни какой ни на есть... Мол, бог дал, бог и прибрал! А теперь чуть что — тут тебе и доктор. Вон даже ласточку и ту к доктору понесли!

Шер слушать-то слушает дедушку, но всего никак не может взять в толк. Одно понимает, у деда настроение поднялось, когда ласточку вылечили.

Как-то ласточка все трепыхалась у окна, об стекло билась. Дедушка поймал птичку и говорит Шеру:

— Надо, сынок, ее выпустить на волю. Видишь, охота ей к братьям да родичам своим.

Эти слова Шеру не понравились. Очень уж привык он к ласточке.

— Ну-ка, милый, — сказал ему дедушка в другой раз и поднялся с кровати, ноги свесил. — Помоги мне выйти наружу.

Шер бегом кинулся в прихожую, принес дедушке га-лоши, палку подал в руки.

— Спасибо, — поблагодарил дедушка. — Теперь выведи меня. Авось подействовало, что доктора-то пропи-

сывали... Так я теперь и сам крыльями взмахну не хуже твоей ласточки.

Вот уж тут Шер удивился! Взглянул на деда: высоченный, хоть и согнутый в поясице, в белой рубахе и белых штанах, галоши на босу ногу, белая борода всю грудь закрыла... Да разве такую громадину поднимут ласточкины крылья?

— А что, дедушка, ты разве птичка?— засмеялся Шер.

Вышли на веранду. Дедушка спиной к столбу приклонился. И стал глядеть на солнышко осеннее. Будто медное блюдо, повисло оно среди ветвей разросшейся урючнины, что в соседнем саду.

А Шер бегом скатился с лесенки. И давай барахтаться в опавших листьях. Красивые они, разных цветов — и желтые, и оранжевые, и светло-коричневые. Потом поднялся к деду. И вот стоит не шевелясь, глядит в одну точку. Что там такое? Оказывается, громадная птичья стая. Как раз в это время солнце заслонила. И солнце будто катится от одного конца стаи к другому. А чуть пониже — крыши железные красные. И белые дымки поднимаются кое-где из труб.

Шер почувствовал: дед положил свою ладонь ему на голову. Поднял Шер глаза на деда, а тот говорит тихо, ласково:

— Сынок, ты отпусти ласточку на волю. У нее, наверное, мама тоже есть. Ждет небось...

У Шера в горле запершило. Сам не помнит, как подбежал к окну, на подоконник взобрался, распахнул обе створки. Ласточка фр-р-р — и улетела, прямо к урючине в соседнем саду. А потом — к солнцу.

— Лети, лети, бедненькая! Догоняй своих...— сказал дедушка, провожая ласточку глазами.

— Дедушка! А, дедушка!— позвал Шер, но дед не расслышал, наверное, и опять свое:

— Лети да расскажи всему миру о тех руках заботливых, что крылья тебе вернули!

— Ну, дедушка же!— Шер потянул его за рубаху.

— Что, милый?

— А ласточка меня не забудет?— И Шеру вдруг захотелось расплакаться.

— Нет, светик мой ясный!— Дед погладил Шера по стриженной головке.— Птицы доброго не забывают.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

— Собрание закончилось!— заведующий кафедрой доцент Арифи пожал плечами в знак того, что помочь не в состоянии.

Фарида застыла на пороге, не зная, что делать — войти или повернуть назад. Опоздала...

Акыл Арифович произнес эти слова с чуть приметной доброй усмешкой. И от этого Фарида смутилась еще сильнее. Она опустила голову.

Арифи мельком, искоса глянул на сконфуженное, виноватое и совсем простодушное личико своей дипломантки — и сердце у него разом смягчилось. «Наверное, далеко живет, а городской транспорт — дело известное... Да и девушка симпатичная, ничего не скажешь. Лишние пять минут перед зеркалом — вот и опоздала».

Он взялся за бумаги, что лежали у него на столе.

— Да-да-а... Так какую же тему вам предложить?

Доцент снял очки, повертел в руках, стекла протер. Опять водрузил на переносицу. Еще раз просмотрел список тем.

— Итак, подумаем, да-а... Значит, девушка милая... Вы напишете... творческий портрет молодого журналиста. Проанализируете то, что он напечатал, — очерки, газетные статьи. Биографию надо подать интересно. Кто будет ваш герой — выбирайте!

— Спасибо, домулла!— с облегчением вздохнула Фарида.

— Спасибо через три месяца скажете.— Арифи по обыкновению нахмурил брови, но глаза его светились добродушно.— Три месяца — это срок достаточный. Пока пройдете практику в редакции газеты, а там, смотришь, и дипломная работа готова.

— О, спасибо, домулла!

И Фарида, простившись, выскользнула из кабинета.

Новые заботы, но на душе радостно.

Она сбегала вниз по лестнице и прикрывала ладонями раскрасневшиеся горячие щеки. И не переставала ругать себя. Случалось, она опаздывала на лекции доцента Арифи. Но опоздать на преддипломное собрание...

«Новая кинокомедия. Первый день на нашем экране!..» Фарида замедлила шаг. Ребята и девушки их группы, конечно, все уже тут. Пойти? Нет, не время! Она свернула вправо и пошла через дорогу.

Вот едет она в трамвае. Смущение, только что пережитое в кабинете завкафедрой, исчезло. Девушка напряженно думала, о ком и о чем она будет писать.

Кто-то на нее украдкой посматривает. Фарида почувствовала это сразу. Она чуть обернулась, внутренне усмехнулась. Вот об этом парне написать бы очерк... У него сильные рабочие руки, умные, глубокие глаза. Наверное, днем работает, вечером учится. Этого парня она видела уже много раз — то по утрам, когда спешила в университет, то вечером. И всегда он так посматривает украдкой... А стоит ей взглянуть на него, отводит глаза.

Фарида откровенно улыбнулась и перестала смотреть на парня, чтобы не смущать. Вот рядом с ним женщина болезненного вида, худощавая, с волосами цвета соломы. Она недовольна чем-то. А вон тот толстый мужчина тоже часто встречается в трамвае. Дремлет. Лицо блаженного. Да. Много знакомых лиц.

Фарида рассеянно выглянула в окно — по аллее идут парень и девушка. У нее — длинные-длинные косы. Даже завидно... Сама тоненькая, изящная — загляденье! Зато парень... Несуразный, долговязый — настоящая стрекоза желтая! Фарида улыбнулась: до чего похож. Гляди-ка, они смеются! В целом мире не отыщешь сейчас людей более счастливых, чем эти. Опять же — можно написать об их счастье. Да и мало ли о чем можно написать? Однако домулла ведь ясно определил тему... Молодой журналист — герой ее дипломного очерка... Вспомнила! Это будет Расул Сулейман, автор сборника, недавно прочитанного и пришедшегося ей по сердцу. Решено! Фарида обрадовалась, точно ребенок, внезапно нашедший игрушку, которую потерял.

И она принялась лихорадочно вспоминать все, что когда-то читала из написанного этим талантливым очеркистом. Рассказы в журналах, статьи в газетах, фельс-

гоны... Когда пришла домой, перечитала книжку Расула Сулеймана. Лишь за полночь поднялась из-за стола. Интересно пишет. Все будто согрето теплом сердца... Значит, сердце чистое, горячее! Чистое...

Тут Фарида задумалась: она никогда не видела автора книжки. Разве мало таких людей, о которых говорят: на устах — мед, на сердце — лед? Ведь этот Расул Сулейман, по существу, загадка для нее...

...Проснулась Фарида в превосходном настроении. Из сада доносится беспечное чирканье воробьев. Вдруг что-то спугнуло их. Тишина. Вот натужно заскрежетала дверь, она всегда открывается с таким замысловатым скрежетом. Маленькая зеленая дверь на противоположной стороне улицы. Сейчас из нее, как всегда, выходит, пригибаясь, хозяин дома, высокий плечистый мужчина в комбинезоне. Он спешит на работу — на завод. Снова все тихо кругом.

Но утренняя тишина неустойчива. Вот керосинщик рекламирует свой товар, направляет свой рупор в окна, в калитки. Сегодня он явился, пожалуй, раньше обычного.

Перед глазами у нее возникла перепачканная керосином и мазутом телега, на ней бочка с белой надписью «Керосин», пара ленивых лошадок гнедой масти, приземистых — казахской породы. Наверное, как обычно, керосинщик остановился у арыка, под акацией. Лошадки стоят понурые, сердятся: передышка, а хозяин корму не дает... Керосинщик, высокий мужчина, сидит на своем месте сгорбившись и пускает дым крепкой сигареты. Тем временем его подручный, кругленький, пухлый, в засаленной тюбетейке, бредет в разбитых сапогах по улице, переваливаясь. Направляет свой рупор в окна, в калитки — и кричит. Покупателей, однако, не видать, и бедняга обеспокоен. Он напрягает силы, хрипит, словно задущенный:

— Крр-ра-се-э-э-энн!..

Голоса на заре... По сердцу они человеку или раздражают его, зависит от того, какое у него настроение в эту минуту...

Фарида отправилась в редакцию газеты, где будет проходить практику. С волнением и нерешительностью шла она по длинному узкому коридору.

Она отыскивала отдел литературы и искусства, при-

открыла дверь. В комнате спиной к двери сидел молодой парень в клетчатой рубашке. Он что-то живо рассказывал.

— Хорошо, а чем же кончилась партия?— перебил его собеседник.

Фарида от двери не могла разглядеть его лица.

— Чем кончилась?— парень откинулся в кресле.

Перед ней заядлые шахматисты.

Ее появление прервало разговор.

Тот, что постарше, неторопливо натянул на нос очки, взял из рук Фарида направление, внимательно прочел. Так же неторопливо снял очки, спрятал в футляр.

— Ну вот, Расулджан, ты все жаловался: мол, один остаюсь на весь отдел. Аллах услышал твои жалобы. Вот товарищ... Фаридахон будет с тобой работать. Знакомьтесь, пожалуйста.

Фарида поняла, что это как раз ее герой, автор интересных, теплою сердца согретых очерков. Ей казалось, что это должен был быть человек солидный, с большим жизненным опытом. А перед ней сидит совсем молодой парень.

Работа Фарида в редакции газеты поначалу заключалась в том, что она отвечала на приходящие отовсюду письма. Каждый день из отдела писем ей приносили груды конвертов, пакетов, открыток. Фарида все это прочитывала, отбирала нужное и передавала своему заведующему. На остальные отвечала сама.

Да, письма... Как часто бывает достаточно прочитать письмо, чтобы представить себе человека, который его писал.

Фарида понимала, что, читая их, она познает жизнь, людей. У нее часто возникало желание поделиться с кем-нибудь. Но с кем? Расул Сулейман, внушительно восседая за своим столом, не поднимает головы. Он так увлекается работой, что никого и ничего вокруг не видит. То улыбается чему-то, то хмурится. И Фарида никак не отважится спросить, что он пишет.

...Фарида закончила писать ответ на одно из писем, подошла к раскрытому окну. На площади такие яркие, свежие розы, что даже на третьем этаже чувствуется их аромат. В воздухе безмолвие, зной. Фарида подавила вздох. Украдкой взглянула на Расула — он, как всегда, грудью налег на стол, работает. Фарида задернула занавеску.

веску и села на свое место. Теперь солнце не бьет прямо в комнату, но стало душно. И Фарида не решилась подойти еще раз к окну. Неудобно. Она опять посмотрела на заведующего. Нет, он, кажется, от всего на свете отрезился.

...Уже около месяца Фарида работает в редакции, а занимается только письмами. Расул Сулейман тем временем читает информации, чьи-то статьи, очерки. Редактирует. Дает авторам советы. Иногда выезжает сам — на предприятия, еще куда-то, сам пишет обзоры, фельетоны. И ни разу он не сказал: мол, сделайте вот это. Наверное, думает: девчонка, разве ей справиться?

И Фарида решила действовать на свой страх и риск. В одном из писем ей попался интересный материал о народных театрах. Она его обработала, отпечатаала и положила ему на стол. Следила внимательно за лицом, когда он принялся читать. Нет, на его лице ничего невозможно прочитать. Расул потирал висок.

Материал появился в очередном номере газеты. А Расул Сулейман так и не сказал практикантке хотя бы несколько слов ради приличия... Когда они с Фаридой вдвоем — молчит. Но стоит в комнату войти кому-нибудь и завести речь про шахматы, он рта раскрыть никому не дает. Все на свете ему известно — и кому Фишер проиграл, и когда расплакался всем на удивление, и сколько ему лет было в то время...

Да, впрочем, не разговаривать — лучше. Работе не мешает ничто.

После первой статьи Фарида почувствовала себя увереннее. По-прежнему она обрабатывала материалы и складывала на столе заведующего.

И с какой радостью разворачивала свежий лист газеты со своим материалом. Только обидно, что Расул ничего не замечал. Так ей казалось.

Но однажды он обратился к практикантке:

— Вы, значит... теперь можете писать самостоятельно. — При этом он глядел не на Фариду, а на белый мраморный бюст Навои, что стоял у нее на столе. — Нам поручено дать спуск «Будущее нашей сцены». Я хочу, чтобы вы съездили в хореографическое училище и сами написали.

Все это звучало не как поручение, а скорее как просьба. И у девушки стало тепло на сердце: значит, он пове-

рил в нее и не скрывает этого! Будь она в эту минуту одна, захлопала бы в ладоши, запрыгала бы от радости, как школьница.

— Значит, вы — в хореографическое, а я — в театральный институт.

Фарида и не думала возражать. Но через минуту ее охватило волнение. Ей ведь еще не приходилось самой писать очерк или статью, беседовать с незнакомыми людьми. А тут — хореографическое училище!

— Я ведь... еще ни разу... — пролепетала она, тоже глядя на белый бюст великого поэта, и с ужасом подумала, что выглядит сейчас, вероятно, маленькой и смешной. Она вспомнила последний очерк Расула Сулеймана, и ей стало стыдно за себя. Разве же она сможет написать так?

— Ну вот, скажите, к примеру... — перешительно продолжала она, — как вы писали очерк «Девушки подружки»?

Она продолжала глядеть на бюст и вздрогнула от неожиданности, когда в комнате раскатился громкий веселый хохот. «Что-нибудь сказала не к месту», — мелькнуло в сознании. А Расул хохотал до слез. И так заразительно, что Фарида сама не могла удержаться от смеха.

И от этого в одно мгновение рассеялась всегдашняя скованность в их отношениях. Обоим стало легче.

— Как я писал? — Расул откинулся в кресле, взглянул на девушку прямо, открытыми смеющимися глазами. — Собрал десятый класс и поговорил с ними по душам — только и всего.

В его глазах Фарида подметила лукавство.

— Значит, вы завтра с утра в редакцию не приходите, — продолжал он. — Прямо идите в хореографическое училище.

И он впервые дружески пожал ей руку на прощание.

Расул Сулейман остался в кабинете один. Вопросы Фариды оживили в его сознании события давней поры, однако памятные. Они-то и заставили его расхохотаться.

..Стояла тогда весенняя пора. Каждый день, стоило ему прийти с работы, мать заводила одни и те же разговоры:

— Соседскую дочку-то сосватали... И знаешь — за кого? Вон на той стороне живет парень... А у тех, что за

нашим домом, тоже подросла девушка. Уж такая симпатичная, вежливая...

И так без конца. Цель подобных речей была одна: уж очень хотелось ей женить сына.

Отец тоже — вернется с какой-нибудь свадьбы, нахмурится:

— У всех в квартале, кажется, отведен свадебного плова. Когда же я смогу созвать к себе гостей? Ну, когда?

И к сыну подступает. А тот все отделяется смешками да шуточками.

Мать тогда наедине стала ему нашептывать:

— Ты только погляди... Вон у тех соседей, что на углу, девушка — ну просто глаз не оторвать, загляденье! Школу заканчивает... Присмотрись, сынок!

Согласился: ладно, мол, погляжу. Заведующий отделом тут же придумал способ. Он хоть и намного старше, но был ему как товарищ. Любую тайну можно поведать. Снял он трубку, в справочной спросил, как позвонить в школу. Соединился с директором.

— Мы к вам в школу направим нашего сотрудника. Если можно, соберите, пожалуйста, заканчивающих школу.

— Иди,— говорит он серьезно,— и не думай смущаться! Нам как раз нужен материал о школе. Желаю успеха!

Вот так с поручением редакции Расул Сулейман и отправился в школу.

Девушки, перебивая друг друга, принялись рассказывать, кем они хотят стать, куда поступят учиться. Пять или шесть человек решили идти в медицинский, некоторые в университет. Одна из школьниц, с густыми черными бровями, сидит в сторонке и не принимает участия в разговоре. Чем-то занята. Он спросил ее:

— Ну, а вы кем хотите стать?

Девушка не подняла головы. Подружки живо ее окружили, стали просить, покажи да покажи! Это был портрет Расула Сулеймана. Девушка мечтает стать художницей.

Другая прочла свое стихотворение «Черная доска, милая доска...».

Читала она тихим, проникновенным голосом, который находил отзвук в сердце каждого, кто слушал. Ему за-

помнилось содержание этих стихов: милая доска, черная доска, ты приветливо сверкала, когда мы впервые переступили порог класса, ты была такой доброй, и мы этим пользовались — чертили на тебе неуклюжие каракули, великое множество неказистых крючков; случалось, неосторожно царапали мелом твое гладкое лицо. Прости! Ведь это все не пропало даром! И твое черное лицо для нас — будто ясный месяц, милая черная доска!

Расул Сулейман очень жалел, что не запомнил целиком его — чуточку сентиментальное, подкупающее, искренностью.

Надо было видеть этих девушек, когда они взволнованны. Каждая — поэма.

Среди них он совсем забыл о своем тайном намерении. Волновался вместе с ними.

Соседская дочь, о которой говорила мать, думает только об одном: поступить на химфак университета в Ташкенте, а потом, если судьба улыбнется, стать ученицей академика Юнусова и открыть новые лекарственные алкалоиды...

Расул тогда сказал ей:

— Желаю удачи, сестренка!

А что еще скажешь?

Всех девушек он стал называть с тех пор сестренками, а они оказывали ему почтение как старшему брату. А вот с Фаридой не так... Уж сколько времени сидят в кабинете вдвоем, а друг о друге почти ничего не знают, не сблизилась.

*
* * *

Фарида исполнила поручение редакции. Написанный ею очерк был напечатан в газете.

Ее героини — будущие звезды балета — выполняли упражнения, отработывали па. Они готовились к предстоящему смотру. Спорили. Поучали друг друга. А одна девочка сильно тревожилась из-за того, что начала полнеть, — и стала себя выдерживать на голодном пайке.

Сама Фарида смутно чувствовала: чего-то не хватает в ее очерке... К тому же Расул Сулейман прочитал его и не сказал ни слова. «Да, уж от такого дождешься!» Фарида стояла у раскрытого окна, не отрываясь, глядела в черную пустоту. Ее внимание то и дело отвлекали

пронзительные свистки тепловозов со стороны вокзала, слышался стук оконных рам где-то поблизости, но секунду спустя она вновь погружалась в пучину тягостных раздумий. Вон как расхохотался Расул, когда она его спросила, как он писал своих «Девушек подружек»? Смеялся, вместо того чтобы поделиться опытом по-товарищески... В ту минуту он показался ей таким самоуверенным парнем, которому поперек горла все другие. Дескать, вот каков я, попробуй-ка дотянись, догони!..

Фарида накинула на плечи шарфик. Нет, все равно знобит... На нее упала холодная капля — одна, другая. Взглянула, так и есть: все небо тучами заволочло.

Фарида закрыла на веранде окна. Подошла к столу, сгрэбла в стопу листки бумаги — исписанные и совсем чистые, придавила прессом. Выключила свет, темным коридором прошла в гостиную.

В доме все спят.

Фарида повернула ручку приемника. Дальние страны вмиг стали близкими: четкую мелодию индийского танца сменяла грустная арабская музыка. Вот звучит с нажимом немецкая речь, сквозь нее пробивается мазурка из Варшавы.

Она шарила по всему эфиру — хотела отыскать живые мелодии.

В ночные часы Фарида любила слушать музыку.

...Ага, это Ойстрах! Или Леонид Коган... Только в их руках звуки скрипки способны так глубоко проникать в душу.

Зеленый глазок приемника таинственно мерцал в крошечной тьме гостиной. Жалобно пела скрипка — творение бессмертного Страдивари. Фариде представилось: плачет, всхлипывает какая-то беззащитная женщина. Вот она поднимает голову. В мольбе простирает руки к небу... Умоляет о милосердии, о пощаде. Поднялась, смятенная. Подол просторного халата волочится по земле. Волосы рассыпались... Ступила шаг, еще один, еще... Остановилась. Опять зашагала, быстрее... Устремилась куда-то вниз с возвышенности. Еще скорее; шаги все чаще... Вот уже вихрем помчалась, так, что глаз не уследит! А в низине ее ожидала буря. Вихрь, мутный водоворот...

Сильное рукоплескание мгновенно привело Фариду в чувство. Ее всю трясло мелкой дрожью. И странно: в

этот миг перед глазами у нее почему-то возникли остатки моста, сорванного селем. Такую картину видела она в прошлом году вблизи Намангана, в кишлаке, что притулился в горном ущелье.

От аплодисментов задрожали стекла.

Фарида с трудом поднялась с дивана, выключила радио. Зеленый глазок погас. Она взяла на столе кувшин, налила в кружку воды, выпила. Дрожь во всем теле как будто утихла немного. Но мысли о Расуле и о дипломной работе не давали покоя.

«Нет,— прошептала Фарида,— невозможно, чтобы человек, способный так непринужденно смеяться, таил в душе неприязнь к людям! Он, должно быть, совсем простой, негордый...»

...По дороге в редакцию Фарида зашла в аптеку. «Вот она»,— подумала Фарида, увидев за прилавком девушку в белом колпаке и в белом халате. С милой улыбкой она обращалась к покупателям, и удивительно грациозным был каждый ее жест, каждое движение.

Фарида невольно залюбовалась ею. Изящные, гибкие руки.

«Руки, дарующие исцеление»,— прошептала Фарида, не отрывая глаз от нее. Так назывался очерк Расула Сулеймана.

Пока Фарида стояла в стороне и наблюдала за милой девушкой в белом халате, в аптеку — нет, не вошел — вбежал парень. Загорелое лицо его разругалось. Он остановился у двери и поднял высоко над головой руку. В ней были зажаты два билета — в кино или театр.

Этот жест был адресован девушке. Она заметила его, несмотря на занятость. Ее большие выразительные глаза вспыхнули. Она кивнула головой — тихонько, ласково. Парень еще что-то показал издали руками и так же поспешно выбежал на улицу.

Все это произошло на глазах у Фариды. «Интересно... знает об этом Расул Сулейман?»

Теперь она шла вдоль аллеи и все думала, думала об этой девушке.

«...В аптеку люди приходят не ради веселья. У каждого своя забота на сердце, свой недуг...» Эти запавшие в голову строки очерка Расула Сулеймана Фарида повторила про себя.

Конечно, эта девушка понимает, что к ней приходят не ради развлечения, потому каждому спешит помочь... Сегодня же Фарида приступит к анализу очерка «Руки, дарующие исцеление».

Когда она открыла дверь редакции, Расул Сулейман стоял у самого входа, точно кого-то ждал. Она отвела глаза. Расулу не безразлично ее опоздание.

— Я заходила в аптеку,— не отдавая себе отчета, пояснила она.

— У вас болит что-нибудь?— Он участливо поглядел на нее.

— Нет,— улыбнулась она загадочно.— «Исцеляющие руки» дали мне лекарство, и боль как рукой сняло.

Расул Сулейман побледнел, потом покраснел.

Фарида сама не ожидала от себя такой прыти. «Ох, непутевая, что же я наделала?!» Взглянула на дверь, за которой скрылся Расул Сулейман.

«Почему же он покраснел? А-а,— понимающе улыбнулась она.— Люди приходят в аптеку за исцелением, а он вышел оттуда пораженный недугом...»

Расул вышел из здания, пересек сквер и, нигде не задерживаясь, добрал до парка ОДО, сел там на скамейку под раскидистыми деревьями.

Сидел, думал и не мог ничего придумать, для чего Фариде было специально идти, чтобы посмотреть на нее.

Но мир и тишина, разлитые в этом уединенном уголке, успокоили Расула.

...С Санобар он тоже познакомился, когда выполнял поручение редакции. Такова уж профессия журналиста. Много разных людей, много разных судеб.

Как-то он сидел дома, отыскивая предлог, чтобы увидеться с Санобар. К нему пришел старый товарищ — Мардан, с которым в школе вместе учились. Он появляется у него весьма редко. Еще бы: хирург, уже снискавший известность. А сейчас он пришел возбужденный, радостный. С порога объявил:

— Все! Она согласилась. Осенью свадьба... Понял, дружище? Нет, скажи, ты все понял?

Расул встал и обнял друга, искренне радуясь вместе с ним. Потом усадил и принялся расспрашивать:

— Красивая?

— Э, брат,— Мардан лукаво прищурился.— Видел ты ее сам! Даже писал о ней.

Сердце у Расула замерло: «Не может быть!..» Спросил невозмутимо, стараясь не хмурить бровей:

— Кто же она?

— Са-но-бар!— по слогам выговорил Мардан.

Расулу едва удалось скрыть свое замешательство. Еще раз поздравил друга. В тот же день он увидел их вдвоем... До полуночи слонялся по улицам один. Нет, он вовсе не завидует! «Чем счастьем друга завидовать, лучше по миру пойти», «Кому не люб, к тому с любовью не вяжись»,— верно говорится.

Расул Сулейман тяжело поднялся со скамейки и вышел из парка.

Девушка из аптеки вместе со своим широкоплечим спутником скоро явилась в редакцию.

Фарида видела их всего второй раз. Тем не менее она приветливо поднялась им навстречу, будто это ее старые друзья.

Оба выглядят счастливыми... Осень на дворе, а с ними будто ворвалось в комнату живительное дыхание весны.

— В будущую субботу наша свадьба... Просим вас пожаловать!

— Ого-о!— протянул Расул. Он подошел и обнял Мардана. Девушке крепко пожал руку.

— Будьте счастливы!— произнесла Фарида, радуясь от всего сердца.

— Вы тоже обязательно приходите!— настойчиво повторила Санобар.

— Это я беру на себя,— заверил ее Расул.

Прощаясь, жених и невеста еще раз подтвердили приглашение.

Расул Сулейман, как и обещал, пришел на свадьбу с Фаридой. И на обратном пути проводил ее до самого дома.

Всю дорогу точно камень на сердце у Фариды. Старалась говорить только о свадьбе. Колебалась: спросить или не спрашивать?.. Все-таки решилась, когда уже подошли к дому. Решилась спросить о своем очерке про хореографическое училище. Ведь то была ее первая самостоятельная работа.

— Расул-ака...— начала она тихо, подавляя волнение.— Простите, я вас хочу спросить...

— Пожалуйста, я слушаю.

— Вы, конечно, помните тот мой очерк... «Вудущее нашей сцены»?..

— Ну, конечно, помню.

— Что вы о нем думаете? Только скажите прямо!— Фарида глянула в его сторону и, хотя на улице было темно, заметила, что он улыбается.

→ Если говорить прямо,— прозвучал голос Расула,— есть недостатки в очерке.

— А почему же вы не сказали тогда, сразу же?!— Фарида не могла сдержать волнения.

— Не сказал я потому...— Расул осторожно взял девушку под руку,— не сказал потому, что не хотел дать вам повода для беспокойства, растерянности. Взглянул на ваше лицо — вы так довольны своей работой!.. И думаю: нет, не время. А теперь вы и сами, наверное, многое понимаете.

— Да, я понимаю, в нем чего-то не хватает. Холодность какая-то...

— Говоря о мастерстве танцовщиц, вы в деталях расписываете, каковы руки, движения у девочек-танцовщиц, в которых видите будущее нашей сцены. А между тем вы не вглядываетесь в их глаза, вам не ведомы тайны их сердец, их чувства, переживания... Вот в этом, Фарида, и есть причина того, что ваш очерк получился холодным. Да! Если хотите писать тепло и взволнованно — о человеке ли, о природе,— пишите только о том, что полюбили. Или — возненавидели всей душой!

По правде говоря, с удовольствием выслушала Фарида замечания Расула, будто он высказывался вовсе не о ней, и думала только об одном: все это пригодится ей для дипломной работы.

Остаток пути, совсем немного, они прошли молча. Когда приблизились к темно-красной калитке в глубине переулка, Фарида сказала:

→ Вот и пришли.

— Я вас не обидел?— тихо спросил он.

— Совсем наоборот! Я по-настоящему рада...

Она попрощалась и вошла во двор. За калиткой остановилась. Прислушалась. Тихо. «Стоит...»— подумала. Сердце заколотилось.

...Едва ступив на роскошно отделанную лестницу, ведущую в здание, она остановилась, чтобы справиться с волнением. Еще раз подумала, с чего начать разговор о

доцентом Ариффи. Ведь он говорил три месяца назад, когда назначал тему: «Благодарить будете после». Вот с этого она и начнет — положит работу на стол и скажет: «Спасибо, домулла!»

Фарида поднялась по лестнице взволнованная; остановилась. Почувствовала: кто-то смотрит на нее. Огляделась. Это Расул ждал ее. Поднял над головой руки: «Ни пуха ни пера! Успеха желаю!»

Фарида улыбнулась. Будто крылья расправились у нее. Она бегом поднялась по широкой лестнице...

ПЕРВЫЙ РЕЙС

Своего младшенького, Халилджана, Акбар-ака очень любит. Но не подумайте, что он не любит своих старших. Нет. Он и их любит. До сих пор у него болит о них сердце. Правда, когда родился первенец, Акбар-ака хорошо помнит, как ему казалось, что ребенок пищит из люльки: «Кончилась твоя молодость, теперь ты — папа». Потом родился средний. Сейчас он не помнит, как они росли. Тогда еще была жива мать Акбара, и она возилась с ними. Бабушку они называли мамой, а дедушку — папой. Они как-то быстро вытянулись и были скорее похожи на его младших братьев, чем на сыновей. Однажды старший принес осоавиахимовский значок. А вскоре Акбар-ака узнал, что сын посещает аэроклуб. И второй увязался за братом. Старший закончил школу и поступил в военное училище. Средний тоже закончил школу и уже взял из военкомата направление в то же училище, но... началась война.

Акбар-ака получил несколько писем от командира части, в которой служили сыновья. Командир писал, что мальчиков наградили орденами. Ах, лучше бы они были живы! Зачем ему их награды?

Акбар-ака сидел на низеньком стульчике на терраске и думал. Его коротко подстриженная борода стала совсем седой. Взгляд под тяжелыми сросшимися бровями устремлен на молодой виноградник. Поврежденный кетменем куст словно печально плачет, слезы капельками падают на землю. Плачет... Кто же не заплачет, потеряв сразу двух таких богатырей. И Акбар-ака потихоньку плакал, прячась от жены.

На заводе забывался за работой, а дома — младшенький.

Как-то пошел отец с Халилджаном в баню, посадил его в таз и начал мыть, а малый захныкал — мыло в

глаза попало. «Эх ты, я ведь считал тебя взрослым парнем, а ты плакса». Тогда Халилджан взял мочалку и стал тереть отцу спину, — слабенько, словно щекотал.

«Помощничек дорогой», — растроганно думал Акбар-ака. С того дня между отцом и сыном завязалась крепкая мужская дружба. Шли месяцы, годы, и маленькие слабые руки Халилджана набирали силу. Он изменился, повзрослел. Халилджан пошел по следам братьев, посещал авiakлуб, а потом закончил летную школу. Позавчера Халилджан ушел в первый самостоятельный полет. А перед этим они с отцом были в бане. На сей раз Халилджан так натер спину отцу, что Акбар-ака уже больше не сомневался, что сын его взрослый и сильный. Акбар-ака потихоньку поглядывал на сына. Так он ведь как две капли воды похож на статую физкультурника на стадионе. Высокий (в дядьку), сильный, как лев, ноги стройные, как у бегуна, талия тонкая, а плечи... на каждом плече поместится два, ну, если не два, то один здоровый человек. Не зря он постоянно участвует в соревнованиях. Надо ему посоветовать заняться борьбой. Настоящий Геркулес. Ведь правду говорят, что все девушки в семнадцать лет — красавицы. Акбар-ака вздохнул. В эти годы и среди мальчишек не бывает некрасивых. Вон какой парень! Красавец! А фигура... Сила просто выпирает. Счастливым бы был.

Мысли Акбара-ака прервал далекий гул. Медленно, словно сытая рыба, проплыл по небу самолет.

— Нет, это не он. — Акбар-ака проводил серебряную птицу взглядом. — Его — грузовой. Он вернется завтра на рассвете. Лишь бы все прошло хорошо. Интересно, какая погода? — Акбар-ака поднял голову и внимательно осмотрел небо. Ясное. К вечеру небо стало чистым и темно-голубым. Ночь, как и солнце, пришла с востока.

Вон и вершину Чаткала окутала тьма. Забеспокоились воробьи.

Из кухни вышла тетушка Сабри с двумя пустыми ведрами.

— Чем мечтать, лучше бы воды принес.

— Пожалуйста, хозяйка, вот скоро выйду на пенсию и полностью поступлю в ваше распоряжение.

Акбар-ака принес воду, поставил ведра на кухне. Он уже давно не ссорился с женой. Не подумайте, что он боится жены, в молодости они не раз ссорились, чего

скрывать. Однажды даже молоденькая Сабри забрала мальчишек и ушла к отцу. А из-за чего?

Возвратились они как-то из парка, а Акбар-ака возьми да и скажи: «Сабри, купить тебе туфли на каблуках? Повыше будешь казаться». Это сильно задело жену. «Ага, увидел, что я мала ростом, когда уже родила трех сыновей?»

Назавтра Акбар-ака вернулся с завода и не застал дома ни жены, ни ребят. Записка на столе гласила: «Можешь найти себе высокую». С трудом тогда привел ее домой. Теперь он и не замечает маленького роста жены. Конечно, родила таких трех молодцов, при чем здесь рост? А двое так и не вернулись с войны. Вместе с женой они пережили тяжелые дни. Акбар-ака очень заботится о своей старушке, старается не огорчать ее.

Старики поужинали вдвоем, напились чаю, а потом Акбар-ака прилег с газетой, а Сабри стала убирать посуду. Оба сегодня неразговорчивые. Легли спать. Глаза у Сабри закрыты, но Акбар-ака знает, что она не спит и не заснет, как и Акбар-ака,— будет всю ночь думать о первом рейсе сына.

И чего только не передумаешь за ночь!

А если какой-нибудь винт откажет? В воздухе ведь не за что зацепиться. Опасно. Да, молодежь в небо рвется. Ладно, пусть рвется сын в небо, не стану останавливать, не сиднем же ему сидеть.

В таких думах прошла ночь. Утром посмотрел на стенные часы: Халилджан уже приземлился. Через сорок минут увидимся. Сердце Акбара-ака громко стучало.

Чтобы прогнать нехорошие мысли, он достал бритвенный прибор, налил в стакан воды из кипящего самовара. Начал неторопливо бриться. Подстриг бородку. Умылся. Надушился одеколоном сына, а потом надел выходной костюм и направился к калитке. Старуха посмотрела на него с удивлением.

— Так я же сегодня во вторую смену,— сказал он.

Сабри промолчала: она знала, куда торопится старик.

Акбар-ака остановился на углу улицы. Прохожие здоровались с ним, и он рассеянно отвечал. Взгляд его был прикован к автобусной остановке. «От аэропорта до вокзала пятнадцать минут, от вокзала до дома пятнадцать минут»,— подсчитывал он. По улице двигались машины,

трамваи. Но они не интересовали Акбара-ака. Ага, вот остановился автобус. Выходят пассажиры. Нет, Халилджана нет среди них. Следующий придет минут через десять-пятнадцать. Акбар-ака ждет, считает минуты. Он повернулся и у ворот дома увидел Сабри. Тоже ждет. И тоже волнуется. Тетушка Сабри ушла во двор. Вот еще автобус. Выходят люди: женщины с сумками и без сумок, какой-то парень без пиджака и с непокрытой головой, высокий мужчина в зеленом плаще и зеленой шляпе, с чемоданом в руках. Не он. Вот... Акбар-ака заволновался, на глаза навернулись слезы. Он улыбнулся дрожащими губами. Он сына и за версту узнает: черные брюки, ботинки, светлая непромокаемая куртка, на голове летная фуражка. Шагает широко, бодро.

— Красавец-то какой,— шепчет Акбар-ака. Он быстро достает из кармана платок, вытирает глаза и тяжело шагает навстречу сыну.

ОХОТНИК И СОБАКА

Сулейман-ата вышел из одноэтажного домика и скорым шагом направился в сторону базара. Только что получена зарплата, необходимо сделать кое-какие покупки. Сперва завернул в продмаг. У кассы и к продавцам — всюду очереди, но тут плечистый парень в спецовке перед окошечком кассира пальцем поманя старика: дескать, вставай передо мной... Вот ведь отзывчивая душа, — будто знает, что Сулейману сегодня шагать да шагать. Он уплатил за кок-чай в пачках, килограмм пиленого сахару, связку баранок. Дальше — сначала в мясной ряд базара, затем в хлебный, за лепешками. Все покупки свалил в мешок, вскинул на спину. Двинулся к чайхане, что уютно расположилась под старым карагачем. Подошел, огляделся. Вот, кажется, местечко с краю просторной супы... Внезапно прозвучал старческий голос:

— Сулейман-бай!

Он обернулся и на почетном месте, против входа, увидел старика с поднятою рукой.

— Чем могу служить, таксыр¹? — учтиво спросил Сулейман-ата, разглядывая того и постепенно его признавая.

Старик, наряженный, невзирая на жару, в халат из бскасама и чалму, с важностью восседал на сложенных вчетверо шелковых одеялах. Бросались в глаза его длинные изжелта-белые усы и борода, обрамляющие худое, нездорового цвета лицо.

Подойдя, Сулейман-ата положил в сторонке свой мешок, затем подал руку старику — давнему знакомцу. Сперва, как водится, пошли расспросы — как да что... Парень в белом фартуке поставил перед сверстниками чайники с чаем, пиалы. Сулейман-ата развязал свой ме-

¹ Таксыр — господин, устарелое вежливое обращение.

шок, выложил баранки, сахар, предложил угощаться. Но старик в чалме сперва ни к чему не притронулся. Он зачарованно глядел, как Сулейман с хрустом разгрызает баранки,— и хотя бы одну в чаю размочил.

— Сколько же вам лет, почтеннейший Сулейман-бай?— наконец не утерпел он. Сулейман молча отложил баранку, принялся в уме прикидывать:

— Да, выходит, за семьдесят перевалило. А вы почему спрашиваете?

— Значит, я моложе вас,— старик в чалме завозился на одеялах.— А у меня ни одного зуба здорового... Вот, поглядите.— Он разинул рот, в котором виднелось всего несколько источенных корешков.— Не то что у вас...

— Что верно, то верно,— Сулейман-ата снова принял-ся за баранки.— Пусть не покажется выдумкой: все тридцать два зуба тут как тут. И все здоровые.

— О-о-о! А в чем же причина?

— Причина? Таксыр, скажите правду: в молодости вы были охотник до сладкого?

— Угадали. Ну, а вы?

— Что за сласти бедняцкому-то сыну выпадали в былые времена, сами посудите? Помню, схватим мы, ребята, из вашего сада горсть кислицы — ишачьих яблок — ишак-алма, и уж вот так довольны!

Старик отлично понял намек собеседника. Скромно опустил глаза, пробормотал: «Все по воле всевышнего...»

— Что уж теперь,— примирительно проговорил Сулейман-ата.— Прошлого не воротить, не персиначить.— Он налил чаю старику.

— Да, да, верно сказали, Сулейман-бай!— с готовностью подтвердил тот.— Прошое не вернется, а с ним и молодость... Немочи одолели — то ногу ломит, то поясницу. А теперь вот и в желудке появилась хворь,— и он схватился за живот.

— Частенько, наверное, приходится посещать то свадьбу, то поминки?— пряча в усах усмешку, искоса глянул на него Сулейман.

— Слава аллаху! То и дело приглашают, случается, дважды на день. А что?

— Да вот она и причина, что в желудке появилась болезнь.

— Ох-хо-хо! Состарились вы, а острословом так и остались.

— Старости я не поддаюсь.

— Оттого и бороду не отпускаете?

— Эх, я недогадливый!— Сулейман-ата хлопнул себя по колену.— Все думаю, откуда у моего таксыра столько ума? А вон откуда: борода прибавляет. Она же и к земле клонит... Ну, простите, если что не так, мне пора!

Сулейман-ата распрямился и вполголоса прочел над местом трапезы благодарственную молитву. Собрал свои пожитки, вежливо простился со стариком, вышел на дорогу. Машины шли из райцентра одна за другой, стоило ему поднять руку — любая остановилась бы. Но не таков был нрав у Сулеймана-ата. Он двинулся пешком, зашагал широко и резво. На ногах крепкие сапоги. Ну, а будь он босиком, да еще штаны подвернул бы снизу,— он развил бы такую скорость, что за ним и всаднику на лошади не угнаться, не говоря уж о том, кто на ишаке. Недаром толкуют о нем сверстники: «Шаг у нашего Сулеймана — все равно что у рысака».

Плотины на водоразборе он достиг к обеду. Не скинув со спины мешка, обошел ее, внимательно оглядел. Железные засовы в порядке. Вода к самой отметке подбирается. Замки на цепях как висели, так и висят, никто к ним, видать, не прикоснулся. Сулейман-ата за долгие годы привык осматривать свое хозяйство самым тщательным образом, по утрам и вечерам. Если, бывало, не удастся — ночью нет покоя. Уже полсотни лет работает Сулейман-ата на плотине, и еще ни разу не случилось большой аварии. Конечно, причиной тому — его неизменная бдительность, усердие, сознание долга.

Если подняться на плотину и глянуть на запад, видно рощу вдоль речного берега, а посредине нее домик под красной железною кровлей. Это дом Сулеймана-ата. Построил его старик незадолго до войны, когда подросли сыновья. Прежняя-то хибарка — возле самой плотины. Сулейман-ата и его старушка-жена своими руками высадили и вырастили деревья вокруг дома, а также вон те тополя вдоль магистрального канала — теперь их человеку не обхватить. Да, с добрыми намерениями делалось все это...

Подходя к своему дому, Сулейман-ата услышал чей-то громкий, заливистый смех — будто струи водопада ударяются о камни. Он поднял голову, пригляделся. О, да тут целая ватага парней, молодая поросль!.. Расположи-

лись в холодке, на супе под чинарой, дастархан разостлали.

Едва старик приблизился, парни разом поднялись на ноги, вежливо поздоровались.

— Хоть вы нас и не звали, мы сами пришли,— проговорил кареглазый паренек, снимая мешок со спины хозяина.

— И хорошо сделали!— отозвался тот, не выпуская ладонь парня из своей.— Добрый человек всегда бывает общительным.

Кареглазого парня — молодого поэта по имени Тахир старик видел всего лишь во второй раз.

— Как в песне поется: «Ваш первый взгляд меня заморозил»,— продолжал Тахир, невольно любуясь тонким, мужественным лицом Сулеймана-ата, смуглым, прокаленным жарой, овеянным ветрами.— Так вот и я, сокучился, захотелось снова побеседовать с вами.

— Молодец! Именно так и поступают друзья. Ну, а они,— старик кивнул на остальных,— разве пришли бы, если б ты не привел?

— Как так?!— зашумели парни.— Да ведь мы здесь каждую субботу и воскресенье!..

— Верно, верно!— сказал старик и заулыбался.— И мне с вами хорошо. Просто душа раскрывается... Ну, а со стариками сядешь, они и пойдут толковать про свои хвори да немочи. Глядишь, у самого заболит, где никогда и не болело...

Сулейман-ата говорил все это не ради красного словца. Верно, с молодыми он и сам будто молодец душой. Даже на щеках расцветал румянец, глаза вспыхивали живым огнем. Потому что молодые парни всегда напоминали ему собственных сыновей. Да, двое его рослых, статных сыновей-богатырей как ушли на фронт, так и не вернулись... И вот теперь иной парень захохочет во всю силу легких — старику мерещится его старший. А другой, поскромнее, лицом и станом младшего напоминает. На сердце и боль и радость... Этим-то ребятам лет по двадцать — двадцать пять. А его сыновьям, будь они живы, теперь исполнилось бы сорок пять и сорок семь. Седина бы пробилась, морщины на лицах; глядишь, уже и внуков бы заимел... Но такими Сулейман-ата никак не мог их себе представить. Перед глазами у него они всегда стояли молодые, в расцвете сил,— такие, как вот

эти его сегодняшние гости. Наверное, это еще и потому, что сам Сулейман-ата прямо держит свой высокий стан и не помышляет о старческом посохе. Даже усы, свисающие по обе стороны рта, до сих пор черные, и уж, верно, не оттого, что он их подкрашивает. Всегда чисто выбритый, чуть выступающий вперед подбородок, прямой римский нос придают его загорелому лицу вид мужественный, решительный, никак не старческий. И глаза у Сулеймана-ата молодые — слегка прищуренные, насмешливые. Сразу видно: у этого человека в памяти и на языке бездна всевозможных шуток да прибауток. Потому-то молодые и тянутся к Сулейману, будто ростки, что едва выглянули из земли и спешат подняться к солнцу. Стоит ему завести один из обыкновенных своих рассказов: «Как-то однажды...» — мигом все умолкают.

Вдоль низкого берега реки, словно солдаты, выстроились длинной шеренгой треноги из могучих бревен; у них и названии подходящее — сипаи. У каждого своя история, которую помнит Сулейман-ата. Потому что каждый, можно сказать, своими руками он же и связал и установил на дне реки. Даже те сипаи, что не видны от дома, скрыты деревьями, — тоже им поставлены. А не будь могучих раскоряк-сипаев — не осталось бы тут ни садов, ни рощи, ни этой развесистой чинары с гостеприимною супой, ни дома под железною крышей. Все снесла бы во время разлива мощная и норовистая горная река.

Однако Сулейман-ата не любит распространяться о своей работе на плотине. Возможно, опасается, как бы это не показалось бахвальством. О его больших заслугах люди, впрочем, и без того достаточно наслышаны, да и «Знак Почета» над левым карманом черного кителя — свидетельство красноречивое. Китель этот, правда, Сулейман-ата надевает очень редко. Его обычная одежда самая простая: белая сорочка — яктаг, такие же штаны, бельбаг — платок на поясице. Пока тепло, — то есть более шести месяцев в году, — ходит он босой; так удобнее всем работающим возле воды.

Сулейман-ата — старейший, заслуженный работник водного хозяйства, однако рассказывать он любит совсем о другом — о своих приключениях на охоте. Он и многим людям известен под прозвищем Сулейман-авчи, то есть охотник — такое прозвище не дается без причины.

Вот и сейчас молодым своим гостям он рассказывает забавные охотничьи истории.

— Теперь уже и не вспомнить, в котором году случилось. Состарилась у меня собака, а ее щенок был еще мал, для охоты не годился. Вдруг слышим: в тугаях появилась лисица. Ну, понятно, стали мы кур в сарае запереть, но разве их удержишь? Найдут лазейку, разбесятся по тугаям, глядь, к вечеру одной не досчитаешься... Выследил я все же плутовку, место засек, где она обычно кружит. Не пожалел куска мяса — на добрый суп хватило бы, зарядил капкан. Сам затаился, наблюдаю. Кружит лиса, подбирается к самому капкану все ближе и ближе. Ладно, думаю, попадешься теперь. И домой. А под вечер возвращаюсь: в капкан угодил козленок. Ну, а мясо лисица все-таки слопала!

— Надула, значит, вас! — рассмеялся один из гостей.

— Хитрости невероятной! — определил Тахир.

Тут беседа прервалась — подошел парень в синей майке, плотный, весь вспотевший. Он поставил на дастархан миску с салатом из лука и помидор, затем обратился к Сулейману:

— Отец, просим вас как старшего наполнить блюдо пловом.

— Ты сам сготовил, сам бы и положил... — начал было отказываться старик.

— Нет, нет! — хором запротестовали гости. — Пусть плов будет положен вашей рукой. Из уважения к вам, очень просим...

Пришлось хозяину согласиться. Минуту спустя они вернулись. Следом за Сулейманом парень в майке принес громадное блюдо золотистого плова, окутанное паром, распространяющее аромат, который ни с чем не сравнить, и поставил блюдо на середину дастархана.

— Угощайтесь, угощайтесь! — согласно обычаю принялись все — и гости, и хозяин — приглашать друг друга к трапезе.

Вскоре плов был съеден до последней рисинки, настала очередь беседы за кок-чаем. И тут кто-то вдруг воскликнул:

— Волк! Смотрите, волк идет!..

Все разом обернулись в сторону дороги.

— Пожалуй, это не волк, а собака, — приглядевшись, успокоил остальных кто-то из гостей.

— Собака-то собака,— заметил парень в синей майке.— Да только кличка у нее и в самом деле Бури¹.

— Верно,— согласился Тахир, присматриваясь к собаке серой масти, которая тем временем приблизилась к супе, по-волчьи свесив голову.— Она сильно смахивает на волка.

— Отец, скажите, не та ли это собака, что родилась от волка?— поинтересовался парень в майке.

— Нет. Но она из того же рода. От волка родилась ее прабабка,— пояснил, отпивая из пиалы чай, Сулейман-ата.

— Каким образом?— с живым любопытством спросил Тахир. И тотчас все обратили взгляды на старика, который, видимо, приготовился рассказывать.

— Вам, наверное, невдомек,— начал он неторопливо,— каким трудным выдался тридцать третий год. Во всем недостаток, на зарплату не прокормишься... Ну, я и промышлял тем, что ловил пlyingшие по реке стволы деревьев, ветки, сушил, пилил и колот на дрова, а потом в базарные дни отвозил в город и продавал...

— Отсюда ходили в город? В такую даль?

— Сынок, что поделаешь, нужно было чем-то жить.— Сулейман-ата отхлебнул из пиалы.— И вот однажды распродал я дрова да и замешкался в городе, кукурузной муки, помню, нужно было купить. Вышел из города под вечер. Чтобы сократить дорогу, двинулся напрямик — безлюдной степью, оврагами. Спустился в один из оврагов, оглядываюсь — волк за мной следом... И не отстаёт, все ближе и ближе. Волчица старая, тощая. Чем-то похожая вон на ту серую суку по имени Бури,— Сулейман-ата кивнул в сторону собаки, которая клубком свернулась возле трухлявого дерева без листьев.— Пригляделся я: худая волчица до того, что ребра можно пересчитать, а вымя чуть не по земле волочится. Как тут быть? У меня на поясе веревка от дров; нож, как обычно, при себе. Я снял веревку, на один конец какую-то чурку привязал и бросил волчице. Они любопытные, таким способом волка можно отвлечь. Нож в руке, веревку разматываю, а сам скорее вон из оврага. Волчица заметила чурку, что за веревкой по земле скользит, и к ней, принохивается, норовит схватить, челюстями кла-

¹ Бури — волк.

цает... Только, вижу, нет, смекнула, что ее надувают. Шаг мне оставался до края оврага — она как прыгнет! И зубами меня за плечо... Я с ног долой, но все-таки успел ножом пропороть ей брюхо. Еще бы миг, она бы мне в горло вцепилась... До сих пор перед глазами ее громадная пасть с острыми клыками...

— Вах, подумать только!— вырвалось у Тахира.

— И надо же случиться — она отпустила меня и наутек. Я поднялся на ноги, побежал за ней. Сам не знаю, для чего. Плечо кровоточит, руки у меня в крови, нож в крови... Волчица впереди ковыляет, от нее кровавый след по земле. Скоро я ее нагнал, хоть и сам обессилел, вижу: она при последнем издыхании. Да и у меня колени подламываются... Она бежала, бежала и вдруг — под кустом упала на бок. Я к ней. Околевает, а в вымя беззубым ротиком вцепился волчонок крохотный, еще полуслепой. Я взял его и принес домой. В ту пору была у меня борзая, с одним щенком, я и подложил волчонка к ней. Щенок с волчонок — самка с самцом — вместе росли, подружились. Волчонок вырос настоящим охотничьим псом, я после с ним и на кабанов ходил. От него и от борзой не однажды родились щенки, я их потом куда только не раздавал — и в Кара-Дарью, и в Ала-бука... Вот и она, — старик опять кивнул в сторону неподвижно лежащей собаки, — из числа потомков того самого волка.

— Так вот оно что!— при всеобщем молчании проговорил Тахир. — Значит, волчьей породы... А сейчас ее, похоже, кто-то обидел...

В самом деле, собака лежала неподвижно, теперь уже не клубком, а вытянувшись, морду положила на передние лапы и не поднимала глаз. Лишь временами тихонько, жалобно скулила.

Сулейман-ата взглянул на собаку и ничего не сказал.

Солнце между тем уже обошло сад, спустилось к горизонту и наконец закатилось за тугай. Должно быть, гости почувствовали: пора удаляться. Все разом поднялись на ноги. Попрощались, гурьбой направились к дороге.

— Простите, друзья, — прощая их, извинился Тахир. — Мне так хочется еще побеседовать со стариком. Я останусь.

Сулейман-ата, проводив молодых гостей, вернулся, поднял дастархан за углы, отнес туда, где лежала собака, и вытряс у нее перед носом все, что там было,— остатки хлеба, мозговые косточки, жилы, хрящи... Но Бури даже головы не подняла.

— Ты что же это!— Сулейман-ата опустил на корточки возле собаки.— Отчего загрузила? Ведь не утопил же я твоих щенят!

Однако Бури не пошевелинулась, глазом не повела на хозяина.

— В чем же причина?— спросил Тахир, все время молча за ними наблюдавший.

— Тоскует по щенкам, не иначе.— Старик поднялся на ноги.— Утопить-то я их не утопил, да двое городских охотников еще заранее мне заказали, ну, я всех и отдал. А ты,— он снова глянул на собаку, погрозил ей пальцем,— еще и благодарить должна хозяйна своего! Твои дети в хороших руках, их обучат охотиться, станут они такими же, как ты...

Когда хозяин и гость возвращались к супе, старик разговаривал будто сам с собой:

— Бедняжка лишена языка... Но, хоть и не говорит, во всем остальном — точно человек...

Тахир понял: мысли Сулеймана-ата все еще заняты собакой, и в сердце — сострадание к ней. Ему самому передалось это чувство. Как бы угадав его состояние, старик проговорил:

— Пришлось мне однажды видеть, как собака плачет, да еще так жалобно...

— Эта собака?

— Нет, другая. Из ее предков, может, бабка.

— Как же это было?

— История давняя, длинная. Но не беда, ночь тоже не коротка, не спеша потолкуем, я и расскажу... Подсаживайся вот сюда,— и хозяин указал своему молодому гостю удобное местечко на супе.

Старушка, жена Сулеймана, принесла свежезаваренный чай. И Сулейман-ата рассказал историю собаки из волчьего потомства, которая плакала, как человек.

Давно это было...

Сулейман-ата служит мирабом¹, караульщиком пло-

¹ *Мираб* — специалист, ведающий распределением воды, поливом.

тины, однако прозвище Сулейман-охотник им вполне заслужено. Ибо знает он не только повадки зверей и птиц, но еще умеет «читать» по следам. Стоит ему приглядеться к примятой траве под утренней росой — сразу определит, кабан здесь протопал или проскользнула косуля. В точности как прославленный Дерсу Узала. Один человек, сведущий в литературе, так прямо и сравнил нашего Сулеймана-авчи с дальневосточным следопытом: дескать, это наш, узбекистанский Дерсу. Да еще и в газете про то написали... Но речь впереди не об этом.

Сам Сулейман не имеет точных сведений о герое Арсеньева. Про себя же думает: наверное, мол, такой же, как и я, человек простой, кормится трудом рук своих, промышляет охотой, потому и славится как следопыт. Охотник должен разбираться в следах. И Сулейман-авчи, читая следы различных зверей, ружьем добывает волков, ставит капканы на лисц, а в подходящее время ловит в реке рыбу плетеными корзинами. При этом — человек щедрый, хотя и вовсе не богатый — свою добычу, что годится на потребу людскую, он с готовностью выкладывает на дастархан перед гостями. Наверное, еще по этой причине к нему охотно идут или едут в гости как знакомые, так и незнакомые.

Таким образом и появился у Сулеймана-охотника человек, впоследствии доставивший ему много неприятностей. Человек льстивый. Говорят: кто льстит — угоден самому богу. Возможно, только людям обычно лесть не приносит добра.

...Человек этот появился под вечер, с рюкзаком и двустволкой, одетый и снаряженный как обычно городские охотники. Такие люди частенько наведываются в здешние места. Время стояло осеннее, прохладное, и Сулейман, едва завидев незнакомца, тотчас пригласил его в дом. Быстро познакомились, гость отведал машинчири — вареного маша¹ и чаю, приготовленных хозяйкой, — и пошли разговоры. На редкость общительным человеком оказался этот городской охотник. Сам щуплый, невысокий, а разговоры у него длинные. Так и частит без умолку, лишь на секунду остановится, чтобы

¹ Маш — местная разновидность чечевицы.

откинуть свои длинные волосы назад. По его словам выходило, что ему известны все охотничьи секреты, повадки чуть ли не всех на свете зверей и птиц, да и в рыболовстве он весьма сведущ. В тот вечер он и Сулейман-авчи сумел, что называется, разговорить, и тут уж больше слушал. А стоило Сулейману умолкнуть, он сразу же хватал книжечку, карандаш, лежащие рядом на подстилке — курпаче, и торопливо что-то записывал. Сулейман-авчи с изумлением на него уставится: что, мол, такое? А гость понукает:

— Продолжайте же, продолжайте!

Фамилия у гостя была — Явкочев.

Поднялись рано поутру, гость снаряжается на охоту. Конечно, приглашает и хозяина. Старик, однако, отказался: слишком много дел у головной плотины. В тот день нужно было смазать металлические водоупоры, засовы, кое-что на них подремонтировать. Делами будущего года всегда следует заниматься осенью.

Гость вышел во двор, глядит: рослая полосатая собака притаилась у ограды, нацеливается на горлинку, что отыскивает зернышки в пожухлой лебеде. Без сомнения, охотничья сука.

Возвратился Явкочев, просит хозяина:

— Не дадите ли мне на сегодня эту вашу Чинак?

Настырный горожанин все правильно разглядел: собака с отрезанным левым ухом, одна из дочерей волка, выращенного Сулейманом, и в самом деле была охотничьей, да и кличку носила Чинак — Карнаухая. Была она в то время еще молода. Незадолго до того Сулейман-авчи вышел с нею на охоту едва ли не в первый раз. Чинак, неопытная, погналась за лисицей, углубилась далеко в туган, откуда возвратилась много часов спустя с разорванным ухом... Впоследствии-то она поднабралась охотничьей сноровки. Но тогда Сулейману вспомнился именно тот не вполне удачный выход.

— Боюсь, она доставит вам много хлопот... — сказал он Явкочеву.

— Ну что вы! Я не думаю, — возразил тот, вгоняя по патрону в каждый из стволов.

Сулейман-авчи оглядел гостя, прикинул в уме: хоть и молод, но, похоже, многое повидал, бывалый... И согласился:

— Ладно, пусть идет с вами.

Будто сына своего собственного отпустил сопроводить гостя в дороге.

Понятливая Чинак по одному только знаку своего хозяина бодро затрусилась впереди горожанина-охотника прямо к тугаям, деловито обнюхивая на пути каждый куст, ствол каждого дерева.

«Охотничья страсть в ней играет», — подумал, глядя ей вслед, Сулейман-авчи.

Явкочев, зорко следя за собакой, бодро направился вперед, широко ступая короткими ногами, обутыми в сапоги с раструбами на высоких голенищах.

Серогривая поджарая Чинак, неуловимо в чем-то похожая на своего отца-волка, мчалась рысью, свесив голову. Но временами, подражая своей матери — борзой, она останавливалась, замирая на трех лапах, слегка приподняв четвертую, прислушивалась, вытянув нос по ветру. Если же поблизости вспархивала птица, Чинак встряхивала длинными мягкими ушами — тоже материнское наследство — и стрелой неслась за птицей следом, иногда на сотню метров.

Медленно вставало осеннее солнце, понемногу нагрело землю, деревья и кусты.

Небо чистое, лишь кое-где лоскутки светло-серых облаков. И настроение у Явкочева в то утро было приподнятым, в груди словно пело что-то, подражая мелодичному журчанью реки. Однако на лице он старался сохранять выражение серьезное, сосредоточенное. И мечтал о геронческом: «Вот если б сейчас прямо передо мной выскочила волчица... Я бы ее: р-раз! И наповал. Шкуру долой, к ягдташу — с таким трофеем сразу можно возвращаться в город... Нет, лучше, пожалуй, лисица. Чего стоит один огненно-рыжий хвост! На улицах все до одного так и замрут с разинутыми ртами... Ну, а вон там, где виднеются метелки камышей, может, собрались несметные стаи уток. Хорошо бы сбить десяток-другой одним зарядом. Подвесить к ягдташу — зрелище не из худших, право...»

Ступая по осенним ярко-желтым листьям, напоминающим золотые монеты, Явкочев приблизился к зарослям колючего унаби, ветви которого похожи на красноватые отполированные трости. Пришлось наклониться, чтобы миновать кусты с острыми шипами. Едва он выпрямился, громадная стая скворцов налетела со стороны

острова на реке, так что солнце померкло. Скворцы принялись кружить над тугаями. Явкочев непроизвольно вскинул ружье... Но вовремя сдержал себя. Что скворец? Пустяк, мелочь. А заряды нужно приберечь для уток. Да вон, совсем неподалеку, они, видать, и гнезятся в немалом числе. Перед Явкочевым расстилались заросли камыша. Сейчас появятся утки, серые, с разноцветными перьями на крыльях, с глазами-бусинками... До озера еще метров сто, но уже ощущается его влажное дыхание, и воздух над камышами чуть заметно дрожит от невидимого испарения.

Тут появилась Карнаухая — где-то она замешкалась по пути. Словно угадывая намеренья человека, она остановилась и поглядела в ту же сторону, куда глядел он. Потом прыгнула в заросли гумая и побежала к озеру. Явкочев двинулся следом. Чиннак скрылась из виду, углубившись в камыши. «Не спугнула бы уток раньше времени», — подумал охотник.

Он уже порядком утомился, тяжело дышал, по щекам и лбу стекали струйки пота. Пуговицы легкой куртки он давно расстегнул, и теперь ему захотелось ослабить еще и патронташ. Нет, нехорошо, будет провисать...

Озерцо, наполовину заросшее камышом, пришлось обогнуть стороной. Выйдя на поляну, Явкочев увидел: Чиннак, зарывшись в высокую траву, притаилась и кого-то выслеживает.

— Вперед! — скомандовал ей охотник, но собака не шелохнулась.

Мгновенье спустя она поджала хвост и как будто даже подалась назад. Но Явкочев, не желая ничего замечать, напрямик, через высокую траву, ринулся вперед. Даже отсюда ему было видно, как на противоположном берегу озерца опустилась большая стая уток. Разве устонишь? Путь преградила трясина, здесь вода еще не вся высохла. Опять крюк, а времени в обрез... Многолетний камыш ломается, хрустит под сапогами, впереди какой-то завал. Собака не движется. Идти одному?.. А утиное кряканье все громче. Как бы не собрались улетать!..

Только ступил одной ногой Явкочев на завал сухостоя, как вдруг стебли защевелились — и на свет показалась кабанья морда, отвратительная и страшная, с дву-

мя могучими клыками в виде серпов. Миг — и кабан с хрюканьем и злобным урчаньем ринулся на человека... У Явкочева потемнело в глазах, он пронзительно закричал. И даже не слышал, как по траве пронесся шелест. Это кинулась навстречу зверю бесстрашная Чинак. До охотника оставался шаг, не больше, — собака вцепилась кабану в нижнюю челюсть. Кабан дико завизжал, крутанулся на месте, — Чинак отлетела от него, будто мячик. Разлепив смеженные ужасом веки, Явкочев увидел: собака лежит на боку, возле живота — лужа крови и еще что-то иссиня-красноватое. Кишки... Но и кабан, пропоров клыком живот своему врагу, видать, испугался. Одним прыжком он ловко бросил свое неуклюжее, будто чурбан, туловище в сторону — и в заросли, наутек...

Еще секунду Явкочев стоял на месте, сотрясаемый крупной дрожью. Внезапно его мозг пронзила мысль: «Бежать!» И только отбежав полсотни шагов, он вспомнил про ружье — оно колотило по плечу. «А вдруг гонится?! — опять мелькнуло в сознании. — Испугать!» И он, сорвав ружье с плеча, пальнул в воздух разом из обоих стволов.

Окончательно пришел в себя Явкочев лишь после того, как впереди показалась красная кровля дома Сулеймана-охотника.

Незадолго до этого сам Сулейман, стоя на головной плотине, видел издали, как городской охотник пулей вылетел из тугаев. Выстрелил. А потом опять побежал, не оглядываясь, и быстро исчез из виду.

«Что-то неладное произошло, — тотчас подумал Сулейман-ата. — Иначе он не побежал бы со всех ног».

Поспешив управиться с делами, старик пошел домой. Гостя не видать. Сулейман-авчи глянул в сторону реки, затем обошел сад, весь дом обшарил. Вышел на дорогу, позвал. Никакого толку. И собака будто тоже сгнула.

— О всевышний, да неужели земля поглотила их обонх? — сам с собой разговаривал старик и сердился все сильнее. Он во второй раз вышел на дорогу. Она от дома ведет к берегу канала, вдоль которого проложено шоссе в город. И оттуда, с берега, вдруг донесся шум идущего на большой скорости грузовика. Сулейман-авчи пригляделся: в кузове машины кто-то... Да ведь это же Явкочев, охотник из города! Удивлению Сулеймана не было пределов.

— Уехать и даже не проститься!— проговорил он вслух. И тут острая тревога пронзила ему сердце. Он крикнул во всю силу голоса:— Чинак!!

Жена Сулеймана, хлопотавшая в сарае, оставила свое занятие, тоже вышла на дорогу. Собаки не было видно.

— Где ж ей быть?— проговорила старушка.— Не иначе опять в степь убежала сусликов ловить...

Сулейман-авчи, приложив козырьком ладонь к глазам, долго, настойчиво вглядывался в сторону тугаев, которые будто горели в зареве осеннего заката. Своими острыми глазами он буквально ощупал каждый куст, каждую тропку, ложбинку. Потом пошел к тугаям. Вот камыши, трясина... Что-то подсказывало: беда стряслась с Чинак, его верной спутницей, преданным другом... Заколело в сердце. Тряхнув головой, отгоняя предательскую дрожь, Сулейман-авчи бегом пустился дальше. Ведомый предчувствием, он двигался путем кратчайшим, прошел каменистую пустошь, затем речку, превратившуюся в цепь заводей. Вот гуща деревьев джиды¹. Он огляделся.

— Чинак!

Только один воробей немолчно чирикает в камышах. «Сорокопут, верно, их потревожил,— привычно подумал охотник.— А может, дикая кошка...»

Наклоняя голову, он зашагал под деревьями джиды. Внезапно ему вспомнилась скрюченная фигура городского охотника в кузове машины. «Уехал — слова не сказал на прощанье,— опять подумалось ему.— Да что ж это за человек?»

Теперь Сулейман-авчи вышел на открытое ровное место. Отсюда видна излучина реки. Багрово-оранжевое солнце быстро опускается к горизонту. По правую руку глухие заросли камыша, по левую — спокойная гладь озера. Вода прозрачная, холодная даже с виду. Тело вздрагивает от осенней прохлады. Одинокий воробей тревожно чирикает где-то поблизости. Наверное, мать, разлученная с птенцами.

Тут Сулейман растерялся на минуту: куда идти дальше? Впереди виднеется высокий берег, подмытый волнами реки... Нет, искать нужно в тугаях. Он повернул

¹ Джиды — лсх.

назад. Опять принялся шарить по кустам, выискивать следы. Но их не было.

— Чинак, Чинак! Ко мне!— снова подал он голос и снова не получил ответа.

Тогда он побежал к озеру, к тому месту, где камыши обступили трясину. Что если собака завязла здесь и утонула?.. Могильным холодом повеяло от такой мысли. Глазам представилась картина: Чинак медленно погружается в вязкую жижу по грудь, по уши...

Вдруг заметил — впереди, на траве, что-то темнеет. Сулейман побежал. Темный неподвижный клубок... Она, его верная Чинак! Лежит на боку, не шелохнется. Глаза открыты, не мигают, тускло поблескивают. А возле наполовину распоротого живота — кишки...

В одно мгновение Сулейман-авчи понял все. «Трус, подлая душа!»— с гневом подумал он о городском «охотнике». Так вот почему он удрал, даже не простился! Сулейман опустил на корточки. Слава творцу, дело поправимое... Он раза три сбегал к озеру, в горстях носил воду, чтобы промыть внутренности собаки. Промыв, аккуратно сложил их в живот. Иголлка с ниткой всегда с собой, на тубетейке. Опытный охотник без них, как и без ножа, в лес не выйдет. Случись какая беда, занозу всадишь — без иголлки не обойтись. Правда, операцию, как в тот раз, Сулейману приходилось производить впервые. Но от других он слышал: только не растеряться, и все сойдет, лучше не надо. Уложив кишки, Сулейман-авчи принялся зашивать собаке живот. Чинак вздрагивала и тихонько скулила при каждом прикосновении иглы. Вот, наконец, все сделано. Сулейман-авчи погладил собаку по голове, скинул свой халат, завернул ее, осторожно поднял и понес...

...Недели не прошло, к Сулейману-ата субботним вечером приехали его сыновья Эрали и Шерали. Оба учились тогда в сельскохозяйственном техникуме. И вот они, едва поздоровались, давай озиаться туда-сюда. Спрашивают отца:

— А где Чинак? Или не выжила?

— С чего это вы взяли?— недовольным тоном отозвался Сулейман.

Тут и Чинак появилась — припадая на задние лапы.

— Жива!— обрадовался Эрали и протянул отцу газету.— А здесь, смотри, что написано!

— Написано?!— удивился Сулейман-авчи— Что написано?

Тогда Шерали взял газетный лист у брата из рук, стал вслух читать. Ого, ну и расхвалил Сулеймана-охотника тот самый его гость — беглец Явкочев! И себя не забыл выставить скромным героем в отчаянной схватке с разъяренным кабаном. В этой же схватке, писал он, смертельное ранение получила самоотверженная Чинак — Карнаухая...

— А заголовок, отец, вы только послушайте!— Восторженному Шерали явно нравилось произведение.— Ведь он назвал вас «Наш узбекистанский Дерсу Узала!» Так и озаглавил свой очерк и даже...

Но он не успел завершить фразу — Сулейман-авчи подошел, молча вырвал у него из рук газету, яростно скомкал и швырнул в горящую печь. Все — и сыновья, и жена — только рты разинули и даже слова не могли выговорить, пока лист корчился в огне и наконец обратился в пепел.

— Какими словами разбросался — и сам каков!— будто самому себе, проговорил Сулейман-авчи. Заметив, наконец, изумление сыновей, он коротко рассказал им все как было.

Первые звездочки замгали в потемневшем небе. Вот и луна всплывает, катится над макушкой чинары. Дальше, дальше, за реку... Но Тахир ничего вокруг не замечал, стараясь не пропустить ни слова из рассказа Сулеймана-ата.

— ...Тогда-то я впервые увидел, как собака плачет. Помню, склонился я к моей Чинак. Глаза тускло поблескивали, не мигая. А из уголков — слезы, одна за другой... Не может быть, чтобы мне почудилось...

— Ну, не диво ли?— задумчиво проговорил Тахир.— А если живая тварь умеет плакать, то почему бы не умела и смеяться?

— Верно говоришь, сынок,— не сразу отозвался Сулейман-ата. Видно, он что-то вспоминал и сам смущался от своего воспоминания. Потом махнул рукой:— Так и быть, расскажу!

...Чинак выздоровела, но для охоты уже не годилась. А тут — война. Все безмерные тяготы военных лет пережила верная собака вместе с Сулейманом-авчи и его старухой. Чинак прожила долгий собачий век.

Нелегко ей было в те времена прокормиться. Людям-то хлеба недоставало. Все на строгом учете, во всем острая нужда. Тут и сам Сулейман-авчи сдал, заметно сдал. Особенно после того, как одна за другой пришли «черные повестки» — похоронные на обоих сыновей... Старуха после этого слегла. Где тут обращать внимание на собаку? А она себе крутится возле ног, вертит хвостом, просит еды, просит ласки...

— Поди прочь! — только и цыкнет на нее, бывало, Сулейман-ата. И приключилось такое, про что и вспомнить неохота.

Известно, у природного дехканина, чем бы он ни кормился, главная надежда — на землю, на свое поле. В те времена и Сулейман-авчи со своей старушкой засеяли кукурузой крохотную делянку, да и берегли ее пуще глаза. Что поделаешь? Зарплата в водхозе — едва хватает паек выкупить, еще на хлеб да на чай. А на базаре ни к чему и не подступись — такая дороговизна.

Делянка под кукурузой — посреди тугаев, где Сулейман-ата своими руками раскорчевал кусты. Сам прокопал грядки, высадил семена, с точностью высчитал, сколько должно уродиться початков. Старуха сорняки выпалывала. Оба чуть ли не каждый вечер прикидывали вслух, какая часть зерна пойдет на продажу, сколько денег выручат да что на них купят. Так и подошло время урожая.

Однажды — уже асад был в разгаре, самый жаркий месяц солнечного года — Сулейман чем-то занимался дома, а его старушка отправилась очищать от сорняков кукурузное поле. И вдруг она возвращается раньше времени, печальная, прямо-таки убитая каким-то горем. Молчит. Увидала Чинак, — собака лежала в тени под навесом, — схватила кочергу — и к ней. Собака — бежать.

— Что случилось? — удивился Сулейман-ата.

— Проклятая, она сгубила урожай! — со слезами в голосе воскликнула жена и, швырнув кочергу вслед удиравшей Чинак, пошла в дом, вытирая слезы.

Сулейман-авчи был поражен. Собака урожай повредила?! Его верная Чинак, которая на охоте, схватив подстреленную добычу — утку или фазана, — приносит ее целехонькой к ногам хозяина... Не может этого быть! Наверное, кабан забрался на поле и натворил беды.

Размышляя об этом, Сулейман сам направился в сто-

рону тугаев, где находилось поле. Миновал заросли тамариска, джиды. Вот и кукуруза — темнеют, клонятся один к другому высокие стебли с продолговатыми листьями. Он пригляделся — и замер от горестного изумления...

Нет, не кабан побывал на этом поле. Кабан выкорчевал, потоптал бы стебли, а они стояли неповрежденные. Только на многих не было видно початков, которые радовали глаз еще совсем недавно. Может, человек их сорвал? Сулейман-авчи внимательно оглядел землю. Видны следы галош его старухи, а больше ничьих следов нет. Ага, вот еще... Собачьи следы! Это она, Чинак! Ее следы он различил бы среди тысячи других... Значит, старуха права?!

Кровь бросилась в лицо Сулейману-ата. Тяжело ступая, он зашагал в сторону дома. Постепенно к нему возвращалась способность рассуждать. Собака повадилась грызть кукурузные початки — но ведь ее дома почти перестали кормить. Можно ли ее обвинять?.. Придя домой, он не увидел Чинак. Жена продолжала вполголоса браниться.

— Лучше бы ты догадалась покормить собаку, — упрекнул ее Сулейман-ата. — Ведь не воздухом же ей питаться, и посты держать она тоже не умеет...

В тот вечер супруги почти не разговаривали. Ночью Сулейману не спалось. Лежа на помосте — сури, он глядел в темное небо, усыпанное звездами. Вот падучая звездочка промелькнула над горизонтом и погасла... Ему вспомнились сыновья — в то время уже на обоих пришли похоронки. Шумит вода в реке, прогибает железные листы плотины. И сквозь ее шум будто пробивается слабый хруст — кто-то обгрызает кукурузные початки со стеблей...

Сулейман-ата тяжело поднялся, заскрипев досками сури. В темноте огляделся: Чинак обычно спала возле порога, свернувшись клубочком, однако сейчас ее не было видно.

— Тью, тью! — негромко посвистал он, подзывая собаку. Но та не подала голоса.

«Охотиться пошла», — про себя подумал Сулейман-ата. Чинак прежде любила поохотиться за сусликами и полевыми мышами. Да, но ведь она давно уже не гонится ни для какой охоты...

— Состарилась, — сокрушенно проговорил он вслух.

— Состарилась, а еще хватает сил кукурузу объедать! — тотчас ворчливым голосом отозвалась жена.

Оказывается, она тоже не спала и, вероятно, размышляла о том же самом. Сулейман-ата недовольно сморщился и промолчал.

Крупная звезда прямо над головой подмигнула, как будто насмехаясь над ними.

До самого рассвета Сулейман-авчи ворочался с боку на бок, почти не сомкнув глаз. Встал на заре, раньше обычного. Как всегда, первым делом отправился к плотине. Придирчиво оглядел все детали, отметку — не поднимается ли вода выше щитов. Когда солнце оседлало двугорбую вершину горы на востоке, откуда течет река, он двинулся к тугаям, миновал песчаную отмель, наносы гравия, гряду камней возле берега. Когда достиг ближних сипаев, свернул в заросли джиды. Раздвигая руками ветки, пробрался через кустарники. Вот уже и поле виднеется. Торчат крепкие зеленые стебельки без початков.. У Сулеймана сердце упало. Сколько труда, столько надежд пошло прахом. Ведь он нарадоваться не мог, глядя, как наливаются соком зерна кукурузы. А теперь..

Сулейман-авчи до того опечалился, что не захотел даже подойти вплотную к своему полю. Стал обходить стороной. Глядь—Чинак! Лежит себе под кустом, возле нее груды кукурузных початков, и один из них она с жадностью обгрызает, обхватив передними лапами.

От гнева Сулейман-авчи аж позеленел. Окажись в ту минуту у него в руках кетмень — обрушил бы с маху на голову проклятой собаки..

И Чинак, видимо, догадалась о состоянии хозяина, проворно вскочила — и в сторону.

— Пош-ла!.. — хриплым голосом выдавил Сулейман.

Собака не приближалась. Он нагнулся над грудой початков, отобрал нетронутые, сложил в полу халата. Медленно побрел к дому. «Какое горе! — твердил он про себя. — Зерно даже созреть не успело. Думали, на зиму будет подспорье.. А собака повадилась — не отвadiшь. Ох ты, горе горькое!..»

Старуха ставила на очаг медный кумган с водой, когда он переступил порог, вывалил на пол воскового цвета початки. На пороге тотчас же появилась Чинак — она

шла следом за хозяином и теперь, видимо, решив, что гроза миновала, с виновато-заискивающим видом помахивала хвостом.

— Чтоб тебе утонуть, проклятая!— в сердцах выругалась старуха, глянув на собаку.

Сулейман-авчи поднял голову. Кажется, теперь он знает, что нужно сделать... Пошарил у себя в карманах, оглядел стены, не нашел, чего искал. Вышел, открыл скрипучую дверцу сарая. Секунду спустя появился с двухметровой веревкой в руках.

— Лежать!— приказал он Карнаухой.

Та покорно легла. Сулейман-авчи обвязал ей шею веревкой, дернул, повел за собой прямо к реке. Они прошли густыми зарослями вербы, тополя. Вот и берег, речная излучина. Старая тесная лодчонка слегка покачивается на волнах, привязанная к одному из сипаев. В лодке, до половины, вода, но Сулейман-авчи не обратил на это внимания. Не выпуская из рук веревку с привязанной Чинак, он отыскал крупный, величиною с дыню, камень, подтянул лодку к берегу, кинул камень на ее дно. Следом Чинак сама прыгнула в лодку — ведь на ней уже приходилось им с хозяином отправляться на охоту. Сулейман-авчи тоже ступил в лодку, оттолкнулся от берега; они поплыли вниз по течению. Пора! Он поднял камень и стал накоротко обвязывать его веревкой, что стягивала шею собаке. Чинак ничего дурного не подозревала, позволяла хозяину делать с собой все, что ему угодно. Сама она принюхивалась к свежему речному ветерку, старческими слезящимися глазами всматривалась в заросли камыша на острове, провожала взглядом каждую птицу, что пролетала вблизи. Наверное, в эти минуты в ней просыпалась давно уснувшая охотничья страсть, вспоминалось, как в былые времена, в пору молодости, она гонялась за фазанами и куропатками...

Лодка меж тем удалялась от излучины со спокойною водой, течением ее выносило на стремнину. Занятый своим делом, Сулейман-авчи не сразу это заметил. Он сперва кинул в воду камень, за которым тянулась веревка, обвязанная вокруг шеи Чинак. Потом Сулейман подтолкнул собаку к борту лодки. Чинак, видать, что-то смекнула: передними лапами она уперлась в борт лодки, опустила брюхом на дно — и ни с места. Сулейман-авчи схватил ее за задние лапы, приподнял.

Лодка сразу потеряла устойчивость, накренилась — и собака вместе с хозяином очутились в воде. Сулейман-ата не помнит, сколько времени он барахтался, ударялся о камни на мели; вода лезла ему в рот, ноздри, уши... Опомнившись, он попробовал плыть к берегу, но намочивший халат тянул ко дну. Плыть не было сил, он попытался лечь на каменистое дно — под ногами оказалась бездна. Больше нет возможности дышать, сознание меркнет... В последний миг он почувствовал: кто-то вцепился ему в плечо, с болью тянет вверх...

Сулейман-ата пришел в себя только на берегу. Понял: он на суше, но не было сил разлепить веки. Когда, наконец, открыл глаза, увидел песчаный берег реки, дальше гравий, камни, за ними зеленую ленту густых тугаев под бирюзовым небом. И у его ног — полосатая Чинак, мокрая и усталая, хвост едва шевелится. Уже много позже Сулейман-авчи спросил себя: «А куда же делась веревка и камень?» Должно быть, Чинак успела сбросить нетуго затянутую веревку.

Убедившись, что хозяин невредим, Чинак принялась что есть силы трястись. Вода мелкими брызгами разлеталась во все стороны с ее густой шерсти. Потом Чинак села на берегу, разинула пасть и — вот аллах свидетель! — принялась хохотать от радости. Она завывала, взвизгивала, очень довольная, что все беды позади.

— Вот оно как бывает. — Сулейман-ата отхлебнул остывшего чая. — Собака пристыдила человека. Мне совестно вспоминать, какая злоба меня тогда обуяла и ослепила. А Чинак? Даже человек не всегда способен проявить такую преданность... Ну, после этого случая мы вдвоем со старухой уже ни на день не оставляли пустой миску нашей Чинак. Год спустя собака умерла, я похоронил ее собственными руками. Преданность. Сильное это чувство, благородное!

Он умолк. Тахир тоже молчал: он догадывался, какие чувства переполняют душу собеседника, ему хотелось что-то сказать в утешение — но нужные слова как-то не приходили...

— Может, разрежем дыню или арбуз? — первым нарушил молчание Сулейман-авчи.

— Спасибо... — Тахир поглаживал себе руки, покрывшиеся пупырышками — «гусиной кожей» — от вечерней прохлады. — Нет ничего слаще вашего рассказа.

Сулейман-ата разостлал одеяла себе и гостю тут же, на суге. Они оба быстро уснули.

...Тахиру снилась полосатая Чинак. Или нет — другая собака, очень похожая на нее. Она сперва лежала, свернувшись, под засохшим деревом, потом встала и проговорила человеческим голосом:

— Собака — преданный друг человека, помни всегда!

...Разбудила Тахира перепелка. Раскрыв глаза, он тотчас ее увидел: она сидела на шестке в клетке, подвешенной за виноградную лозу, и распевала во все горло, радуясь тихому солнечному утру.

Тахир поднялся со светлым чувством на сердце. Сулеймана-ата не было видно, — значит, встал еще раньше. Ого, да тут целых четыре клетки с перепелками! Висят и над сури, и в доме возле окон, а одна — в шалаше, что стоит среди грядок бахчи. Каждая отделана сеткой в несколько цветов. «Ва-вак! Ви-вак!..» — неслось отовсюду.

«Любит и знает природу этот человек, — подумалось Тахиру. — Интересно, куда он подался в такую рань?»

Тахир поглядел в сторону плотины. Старика не видеть. Тогда он обошел сад, спустился к реке. Нигде никого. Чуть в стороне — пустырь. Ага, вон он там, что-то, наверное, выслеживает. Переступает осторожно, короткими шагами, — и вдруг вырвался вперед, в руке сетка...

«Перепелок ловит», — определил Тахир.

Он побежал к тугаям, приминая траву, влажную от росы. Грудь дышала глубоко и привольно. Хотелось крикнуть во весь голос:

— Какая благодать!..

СОДЕРЖАНИЕ

Красное ореховое дерево. Повесть, Перевод *Т. Пулатова* . . . 5

РАССКАЗЫ

Собеседники. Перевод <i>А. Зырина</i>	133
Первые шаги. Перевод <i>А. Зырина</i>	148
Первый рейс. Перевод <i>Н. Владимировой</i>	162
Охотник и собака. Перевод <i>А. Зырина</i>	166

АНАРБАЕВ СУННАТУЛА

Красное ореховое дерево

Повесть и рассказы

Перевод с узбекского

Редактор *Л. Щербак*
Художник *В. Журавлев*
Художественный редактор *И. Цыганов*
Технический редактор *Б. Шамс*
Корректор *В. Кива*

Сдано в набор 20-ХІІ-73 г. Подписано в печать 17/V-1974 г. Формат 84x108^{1/32}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 30000. Р-04891. Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, Ташкент, Навои, 30. Договор № 161—73.

Отпечатано на Ташкентском полиграфкомбинате Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 3. Ташкент, ул. Навои, 30. Заказ № 1943. Цена 40 к.

Анарбаев С.

Красное ореховое дерево. Повесть и рассказы. Т., Изд. литературы и искусства, 1974, 189 с. с илл.

Старый садовод Туляган после десятилетней ссоры с дочерью едет в город, чтобы помириться с ней и с ее мужем.

Чувствуя приближение смерти, он оценивает свою прошлую жизнь, раздумывает над тем, всегда ли он был добр и справедлив к людям. Перед его мысленным взором всплывают картины голодных лет, затем героические годы революции, коллективизации, Отечественной войны и сегодняшней жизни.

Уз 2

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ХАМИД ГУЛЯМ. Жажда.

Сборник поэм и стихотворений о дружбе народов, о героическом труде и верной любви в переводах Константина Симонова и Риммы Казаковой.

ЮЛДАШ ШАМШАРОВ. Свет.

Роман о жизни узбекского кишлака в 20-е годы, о борьбе за новую светлую жизнь.

КАДЫРОВА Т.- Современная архитектура Узбекистана.

Книга о замечательных достижениях узбекского зодчества в современном градостроительстве и архитектуре села, о перспективах его развития.

САИДОВ Н. Халима Насырова.

Книга рассказывает о творческом пути замечательной певицы, народной артистки СССР.